

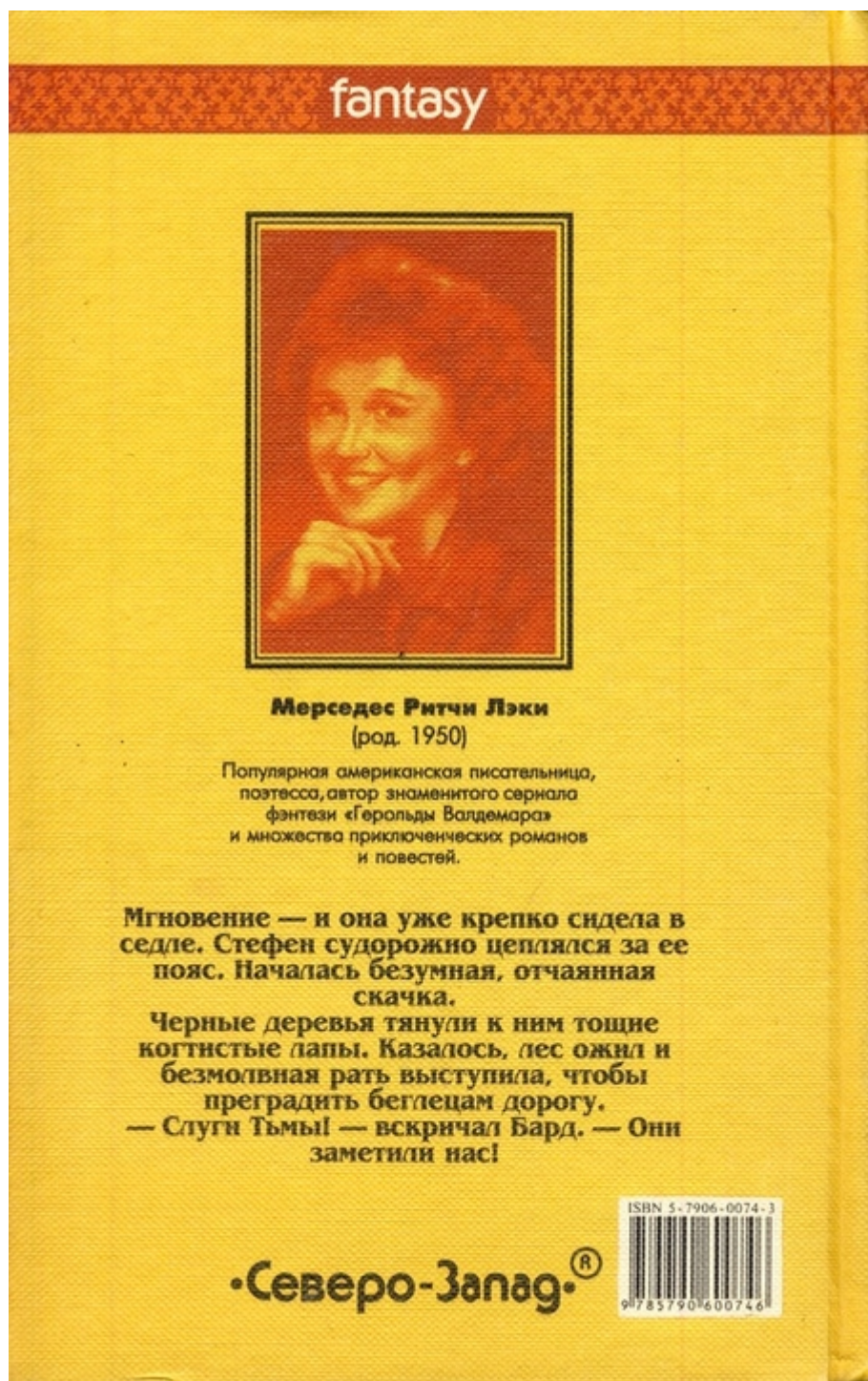
Мерседес ЛЭКИ

Стрелы королевы

•Герольды Валдемара•

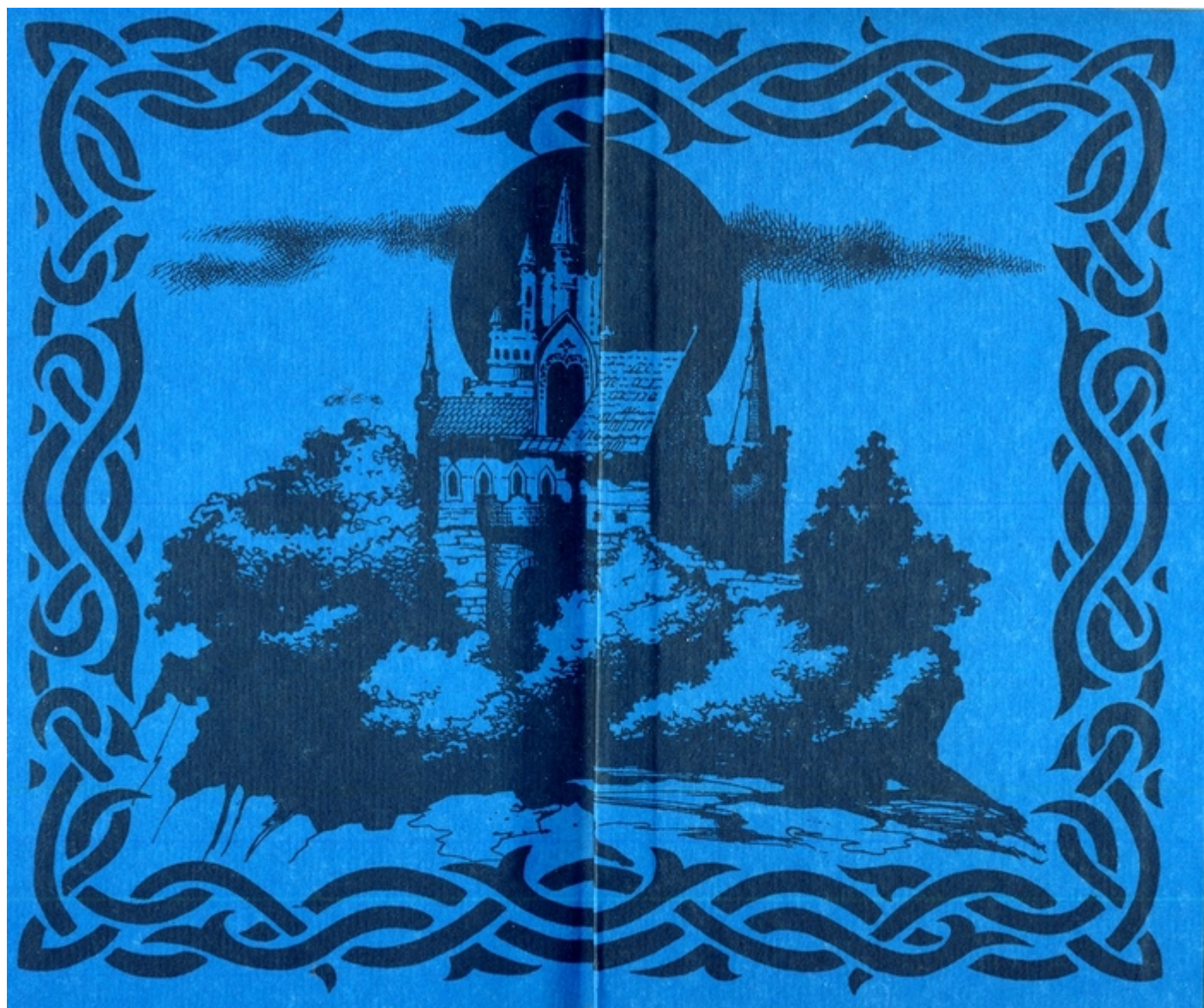
Annotation

Первый роман трилогии «Герольды Валдемара» из большого цикла о Валдемаре. В серии были изданы только первые два романа.

Содержание:

Стрелы королевы (перевод И. Брюн)

Мерседес Лэки

Стрелы королевы

Глава первая

В листве шелестел легкий ветерок, но сидевшая под деревом девочка, похоже, не замечала ни ветра, ни, вообще, остального мира. На вид ей было лет тринадцать. Наряд ее был крайне прост и непритязателен; судя по всему, она принадлежала к одной из семей крепковеров. Крепковеры, замкнутые, отличавшиеся особой суровостью домашнего уклада люди, обосновались в приграничных землях королевства Вальдемар всего каких-то два поколения назад.

Наряд подростка (как и любой девушки из крепковеров) состоял из коричневых штанов и рубахи навыпуск; каштановые кудри были коротко подстрижены, но никак не желали укладываться в прическу, принятую у детей крепковеров. Каждый, знакомый с нравами этих людей, счел бы девочку весьма странной, поскольку, занимаясь обычной женской работой — расчесывая некрашеную шерсть — она

читала книгу. Женщины у крепковеров редко владели грамотой, и уж конечно не читали ради развлечения. Чтение считалось исконно мужской привилегией. Девочкам, вообще, не полагалось учиться; девочка с книгой в руках — пусть она одновременно и делала положенную работу — выглядела здесь белой вороной.

Однако если бы кто-нибудь заглянул в этот момент в мысли этой странной девочки, то понял бы, что дело еще хуже, чем кажется на первый взгляд.

«... Рядом смутно вырисовывался силуэт Ваниэля; луны не было, и сквозь ветви тсуги, под которой они укрывались, проникал лишь неясный свет звезд. До нее доносилось едва слышное дыхание Ваниэля: они лежали так близко друг к другу, что, стоило подвинуть руку — и можно было коснуться его руки. Только выучка и сила воли помогали девушке сохранять самообладание при виде смертельной опасности, надвигающейся на Вальдемар. Света звезд, отражаемого снежным покровом, вполне хватало, чтобы увидеть эту опасность.

Под уступом, на котором они лежали, по узкому проходу между утесом Делкрэг и горой Турлос, текли полчища Служителей Тьмы. Наблюдавшие безмолвствовали; хранили молчание и воины. Лишь скрип снега, да порой хруст сломанной ветки или тихое позвякивание доспехов и конской сбруи выдавали их присутствие. В этом пугающе бесшумном продвижении чувствовался поразительный порядок. Нечего и надеяться, что лежащая дальше к югу крохотная застава Пограничной Стражи сможет выстоять против этих опытных воинов, каждый из которых к тому же чародей. Мало того, что каждый из защитников заставы окажется один против ста; на этот раз на Вальдемар идет не обычная орда варваров, неспособных избрать себе верховного вождя и поэтому заведомо обреченных на поражение. Нет, эти бойцы подчинены человеку с железной волей, и в их рядах есть место только закаленным и испытанным воинам.

Рука Ваниэля легонько коснулась ее плеча; девушка вздрогнула и вышла из оцепенения. Ваниэль слегка потянул ее за рукав, и девушка послушно выползла из зарослей.

— Что теперь? — прошептала она, поднимаясь на ноги, когда между ними и Слугами Тьмы встала каменная громада утеса.

— Один из нас должен известить короля, пока другой задержит их на том конце прохода...

— Интересно, с каким войском? — от страха голос ее прозвучал язвительно и резко.

— Ты забываешь, сестренка: мне не нужна войска. — Ваниэль вытянул руку перед собой, и внезапная вспышка на миг высветила насмешливую улыбку на его губах и залила белую форму Герольда жутковатым голубым сиянием. Девушка невольно содрогнулась; мрачное лицо Ваниэля всегда казалось ей немного зловещим, а уж в голубом свете выглядело просто демоническим. В Ваниэле чувствовалась какая-то болезненная притягательность. Этот человек был опасен, не то что его ближайший друг, неизменно мягкий и приветливый Бард Стефен. Возможно, Ваниэль являлся последним — и, некоторые говорили, лучшим — из Герольдов-магов. Всех остальных погубили Слуги Тьмы. Лишь Ваниэль оказался достаточно силен, чтобы выстоять против объединенной мощи зла. И хотя сама она обладала лишь крохой магического дара, она кожей чувствовала силу Ваниэля, даже когда он бездействовал.

— Между нами говоря, мы с моим Спутником стоим тысячи их мастеров-чернокнижников, — продолжал Ваниэль надменно. — К тому же в дальнем конце ущелье сужается, и там они смогут идти только по трое в ряд, не больше. Мы без труда задержим их там. И потом, я хочу убрать Стефена подальше отсюда; моему Ифандесу не вынести нас двоих, а ты такая легкая, что твоя Эвали вполне выдержит и тебя, и Стефена.

Девушка склонила голову, уступая его доводам.

— Хоть мне это совсем не нравится...

— Знаю, сестренка, но ведь у тебя почти нет магической силы, зато у твоей Эвали быстрые ноги. Ну, все. Чем скорее ты отправишься в путь, тем скорее приведешь подмогу.

— Ваниэль, — она коснулась варежкой его затянутой в перчатку руки. — Ты... будь осторожен. — Ей вдруг стало очень страшно за него. Она вспомнила, что, когда король посылал их на это задание, на лице Ваниэля промелькнуло обреченное выражение, словно его посылали на смерть.

— Непременно, сестренка. Клянусь тебе, я не стану рисковать без нужды.

Мгновение — и она уже крепко сидела в седле. Эвали под ней неслась, словно вьюга в конском обличье. Сидящий позади Стефен судорожно вцепился в ее пояс, и ей вдруг стало жаль Барда: ведь для него Эвали была чужой, он не умел слиться с лошастью, и ему оставалось только неуклюже цепляться; она же, отмеченная магией, доступной лишь Герольдам, ощущала себя единым целым со Спутником.

Они неслись безрассудно, сломя голову. Деревья жадно тянули к ним костлявые руки, словно пытаются схватить и стащить со спины Эвали. Но Спутник каждый раз вовремя уклонялся, уворачиваясь, словно ласка, от когтистых ветвей.

— Слуги Тьмы! — прокричал Стефен ей в ухо, — Они, наверно, знают, что кто-то поехал за подкреплением. Они заставляют деревья нападать на нас!

Эвали избежала еще одной ловушки, и стало ясно, что Стефен прав — деревья и впрямь двигались осмысленно, а не качались беспорядочно на ветру. Ветви тянулись к ним жадно и злобно; девушка-Герольд затылком ощущала жаркое дыхание черной магии, словнодохнул зловонием питающийся падалью зверь. В расширенных глазах Эвали застыл ужас: видимо, и Спутник ощутил мощь тьмы.

Она еще раз стиснула ногами бока Эвали, и Спутник ответил новым рывком; пот выступал на шее и боках лошади и почти сразу замерзал. Деревья, казалось, затряслись от гнева и разочарования, когда путники наконец проскочили мимо последних и вырвались на придорожную насыпь.

Теперь перед ними открывалась прямая и ровная дорога к столице, и Эвали с торжествующим ржанием выскочила на нее, перемахнув через поваленный ствол лесного великана...»

Тэлия заморгала глазами, резко возвращаясь к действительности. Книга околдовала ее, она витала в мечтах, навеянных рассказом, но сейчас грезы рассеялись безвозвратно. Вдалеке кто-то выкрикивал ее имя. Тэлия мотнула головой, отбрасывая с глаз непослушную прядь волос. У порога дома маячила угловатая фигура Келдар, Первой Жены. Как всегда прямая, словно жердь, как всегда в темном платье, Келдар стояла подбоченившись, с суровым видом, означавшим, что долго ждать Тэлию она не намерена.

Девочка с тяжелым вздохом отложила работу и, смахнув камешки, которыми прижимала страницы, закрыла потрепанный томик в матерчатом переплете, старательно заложив книгу драгоценным обрывком ленты. Впрочем, Тэлия знала, что и без закладки легко найдет нужное место. Келдар, как нарочно, появилась в самый волнующий момент: Герольд Ваниэль остался один, окруженный Слугами Тьмы, и никто, кроме его Спутника и Барда Стефена, не знал, в какой он опасности. Тэлия хорошо изучила нрав Келдар и не сомневалась, что сможет вернуться к книге только через несколько часов, если не завтра. Келдар всегда мастерски выискивала повод лишить Тэлию чтения — даже тех крох, которые ей неохотно разрешили. Но никуда не денешься: Келдар — Первая Жена, главное лицо в Усадьбе. Ее полагалось слушаться беспрекословно, за любое неповиновение наказывали. Поэтому Тэлия поспешила на зов. Она бережно убрала книжку в корзинку, где уже лежали шерсть и веретено. Коробейник, отдавший ей этот томик на прошлой неделе, уверял, что книга никудышная, но для девочки она была дороже золота: до сих пор у Тэлии имелось всего две собственных книжки, и обе она перечитывала столько раз, что уже помнила наизусть. Эта же была новой, и сегодня благодаря ей Тэлия на час перенеслась во внешний мир, мир Герольдов и Спутников, возвышенных приключений и магии. После этого возвращение в обычный мир, где ее ждала лишь работа по дому и кислая мина Келдар, подействовало как ушат холодной воды. Тэлия постаралась стереть с лица недовольство — беда, если заметит Келдар — и с корзинкой в руке понуро поплелась по тропинке, ведущей к Усадьбе.

Но при взгляде на Первую Жену девочка поняла, что Келдар ее старания не обманули, и внутренне сжалась.

Обмануть Келдар было невозможно: она чуяла бунт, как собака закопанную кость. К тому же все признаки бунта имелись налицо, очевидные для любого, кто мало-мальски разбирается в детях: шаркающая походка, угрюмый взгляд... Келдар чуть поджала губы. Девчонке тринадцать лет, а она все еще не желает смириться с бременем, которое богам было угодно возложить на ее плечи! Что ж, скоро все изменится. Очень скоро на глупые сказки и безделье времени не останется.

— Не хмурься, дитя мое! — процедила Келдар, презрительно кривя тонкие губы. — Тебя зовут не для порки!

Конечно, в прошлом она не раз колотила Тэлию, чтобы наставить на путь истинный. Побои эти приносили крайне мало пользы и к тому же вызывали слабые протесты Матери ее Мужа. Но ведь дети должны слушаться — такова воля богов; и если для вразумления нужны побои, значит, их будут бить так сильно, как потребуется, и молиться, чтобы на сей раз урок пошел впрок.

Возможно, у нее, Келдар, недостаточно тяжелая рука. Что ж, если и впрямь дело в этом, то все еще поправимо.

Она смотрела, как девочка неохотно тащится по тропинке, шаркая ногами и поднимая пыль. Келдар отлично знала, что обращается с Тэлией очень сурово, порой даже несправедливо, но ничего не могла с собой поделать. Этот ребенок попросту выводил ее из терпения.

Кто бы мог подумать, что такое смиренное и тупое существо, как Бесса, произведет на свет вот эдакую маленькую пакостницу? Девчонка порой вела себя как дикарка, строптивая и непокорная, — как только посмела Бесса родить такую дрянь? Что ж, в семье не без урода, но кто мог ожидать, что у Бессы к тому же хватит наглости умереть родами и свалить воспитание младенца на остальных Жен?

Тэлия настолько не походила на мать, что Келдар невольно вспоминались рассказы о подменышах. В самом деле: ребенок родился в канун летнего солнцестояния, а давно замечено, что в эту пору происходят всякие загадочные вещи. Ведь сходства с отцом, крепким, рослым, белокурым мужчиной, в девчонке не больше, чем с полной, светловолосой, болезненной матерью.

Но нет. Это суеверие, а суеверию нет места в жизни крепковеров. Просто в девчонке упрямства вдвое больше обычного. Но даже самые упрямые побеги можно согнуть. Или сломать.

И если у Келдар не хватает для этого сил, то среди крепковеров найдутся люди, которые легко справятся с этой задачей.

— Живее, дитя мое! — добавила Первая Жена, так и не дождавшись ответа Тэлии, — Тебя что, кнутом подгонять?

— Да, матушка. То есть нет, матушка! — отозвалась Тэлия так почтительно, как только могла. Она попыталась разгладить лоб в надежде угодить Келдар, заодно разглаживая подол рубахи дрожащей, потной от страха рукой.

«Зачем она меня позвала?» — гадала девочка в тревоге. Она по опыту знала, что ничего хорошего от таких вызовов обычно ждать не приходится.

— Ну, входи, входи! Мне что, весь день торчать из-за тебя на пороге? — по холодному голосу Келдар невозможно было догадаться, что уготовано Тэлии. От туго уложенной косы до аккуратно повязанного передника — в Келдар все создавало впечатление человека, всегда и всецело владеющего собой. Она считалась во всех отношениях образцовой Первой Женой и не упускала случая напомнить об этом окружающим. В присутствии Келдар Тэлия всегда робела. Как бы тщательно она ни готовилась к тому, чтобы предстать пред очи Первой Жены, она неизменно казалась себе взъерошенной и растрепанной, как последняя замарашка.

Торопясь протиснуться в дверь мимо внушительной фигуры Первой Жены, Тэлия слегка запнулась о порог. Келдар пренебрежительно хмыкнула, и девочка почувствовала, что краснеет. В Келдар было что-то такое, отчего Тэлия всегда чувствовала себя виноватой и неуклюжей. Собрав последние крохи самообладания, девочка проскользнула в дом. В сенях было темно; Тэлия хотела остановиться, чтобы глаза привыкли к темноте, но Келдар следовала за ней по пятам. Девочка ошупью пошла дальше, надеясь, что ни на что больше не налетит. Под ногами скрипели стертые деревянные половицы. Наконец она отворила дверь и вошла в горницу. Здесь было сразу три окна, и в лившемся из них свете Тэлии открылась картина, от которой у нее разом пересохло во рту от страха: вокруг обеденного стола из грубо оструганных досок восседали все Жены ее Отца. И все пристально на нее смотрели.

Восемь пар голубых и карих глаз пригвоздили девочку к месту, как птичку, окруженную голодными кошками. Восемь скучных, невыразительных лиц повернулись, нацелились на нее.

Тэлия сразу припомнила все свои прегрешения за последний месяц, от невымытой вовремя вчера посуды до несчастья с малышом, за которым ей полагалось смотреть и который забрался в козий закут. Проступков, за которые ее могли призвать к ответу, набиралось с полсотни, но ни один из них не был настолько серьезным, чтобы требовать общего собрания Жен, по крайней мере, так казалось Тэлии.

Если только... — Тэлия вздрогнула от одной мысли об этом, — если только они не узнали, что в полнолуние, когда можно читать без предательского света свечи, она лазала в библиотеку Отца. Отцовские книги были в основном о божественном, но Тэлии удалось откопать пару старых летописей, которые оказались почти так же интересны, как сказки, и она не устояла перед искушением. Если об этом стало известно...

Тогда ее ждет ежедневная порка в течение недели и месяц «изгнания», когда на ночь тебя запирают в чулане, а днем сторонятся, как от заразной, и никому не разрешается с тобой разговаривать и вообще замечать; только Келдар будет назначать работу по дому. Разумеется, самую грязную и тяжелую. За последний год такое случалось уже дважды. Тэлия задрожала. Она сомневалась, что сможет выдержать третий раз.

Келдар заняла свое место во главе стола и начала речь. После первых же ее слов все мрачные мысли вылетели из головы Тэлии.

— Что ж, дитя, — хмуро объявила Первая Жена, — Сегодня тебе исполняется тринадцать лет.

От облегчения у Тэлии голова пошла кругом. День ее Рождения? Только и всего? Она вздохнула свободнее и гораздо более уверенно встретила взгляды собравшихся Жен. Руки Тэлия, как подобает, сложила перед собой, глаза потупила. Уставившись на корзинку, стоящую у ее обутых в грубые башмаки ног, она приготовилась с должным почтением выслушать обычную лекцию о своих обязанностях, список которых рос с каждым Днем Рождения, сколько она себя помнила. Когда Жены сочтут, что Тэлия получила достаточно мудрых советов, ей позволят вернуться к работе (а главное — к книге).

Однако следующие слова Келдар камня на камне не оставили от ее спокойствия.

— Тринадцать! — многозначительно повторила Келдар, — Пришла пора подумать о Замужестве.

Тэлия побелела; сердце ее замерло. Замужество? О, Владычица милая, не надо!

Келдар внешне не подала виду, что заметила реакцию Тэлии, хотя глаза Первой Жены злорадно блеснули. Она безжалостно продолжала:

— Ты, конечно, еще не готова к этому, но ничего страшного. Месячные у тебя установились, ты здорова и сильна и вполне сможешь стать матерью прежде, чем закончится год. Тебе давно пора вступить Женой в Семью. Твой Почтенный Отец дает за тобой три добрых поля, так что приданое у тебя неплохое.

Судя по кислой гримасе Келдар, она считала, что такого приданого Тэлия не заслуживает. И, когда остальные Жены одобрительно забормотали что-то насчет щедрости Мужа, пальцы Келдар нервно стиснули край стола.

— Несколько Старейшин уже сватали тебя — в Первые Жены для своих сыновей или в Младшие Жены себе. Несмотря на твои неженственные замашки — все это чтение, письмо — мы дали тебе хорошее воспитание. Ты умеешь стряпать, стирать, шить, ткать и прясть, и тебе можно доверить маленького ребенка. Усадьбой управлять ты еще не сможешь, но в ближайшие годы от тебя этого и не потребуются. Даже если ты выйдешь за молодого и станешь его Первой Женой, то все равно на первых порах будешь жить в Усадьбе Отца твоего Мужа. Так что в целом ты вполне подготовлена для брака.

Келдар, видимо, сочла, что сказанного достаточно, и села, сложив руки под передником, прямая как палка. Одна из Младших Жен, Изрел, дождалась ее разрешающего кивка и немедленно подхватила нить лекции об имеющемся у падчерицы выборе.

Изрел во всем слушалась Келдар, и Тэлия всегда считала ее изрядной дурой. Что бы Младшая Жена ни сказала, она сразу смотрела на Келдар своими телячьими карими глазами, ожидая ее одобрения. Вот и теперь она поглядывала на Келдар через каждое слово.

— Видишь ли, то и другое неплохо; я хочу сказать, быть Первой Женой и быть Младшей Женой. Если

ты станешь Первой Женой, твой Муж со временем обзаведется собственной Усадьбой, и ты будешь в ней хозяйкой. Зато если ты станешь Младшей Женой, тебе никогда не придется принимать никаких решений. Ты будешь жить в Усадьбе с налаженным хозяйством, так что тебе не придется ограничивать себя во всем, стараться свести концы с концами. Не нужно будет беспокоиться ни о чем, кроме работы по дому и вынашивания малюток. Мы ведь хотим тебе только счастья, Тэлия. Мы хотим, чтобы ты сама выбрала ту жизнь, для которой ты, по-твоему, лучше подходишь. Конечно, только жизнь, а не Мужа, — Изрел нервно хихикнула, — это было бы неприлично, и потом, ты, наверно, все равно не знаешь никого из женихов.

— Изрел! — одернула ее Келдар, и Младшая Жена испуганно съежилась. — Последнее замечание было неприличным и неподходящим для девичьих ушей! Ну, дитя, что же ты выбираешь?

О, Богиня! Тэлии хотелось умереть, улететь, обернувшись птицей, провалиться сквозь землю — все что угодно, лишь бы не это! Конеч. Она в ловушке. Ее выдадут замуж, и она кончит как Нада, которую каждую ночь избивают так, что днем ей приходится носить блузы с высоким воротом, чтобы скрыть синяки. Или умрет, как мать, замученная слишком частыми родами. И даже если невероятно повезет, и ее Муж окажется добр или же настолько глуп, что не опасен, ее настоящей жизни, сказкам, придававшим существованию смысл, придет конец. На них просто не останется времени в бесконечном круговороте беременностей и домашних дел...

И, не успев подумать, что говорит, Тэлия ляпнула:

— Я вообще не хочу выходить замуж!

Тихие перешептывания и шорохи среди явно скучавших женщин смолкли, как по волшебству. Все остолбенели; на лицах застыло недоумение. Все девять Жен одинаково потрясенно и испуганно уставились на Тэлию. Молчание сомкнулось вокруг нее, словно черный омут.

— Тэлия, милая, — нарушая жуткую тишину, раздался позади нее тихий голос, и Тэлия с облегчением обернулась к Матери Отца, которая незамеченной сидела в углу. Мать Отца была из тех немногих людей, кто не считал, что все, что делает Тэлия, заведомо плохо. В этой комнате лишь ее добрые выцветшие глаза смотрели без осуждения. Говоря, старушка безотчетно, по привычке, поглаживала снежно-белую косу морщинистой рукой, покрытой коричневыми старческими пятнами.

— Да простит нас Мать, но мы и не подумали задать тебе этот вопрос. Ты чувствуешь Призвание? Быть может, Богиня призывает тебя служить Ей?

Тэлия надеялась на отсрочку, но это было куда хуже Замужества. Она с ужасом вспомнила тот день, когда мельком видела Храмовых Затворниц, проводящих жизнь в молитвах за души крепковеров. Вид этих крайне молчаливых, закутанных с головы до пят женщин, которым запрещалось покидать монастырь, запрещалось разговаривать, запрещалось... жить! — потряс Тэлию. Перед ней распахнулась западня еще страшнее, чем Замужество; одно воспоминание о Затворницах вызвало у нее ощущение удушья.

Тэлия неистово замотала головой, не в силах вымолвить ни слова: в горле застрял ком.

С грохотом отодвинув табурет, Келдар поднялась и надвинулась на испуганную девочку, которая не смела шелохнуться, как мышонок в когтях у кошки. Мертвой хваткой сжав плечи Тэлии, она потрянула так, что у девочки лязгнули зубы.

— Что с тобой творится, девчонка? — гневно спросила Первая Жена. — Ты не хочешь Почтенного Замужества, ты не хочешь Покоя Богини, чего же ты хочешь?

«Все, чего я хочу, — это чтобы меня оставили в покое, — подумала Тэлия в тихом отчаянии, — Я не хочу ничего менять...»

Но этот предатель, ее язык, снова не сдержался и помимо воли Тэлии выболтал ее мечту. До нее вдруг донесся собственный голос, произнесший:

— Я хочу быть Герольдом.

Келдар поспешно, с брезгливым ужасом отпустила ее плечи, словно обнаружила, что держала в руках какую-то мерзость, выползшую из навозной кучи.

— Ты... ты... — Наверное, впервые в жизни невозмутимая Келдар не могла найти слов. Потом,

опомнившись, она обрушилась на Мать Мужа, как на козла отпущения.

— Теперь вы видите, к чему приводит цацканье с детьми? Вот что выходит, когда позволяешь девчонке занестись слишком высоко. Чтение! Счет! Девушке не нужно знать больше, чем требуется, чтобы сделать надписи на банках с вареньем, пересчитать припасы или не дать себя обсчитать торговцу! Я предупреждала вас и вашего драгоценного Андреана, что случится, если позволить девчонке забивать себе голову дурацкими сказками! — Келдар снова повернулась к Тэлии. — А теперь, детка, я возьмусь за тебя всерьез...

Но Тэлии в комнате уже не было.

Она воспользовалась тирадой Келдар, чтобы попытаться к двери. Выскочив из горницы прежде, чем кто-либо успел заметить ее маневр, девочка со всех ног помчалась по Усадьбе. Ее душили рыдания, в голове стучала одна-единственная мысль — бежать! Миновав амбары, Тэлия выскочила за частокол; ветер бил в лицо, ужас придавал ногам прыти. Она неслась через поля, где ее хлестали колосья и трава по пояс высотой, и дальше — по извилистой тропе сквозь густой подлесок. Она бежала к своему убежищу, о котором, кроме нее, не знала ни одна живая душа.

Лес заканчивался крутым обрывом, под которым вилась Дорога. Два года назад Тэлия наткнулась на нечто вроде пещерки, образовавшейся под корнями гигантского дерева, росшего на самом краю обрыва. Тэлия выстелила свой тайник соломой и старым тряпьем, натасканным потихоньку из дома; там она прятала две другие свои книги. Все время, что ей удавалось выкроить от работы по дому, она проводила в своей берлоге. Место было замечательное: девочку невозможно было заметить ни сверху, с края обрыва, ни снизу, с Дороги. Сейчас Тэлия добежала до пещеры, заползла внутрь и в изнеможении зарылась в тряпки, плача навзрыд, трясаясь в ознобе и со страхом прислушиваясь к малейшему звуку наверху.

Ибо, как ни глубоко было ее отчаяние, Тэлия знала, что должна быть настороже — ведь ее вот-вот начнут искать. И действительно, вскоре до нее донеслись голоса слуг, зовущих ее. Когда они подошли совсем близко, девочка уткнулась лицом в тряпки, чтобы заглушить рыдания; слезы тихо капали из глаз, а она вся превратилась в слух, с ужасом ожидая радостного восклицания «Вот она!». Раз десять Тэлия думала, что пропала, однако челядь, похоже, потеряла ее след. Наконец голоса затихли, и она смогла выплакаться вволю.

Отчаяние захлестнуло ее с новой силой; Тэлия обхватила колени руками и, раскачиваясь взад-вперед, рыдала, пока не иссякли слезы в воспаленных глазах. Она совершенно обессилела; даже мысли ползли медленно, словно придавленные безысходностью. Что теперь делать? Вернуться и попросить прощения? Но все прежние наказания покажутся детской забавой по сравнению с карой, которой Келдар подвергнет ее теперь за неприличное и строптивое поведение. Что ее постигнет дальше, решат Келдар и Отец. И уж теперь-то Келдар постарается выбрать для непокорной падчерицы самого ужасного мужа. Тэлию либо прикуют цепями брака к выжившему из ума слюнявому старику, чтобы ее лапали по ночам, а днем она служила сиделкой, либо отдадут какому-нибудь грубому и жестокому скоту, с наказом научить ее уму-разуму. Келдар, верно, подберет такого же живодера, как Юстас, старший брат Тэлии, — девочка вздрогнула, вспомнив, как он стоял над ней с раскаленной кочергой в руке, сияя от злобной радости... Она поспешно отогнала воспоминание. Но даже такая участь — блаженство в сравнении с тем, что ждет Тэлию, если ее решат отдать в Храмовые Служительницы. У Служительниц Богини еще меньше свободы и еще больше обязанностей, чем у Святых Затворниц. Они живут и умирают, ни разу не побывав дальше того монастырского коридора, к которому приставлены...

И в любом случае, какое бы будущее ей ни уготовили, с книгами, единственной отдушиной, помогавшей ей убегать от тоскливой действительности, будет покончено. Уж об этом Келдар позаботится.

Какое-то время девочка обдумывала еще одну возможность: сбежать, навсегда уйти из Усадьбы, из земель крепковеров. Потом вспомнила лица бродячих батраков, которых ей доводилось встречать на Ярмарках Найма: иззябшие, голодные, отчаянно ищущие кого-нибудь, кто взял бы их в Усадьбу. И еще, Тэлия ни разу не видела среди них женщин. Из «глупых сказок», что она прочла, она уяснила одно: жизнь бродяги опасна, а порой и губительна для неподготовленных и беззащитных. А какая подготовка у нее, Тэлии? Какая защита? Все ее богатство — одежда, что на ней, да эти рваные тряпки, да две книжки — и больше ничего. Как ей защитить себя? Она даже ножом толком пользоваться ее умеет. Она станет легкой

добычей для любого злодея.

Ах, если бы все это происходило в сказке...

Незнакомый голос окликнул ее по имени — голос, полный спокойной силы, и оказалось, что Тэлия идет на этот зов, что помимо своей воли вылезает из тайника. И вот перед ней, на вершине обрыва...

Блистательная и гордая Женщина-Герольд в белых одеждах; подле нее — подобный снежно-белому призраку Спутник, чьи грива и хвост, как тончайший шелк, развеваются на легком ветерке. Солнечный свет окружал обоих сияющим ореолом, словно богов. Герольд и смотрела на Тэлию, как ожившее изваяние Богини крепковеров — только Богини величественной, сильной и гордой, а не кроткой и покорной, как ее изображали всегда. Позади Герольда, присмирившие и пристыженные, стояли Келдар и Отец.

— Ты Тэлия? — спросила Герольд.

Девочка кивнула.

Улыбка, появившаяся на лице Герольда, показалась ей ослепительной, как внезапно проглянувшее после дождя солнце.

— Да будет благословенна Владычица, приведшая нас сюда! — воскликнула она. — Столько томительных месяцев искали мы тебя, и все тщетно. Мы ничего не знали о тебе, кроме имени...

— Владычица? Привела ко мне? — спросила Тэлия взволнованно. — Но зачем?

— Чтобы ты стала одной из нас, сестренка, — ответила Герольд; при этих словах Келдар съежилась, а Отец уставился на собственные башмаки. — Ты должна стать Герольдом, Тэлия, сами боги решили так. Смотри, вон идет твой Спутник...

Тэлия взглянула туда, куда указывала Герольд, и увидела грациозную белую кобылицу с длинной выгнутой шеей и большими умными глазами, неторопливо приближающуюся к ней. На Спутнике была синяя с серебром попона, с поводьев и уздечки свешивались крошечные бубенчики. За Спутником, на почтительном расстоянии, следовали единокровные братья и сестры Тэлии, остальные Жены и слуги Усадьбы.

С радостным криком Тэлия бросилась навстречу кобылице, и Герольд помогла ей забраться в седло; слуги Усадьбы ликовали и выкрикивали поздравления, братья и сестры таращились с угрюмым почтением, а Келдар и Отец глядели на девочку в явном страхе. Очевидно, им пришли на память все наказания, которым они подвергали Тэлию, и они ожидали, что теперь, обретя власть, она не преминет отомстить им...

Топот копыт, донесшийся со стороны Дороги, вторгся в ее безнадежные мечты. На мгновение Тэлию охватила паника — ей подумалось, что это еще один преследователь. Потом до нее дошло, что ни одна из отцовских лошадей так не скачет. Удары копыт о твердую дорогу звенели, словно колокольцы. Топот все приближался, и вскоре к нему присоединился другой звук: перезвон настоящих колокольцев, или подуздных бубенчиков. На обычных коней бубенцы надевали только по случаю праздника; лишь одна лошадь могла быть ими украшена и в будний день — волшебный конь из легенд, Спутник Герольда.

Тэлия ни разу в жизни не видела живого Герольда, хоть и мечтала о них постоянно. При мысли о том, что она наконец увидит свою мечту наяву, девочка позабыла и слезы, и фантазии. Искушение было слишком велико. Хотя бы на одну-единственную минуту отрешиться от невзгод, забыть о своем безвыходном положении и хоть взглядом прикоснуться к чуду, чтобы лелеять это воспоминание в душе до конца своих дней. Тэлия как можно дальше высунулась из пещеры, думая только о том, чтобы хоть мельком увидеть Герольда, и... потеряла равновесие.

Она отчаянно взмахнула руками, но не удержалась и кубарем покатилась с обрыва, больно ударяясь о корни и камни. Казалось, из нее вот-вот вышибет дух, но толчки и удары ничуть не замедляли падения. Тэлия продолжала лететь кувырком, пока не шмякнулась о твердую поверхность Дороги с такой силой, что из глаз посыпались искры. Она была почти оглушена.

Когда серая пелена перед глазами рассеялась и Тэлия снова смогла дышать, оказалось, что она распласталась на Дороге лицом вниз. Руки были в ссадинах, бока в синяках, в колени впились мелкие

камешки, а глаза запорошило пылью. Смаргивая слезы, она повернула голову вбок и уперлась взглядом в четыре серебряных копыта.

У Тэлии опять перехватило дыхание. Сделав над собой усилие, она с трудом поднялась на ноги. На нее с ласковым любопытством взирал... ну, Спутника Герольда едва ли можно назвать «конем». Спутники отличались от лошадей настолько, насколько пантеры отличаются от бродячих кошек, а ангелы — от людей. Тэлия сотни раз читала и перечитывала рассказы о Спутниках, и все же оказалась совершенно не готовой к этой встрече.

Спутник оказался один, без седока. На нем красовалось полное парадное убранство: серебряная с лазурью попона, увешанная бубенцами уздечка. Ни разу в жизни Тэлии не доводилось видеть лошади, в которой бы так гармонично сочетались изящество и сила. Даже стоя на месте, она казалась летящей во весь опор. Спутник был белым — все Спутники белой масти — но ничто на свете не могло бы сравниться с этой сияющей, живой, лучезарной белизной. А его глаза...

Когда Тэлия наконец осмелилась посмотреть в сапфировые глаза Спутника, мир вокруг нее исчез...

Она погрузилась в синеву, безбрежную, как океан, бездонную, как небо, и полную такой доброты и приветия, что защемило сердце.

Да... Наконец... Ты. Я Выбираю тебя. Из всего мира, после столь долгих поисков я наконец отыскал тебя, юная сестра моего сердца! Ты моя, и я твой — и никогда больше не будет одиночества...

То были даже не слова, а чувства. Чувство потрясения и восторга. Захватывающей дух радости, столь огромной, что близилась к боли — радости слияния. Чувство потери и встречи; освобождения и пленения. Чувство полета и свободы. И главное — любви и приятия, которые невозможно описать словами — и Тэлия всей душой откликнулась на эту любовь.

А теперь забудь, маленькая. Забудь, пока не будешь готова к тому, чтобы снова вспомнить.

Тэлия очнулась с ощущением, будто произошло что-то огромное, хотя не совсем понимала, что именно. Она потрясла головой, пытаясь сосредоточиться: вот сейчас, только что... — но, что бы за событие это ни было, оно стерлось из ее памяти, хотя Тэлии почему-то казалось, что воспоминание может всплыть в любой момент. Но сейчас в ее грудь тыкался мягкий лошадиный нос, и Спутник тихонько ржал.

Казалось, кто-то с любовью обнимает ее, уговаривая выплакать все свое горе. Тэлия обхватила руками шею Спутника и, уткнувшись в шелковистую гриву, безудержно зарыдала. Как только она прикоснулась к Спутнику, ощущение, что ее обнимают и утешают, усилилось, и она отдалась этому незнакомому, но желанному чувству. Когда Тэлия плакала в пещере, одна, слезы не приносили облегчения; теперь же в ее душу снизошел покой, и вскоре она уже смогла вытереть глаза краем рубахи и оглядеться, вновь начав замечать окружающий мир.

Она неохотно отпустила шею Спутника и еще раз посмотрела на него долгим взглядом. На миг ей безумно захотелось вскочить в пустое седло. Она представила себе, как уезжает, уезжает далеко-далеко; куда угодно, лишь бы прочь отсюда и вместе с ним. Испытание было столь велико, что Тэлия задрожала. Но вскоре опомнилась. Куда она может уехать? И, кроме того...

— Ты убежал от кого-то, да? — тихо сказала она Спутнику, который в ответ только фыркнул ей в рубаху. — Я не могу оставить тебя себе, ты можешь принадлежать только Герольду. Я... — Она осеклась. При мысли о разлуке со Спутником в горле встал жесткий ком, на глаза снова навернулись слезы. Никогда за всю свою короткую жизнь Тэлии ничего так не хотелось, как хотелось сейчас, чтобы она... она принадлежала Спутнику, а он — ей!

— Мне придется отвести тебя назад, к твоему хозяину, — через силу выговорила она.

Тут в голову Тэлии пришла новая мысль, и в первый раз за весь день перед ней на миг блеснула надежда: она увидела выход из своего отчаянного положения.

— Быть может... быть может, твои хозяева будут мне признательны. Может, позволят работать на них. Им ведь, наверно, нужен кто-то, чтобы стряпать, шить и все такое. Я бы все сделала для Герольдов. — В

ласковых синих глазах Спутника, казалось, светилось согласие. — Они должны быть лучше Келдар, — во всех сказках они такие добрые и мудрые. Наверняка они бы мне позволили читать, когда я не работаю. Я бы все время видела Герольдов... — Слезы опять сдавили ей горло, — И, может, они позволяли бы мне иногда видаться с тобой.

Спутник только снова заржал и, изогнув шею, бархатным носом подтолкнул ее к седлу. — Я? — пискнула Тэлия. — Я не могу... — До нее вдруг дошло, кто он и кто она. Мечтать о том, как вскочишь на спину Спутника, очень приятно; однако, если взглянуть на вещи трезво, сама мысль о том, что она, грязная, оборванная деревенская девчонка, сядет в седло волшебного коня, нелепа.

Огромные синие глаза посмотрели на Тэлию с легким нетерпением. Спутник властно стукнул копытом о Дорогу и тряхнул гривой. Казалось, он всем своим видом говорил, что считает сомнения девочки смехотворными. В конце концов, кто ее увидит? И, если подумать, очень может статься, что Спутник явился издалека; если Тэлия все-таки решит идти пешком, путешествие может растянуться на целую вечность.

— Ты уверен, что не против, чтобы я села? Что все в порядке? — спросила она робко, забыв о том, что советоваться с лошастью довольно странно.

Спутник нетерпеливо вскинул голову, и бубенцы на узде зазвенели. Не приходилось сомневаться в том, что он считает поведение Тэлии в высшей степени глупым.

— Ты прав, — сказала она с внезапной решимостью, поставила ногу в стремя и одним движением поднялась в седло.

Тэлия умела ездить верхом и делала это при каждой возможности, частенько тайком, когда никто не видел. Ездила на всех лошадях, достаточно взрослых, чтобы выдержать ее вес — объезженных и нет, с седлом или охлюпкой. Поскольку в Усадьбе она была старшей из детей, ей порой доверяли отвезти послание одному из Старейшин или съездить с поручениями в деревню. Обычно Тэлия по крайней мере раз в неделю садилась в седло на законном основании. За ездой тайком ее ловили самое меньшее раза в три-четыре чаще.

Однако езда верхом на Спутнике явилась для нее совершенно новым впечатлением. Его ход оказался таким мягким, что в седле удержался бы и младенец, и, если бы Тэлия закрыла глаза, ни за что бы не догадалась, что они двигаются отнюдь не прогулочным шагом. Отцовских кляч приходилось постоянно понукать, чтобы не переходили на шаг, Спутник же по собственному почину поднялся в короткий галоп, который был быстрее любого карьера, которого Тэлии когда-либо удавалось добиться от лошади. Душистый воздух струился мимо нее, словно речная вода, омывая лицо прохладой. Упоение скачкой прогнало из головы девочки недавние тревожные мысли. Казалось, воздушный поток сдул с нее все невзгоды и они остались позади, словно грязный узел посреди дороги.

И если это был только сон, то Тэлия надеялась, что умрет посреди него, и ей никогда больше не придется просыпаться в прежнем тоскливом и мрачном мире.

Глава вторая

Минуло лишь одно деление свечи, а они уже оказались от дома дальше, чем Тэлия когда-либо забиралась в своей жизни. Дорога шла вдоль Реки; с одной стороны тянулся крутой, поросший деревьями и кустарником обрыв, с другой — пологий спуск к воде. Река в этом месте текла широким и медлительным потоком; кое-где в просветах между деревьями виднелся противоположный берег. Могучие прибрежные ивы с раскидистыми ветвями создавали настоящую живую завесу. Нигде ни следа человеческого жилья. Слышно только пенье птиц да гудение насекомых в ветвях над головой и по сторонам дороги; видны только деревья, порой — проблеск реки, да дорога, уходящая все дальше и дальше. У Тэлии появилось ощущение, что земли крепковеров уже остались позади.

Солнце все еще стояло довольно высоко и приятно пригревало, его лучи еще не стали палящими, как в разгар лета. На Дороге почти совсем не было пыли; покрытие было сделано из какого-то материала, которого Тэлия никогда не видела, поскольку прежде ни разу не осмеливалась спускаться к Дороге. Запах зелени пьянил девочку, как вино; она жадно впитывала впечатления.

Теперь уже в любую минуту ей мог повстречаться Герольд, которому по праву принадлежал этот Спутник; приключение кончится, и ей вряд ли еще когда-нибудь доведется сесть на Спутника. Поэтому каждое мгновение казалось драгоценным и его следовало запомнить на всю жизнь.

Но время шло, а ни одного Герольда, да и вообще никого, кроме нескольких белок, не появлялось, и Тэлия постепенно расслабилась. Мерный шаг Спутника и расстилающаяся впереди Дорога действовали на девочку гипнотически. Она сама не знала, откуда взялось это убаюкивающее ощущение покоя. Тэлия пребывала в подобии транса и встрепенулась, только когда лучи заходящего солнца ударили прямо в глаза. За то время, что она ехала в безмятежной отрешенности, не замечая ничего вокруг, ее тревоги и страхи куда-то улетучились. Осталась только спокойная уверенность в том, что она поступила правильно, отправившись в путь, и легкое возбуждение. Однако ночь быстро надвигалась, а Тэлия и Спутник по-прежнему одни-одинешеньки двигались по Дороге.

Пока Тэлия ехала, не обращая внимания на окрестности, местность изменилась. Крутой лесистый склон стал пологим и выровнялся — настолько постепенно, что она этого не заметила. Теперь расстилавшиеся справа поля и леса находились на одном уровне с Дорогой, а сама Дорога проходила всего в паре пядей над плещущейся водой. От Реки обочину Дороги отделяло каких-нибудь два лошадиных корпуса. Местность стала настолько равнинной, что Тэлия больше не сомневалась, что приграничные земли, принадлежащие крепковерам, остались далеко позади.

— Мы что, так и будем ехать всю ночь? — спросила она Спутника; тот наострил уши и развернул их, прислушиваясь к ее словам, потом фыркнул, тряхнул головой и перешел на шаг. Теперь, когда стих звон копыт, Тэлии стал слышен сонный щебет устраивающихся на ночлег птиц. Спутник, похоже, высматривал что-то на лесной стороне Дороги — так, по крайней мере, показалось Тэлии. В тот самый момент, когда заходящее солнце окрасило его белую шерсть в ярко-алый цвет, он, по-видимому, нашел то, что искал. Без всякого предупреждения Спутник прибавил шагу и, свернув с Дороги, рысью пустился по ведущей в лес тропинке.

— Ты куда? — воскликнула Тэлия.

Он лишь тряхнул головой, продолжая двигаться вглубь леса. Деревья по сторонам тропы росли так часто, что и думать было нечего спрыгивать на ходу. В подлеске залегли густые тени, вновь пробудившие страхи Тэлии. Она понятия не имела, что скрывается в зарослях под чернеющими деревьями. Там могли оказаться колючие кусты или жуки-вонючки, а то и что-нибудь похуже. Оставалось только цепляться за седло и ждать, кусая губы от досады и тревоги.

Тропа внезапно расширилась и вывела на поляну, посреди которой высилось небольшое строение, очевидно только на одну комнату, без окон, но зато с трубой. Оно выглядело явно ухоженным и так же явно пустовало. На Тэлию нахлынула волна облегчения: она вспомнила описания в книжках и поняла, что перед ней Путевой Приют Герольдов.

— Прости, — покаянно сказала она Спутнику; он снова шевельнул ушами, чтобы уловить ее слова, —

Оказывается, ты и вправду знаешь, что делаешь, да?

Вместо ответа Спутник остановился, сделал разворот точно перед входом в Приют, взмахнул головой, откинув с глаз челку, и подождал, пока Тэлия спешится.

Вот когда пригодилось прочитанное: Тэлия точно знала, что здесь найдет, и приблизительно — где искать. Она осторожно перекинула ногу через спину Спутника и медленно соскользнула на землю. К ее растерянности, двигаться быстро не получалось. Тэлии никогда прежде не приходилось так долго оставаться в седле; ноги затекли, побаливали и слегка дрожали. Первым делом следовало позаботиться о Спутнике. Тэлия быстро расседлала его и, разнуздывая, обнаружила удивительную вещь: у уздечки не было удила. Собственно, она представляла собой не что иное, как усложненный недоуздок. Как известно, обычной лошадью управляют при помощи удила — железной части узды, вложенной ей в рот позади зубов. Если удила нет или лошадь закусывает их, она становится неуправляемой. Так вот, «управлять» Спутником при помощи этой уздечки было невозможно — разве что у его хозяина были такие сильные руки, что он мог просто силой повернуть голову лошади в нужном направлении. Очень необычная сбруя, наводившая на мысль об очень необычных отношениях между лошадью и всадником.

Тэлия бережно сложила седло и уздечку возле входа в Приют, потом сбросила крюк, запиравший дверь, и заглянула внутрь. В меркнувшем свете дня она еле разглядела то, что искала: трут и огниво. Они лежали на полке возле самой двери.

Девочка высекла огонь и развела в очаге крохотный огонек, только чтобы осветить помещение. Когда в Приюте стало светлее, Тэлия разыскала еще несколько полезных вещей: тряпки, чтобы обтереть сбрую, и скребницу для чистки Спутника.

Пока девочка тщательно и любовно соскребала с его кожи пот и дорожную пыль, Спутник стоял гораздо спокойнее, чем любая из лошадей ее Отца. Когда же Тэлия закончила его обихаживать, галопом поскакал на поляну и стал весело кататься по траве. Тэлия хихикнула: забавно было видеть, как Спутник забыл все свое величавое достоинство и повел себя как сущий жеребенок, особенно после того, как он держался до сих пор — словно это он ведет ее домой, а не она его. Тэлия занялась сбруей и вычистила ее так же тщательно, как чистила Спутника, с наслаждением вдыхая душистый запах кожи. Потом сложила в Приюте, сразу за дверью, чтобы не испортила роса. Возле кучи тряпок стояли два ведра; Тэлия подхватила их и заторопилась к реке, пока еще не совсем стемнело. Спутник, словно щенок, отправился следом, утопая вместе с ней в высокой траве, и, пока девочка наполняла ведра, напился вволю.

Восхитительное прохлада струящейся вокруг ног воды напомнила Тэлии, что ей и самой нужно помыться. Сегодня она сначала со всех ног бежала к своему тайнику, потом слетела с обрыва и вся вывалилась в землю, потом целый день ехала верхом — неудивительно, что она грязная и липкая от пота. А крепковеры среди прочего прививали детям и почти болезненную чистоплотность. Тэлия не привыкла чувствовать себя такой грязнулей, и это ощущение определенно ей не понравилось.

— Может, ты и Спутник, — сказала она наблюдавшему за ней жеребцу, — но пахнет от тебя не лучше, чем от лошади, а теперь и от меня тоже. Как ты думаешь, здесь можно купаться?

Спутник заржал, потом отошел на несколько шагов и стукнул копытом у кромки воды, кивая головой, словно затем, чтобы Тэлия уж наверняка поняла, что он имеет в виду. Она подошла к нему и в сгущающейся тьме всмотрелась в прибрежные водоросли.

— О! — воскликнула она в восторге, — Мыльный корень! Тогда все в порядке: Герольды не посадили бы мыльный корень там, где опасно купаться.

Недолго думая, Тэлия разделась донага. Сначала хотела оставить одежду на берегу, но потом передумала и прихватила ее с собой в воду. Яростно полоща штаны и рубаху, она рассуждала: возможно, они и будут мятыми, когда высохнут, но лучше уж мягкое платье, чем грязное.

Нагретая за день солнцем вода показалась ее обнаженному телу шелковой, дно было не илистым, а песчаным. Тэлия плескалась и плавала, резвясь, словно виденный однажды детеныш выдры. Какое наслаждение — купаться голышом, как в детстве, и не беспокоиться о том, что Келдар может поймать ее за этим неприличным занятием. И тут Тэлии пришло в голову, что теперь-то уж точно все мосты сожжены. Ни одну девушку брачного возраста, без разрешения проведшую ночь вне дома, не примут обратно в Усадьбу.

Разве что чернавкой, для самой грязной работы, да и то если смиростивятся Отец и Первая Жена. На мгновение мысль эта испугала Тэлию: после того, что она натворила нынче днем, над ней не смиростивится ни один человек в Усадьбе. Но тут ее взгляд упал на светлый силуэт Спутника, пасущегося на берегу, и она решила, что надо раз и навсегда перестать думать о том, что осталось позади — перестать, и все тут.

Как следует отдраив и одежду, и себя саму чистым песком и мыльным корнем, Тэлия решила, что, пожалуй, хватит; кроме того, начинало холодать. На обратном пути Спутник все так же неотступно шел за ней по пятам, а когда они подошли к Приюту, мордой подтолкнул ее к двери и настойчиво, просяще заржал. На сей раз у Тэлии не возникло никакого сомнения относительно того, что ему нужно; ей больше не казалось странным, что Спутник руководит ею.

— Обжора! — засмеялась она. — Поужинать захотел, да? Будешь знать, как убегать, Ролан! Ролан?..

Тут она остановилась и сосредоточенно нахмурилась.

— Откуда взялось это имя? — спросила она вслух. Посмотрела на Спутника, усеянного пятнами лунного света, пробивавшегося сквозь листву над головой: он стоял смирно, насторожив уши, и смотрел на нее. — Тебя действительно так зовут? Ролан?

На мгновение она потеряла ориентировку, словно увидела поляну чужими глазами. Показалось даже, будто она и кто-то иной на миг слились в одно целое — странное, но отчего-то не пугающее ощущение. Потом все прошло.

— Ну, откуда бы ни взялось это имя, как-то мне звать тебя надо, — заявила Тэлия Спутнику. — Пусть будет Ролан. Подожди, Ролан, дай только разложить вещи на просушку и вернуться за ведрами, и я приготовлю ужин для нас обоих.

Она щедро насыпала Спутнику зерна, затем взяла примеченный еще раньше закопченный горшок, чтобы сварить себе каши с сушеными фруктами. Ролан расправился со своей порцией прежде, чем каша поспела, и с чрезвычайно довольным видом улегся на траве на расстоянии вытянутой руки от Тэлии. В траве звенели насекомые, тихо шуршала листва. Тэлия прислонилась спиной к стене Приюта, глядя, как свет костра играет на шкуре Ролана. Она чувствовала себя удивительно счастливой.

— Чего я не понимаю, — сообщила она Спутнику, — так это почему ты убежал. Спутникам ведь не положено убегать от хозяев, верно?

Ролан только смотрел на нее большими умными глазами.

— Надеюсь, ты знаешь, куда мы едем, потому что мне это точно невдомек. И все же рано или поздно мы должны повстречать Герольда. Уверена, уж он-то будет знать, что с тобой делать.

Она принялась к поднимающемуся из горшка пару. Судя по всему, каша была готова; Тэлия веткой вытащила горшок из огня и, дождавшись, пока остынет, принялась за еду. Ложки в Приюте не нашлось, пришлось есть руками.

— В самом деле чудно, что ты появился в такой подходящий момент, — сказала она Спутнику. — Если бы не ты, меня поймали бы еще до темноты или же я сама бы сдалась и вернулась в Усадьбу. — Тэлия раздумчиво поглядела на него. — Вряд ли... вряд ли ты явился для того, чтобы спасти меня, а? Да нет, это смешно. Я не Герольд, я всего лишь девчонка-крепковерка, просто чудачка Тэлия. Чего ради тебе меня спасать? Кроме того, если бы ты хотел меня выручить, то явился бы не один, а с Герольдом, разве не так? — Она грустно вздохнула. — Как бы я хотела быть твоим Герольдом. Я бы с радостью жила вот так всю жизнь.

Ролан кивал головой, словно соглашаясь; глаза его были закрыты. Теперь, когда в желудке появилось чувство приятной сытости, Тэлия обнаружила, что и сама начинает клевать носом. Лес кругом стал казаться черным и неприветливым, земля, на которой она сидела — жесткой и холодной, и Путевой Приют выглядел очень заманчиво для девочки, которой доселе редко доводилось проводить ночь под открытым небом, а уж тем более в одиночестве.

— Ладно, раз ты собрался на боковую, то и я тоже лягу.

Тэлия подгрестила золу и угли к горшку, чтобы остатки каши не остыли до завтрака, потом нарвала несколько охапок высокой травы и выстелила стоявший в Приюте топчан. Это не заняло много времени; когда она устроилась, Ролан подошел и улегся поперек входа, как сторожевая собака. Тэлии показалось, что не успела она коснуться затылком травяной подушки, как уже провалилась в сон.

Проснувшись она от птичьих трелей; возле топчана стоял Ролан, тычась мордой ей в плечо. Спросонок Тэлия не сразу сообразила, где находится; потом все вдруг встало на свои места. Она выпрыгнула из своего гнезда, свитого из душистых трав, и обняла Ролана за шею, переполненная благодарностью за то, что все вчерашнее ей не приснилось.

Она быстро расправилась с завтраком, потом, как смогла, привела в порядок себя и свое пристанище. Присыпала остывшую золу землей, испытыв легкий укол вины: она знала, что приличия требуют пополнить уменьшившийся запас дров, но без топора сделать это было попросту невозможно. Утешало только то, что на дворе стояла середина лета, а не середина зимы, да и извела она совсем малую толику изрядного, судя по всему, запаса. Тщательно ликвидировав все следы своего пребывания в Приюте, Тэлия оседлала Ролана, и они рысью двинулись обратно к Дороге.

Утро пролетело быстро. Не только потому, что каждый миг с Роланом казался Тэлии наслаждением и чудом, но и потому, что теперь ей было на что посмотреть. Густые леса начали уступать место возделанным полям; вдали виднелись пасущиеся стада, а в тени деревьев несколько раз мелькали увитые плющом хижины. Вскоре после того, как солнце оказалось в зените, Дорога сделала поворот, нырнула и привела в селение, раскинувшееся в небольшой долине.

Тэлия не могла удержаться и изумленно озиралась по сторонам: эта деревня совершенно не походила на ближайшее к ее родной Усадьбе селение, в котором ей несколько раз случилось бывать. Крепковеры одевались во все темное, самым ярким из допустимых тонов был тускло-рыжий, а здешние жители, казалось, все без исключения предпочитали наряды крикливой птичьей расцветки. Даже последние оборванцы носили алые или синие шарфы или ленты в волосах. Некоторые (судя по виду, люди зажиточные, которые не имели дела с грязной работой и могли не бояться испачкать наряд) щеголяли в цветных тканях с ног до головы. Даже дома, украшенные яркими рисунками на фоне чисто выбеленных стен и такими же расписными ставнями, имели праздничный вид. Дома эти тоже показались Тэлии очень странными: они были настолько малы, что в них могло жить не больше одного мужчины, его Первой Жены и нескольких детей! Для Младших Жен и их малышей места там явно не хватало.

Может, у каждой Младшей Жены есть свой собственный дом, подумала Тэлия и хихикнула, представив себе неприличную (но очень смешную) картину: как Муж, высунув язык, ночь напролет носится из дома в дом, полный решимости выполнить свой супружеский долг перед каждой из Жен.

В довершение всего это ухоженное и процветающее селение не было обнесено тыном — поразительное зрелище для человека, привыкшего видеть ограды и частоколы даже вокруг необитаемых мест.

Завидев мужчину, стоявшего на пороге первой же хижины, притулившейся у обочины Дороги, Тэлия осадила Ролана. Похоже, перед ней был стражник или что-то в этом роде: вся его одежда, от сапог до шапки, была одинакового ярко-синего цвета. За спиной у человека висел короткий колчан со стрелами, и Тэлия заметила, что к стене хижины прислонен арбалет.

Девочка встревожилась не на шутку: ее опыт говорил, что мужчины (особенно облеченные властью) — это существа, которых следует опасаться. В их власти казнить или миловать членов своей семьи; они определяют, какая награда ждет послушных и какое наказание — ослушников. Сколько раз Старейшины или Отец приговаривали Тэлию к порке или «изгнанию» за гораздо меньшую провинность, чем то, что она натворила за последние два дня? Сразу и не сосчитаешь. С какой стати незнакомцу обходиться с ней мягче? Тоже выпорот так, что не встанешь, — или, что еще хуже, отправит обратно в Усадьбу. И все же с кем-то поговорить придется: она в дороге уже почти сутки, но так и не нашла никаких указаний на то, откуда взялся Спутник. Лицо мужчины казалось открытым и дружелюбным, и Тэлия, собравшись с духом, обратилась к нему:

— Ум-м-моляю, простите меня, господин, — почтительно, слегка заикаясь произнесла она, — Но вам случайно не попадался поблизости Герольд, потерявший своего Спутника?

Ее вопрос, похоже, изумил мужчину, и тот неторопливо направился к ним. Тэлия с облегчением заметила, что арбалет он оставил стоять у стены.

— Да нет, не видал, юная барышня, — ответил он, — А почему ты спрашиваешь?

— Вчера я нашла этого Спутника одного на Дороге, — нерешительно ответила она, по-прежнему не уверенная, что поступает правильно. Впрочем, непохоже было, что этот человек собирается немедленно взять ее под стражу или потащить на Совет Старейшин, — И я подумала, что должна вернуть его хозяину.

Мужчина внимательно оглядел ее; Тэлия почувствовала, как холодеет под его взглядом.

— Откуда ты, детка? — промолвил он наконец.

— Из Усадьбы Твердыня, возле Кордора. Оттуда, — Тэлия неопределенно махнула рукой в том направлении, откуда приехала.

— А, так ты из крепковеров, — сказал мужчина так, словно это что-то объясняло. — Ну что ж, юная барышня, если находишь одинокого Спутника, остается только одно. Ты должна лично вернуть его в Коллегию Герольдов.

— Я? — От страха голос Тэлии прозвучал надтреснуто. — В Коллегию? Лично?

Мужчина кивнул, и она тихо охнула.

— Это очень далеко? — спросила Тэлия почти шепотом.

— На обычной лошади — недели три или больше, в зависимости от погоды. Но ты едешь на Спутнике, а такая малышка, как ты, для него, верно, все равно что перышко. Доберешься за восемь-девять дней, ну, может, чуть больше.

— Восемь... или девять... дней? — запинаясь пробормотала Тэлия с запинкой, в замешательстве оглядывая свою мятую, заляпанную дорожной грязью одежду. Через восемь или девять дней она будет похожа на побродяжку. Ее, наверно, пристрелят, едва завидев, решат, что она украла Ролана!

Мужчина, казалось, прочел ее мысли и улыбнулся; от уголков его глаз разбежались морщинки.

— Да ты не переживай так, юная барышня. Королева предусмотрела подобные случаи. Обожди-ка здесь.

Выбора у Тэлии не было: Ролан, казалось, прирос к земле и не желал двигаться с места. Мужчина почти тотчас вернулся, неся пару седельных сумок, коричневый шерстяной плащ, перекинутый через руку, и какой-то непонятный кусочек металла.

— У кумы Секиры дочка чуть постарше тебя, — сказал он весело, — Тут в левой сумке кое-какая одежда, из которой она выросла.

Тэлия попробовала запротестовать, но он перебил ее:

— Не спорь, юная барышня. Я же тебе сказал — сама королева позаботилась о таких вещах. Мы помогаем тебе, а на следующий год все селение платит вдвое меньше податей. В правой сумке всякое барахло: огниво, гребень, щетка со скребницей, — они тебе понадобятся, если Спутник не сможет отыскать Путевой Приют. И не бойся пользоваться тем, что найдешь в Путевых Приютах, они для того и предназначены.

Он забросил сумки на спину Ролана и надежно приторочил к седлу.

— Этот плащ из доброй промасленной шерсти; дождь в нем не страшен, и в это время года его тебе хватит, чтобы не замерзнуть, если погода испортится. Правда, он тебе великоват, но оно и к лучшему. Сможешь закутаться как следует. Ага, вот и харчевник!

К ним, пытаясь, подбежал благообразный толстяк. Он нес мех с водой, маленькую поясную сумку и другую, побольше, из бурой ворсистой шерсти. Из нее исходил такой дивный мясной дух, что у Тэлии слюнки потекли; желудок настойчиво напомнил девочке, что завтракала она давным-давно.

— Я заметил, что у тебя с собой почти ничего нет, поэтому я дал знать Даро, чтобы принес, что найдется лишнего в хозяйстве, — сказал мужчина, похожий на стражника. — Путники вечно забывают

что-то из пожитков в харчевне.

— Тут добрая ключевая вода, — сказал толстый харчевник Даро, пристегивая мех к одной из украшающих седло пряжек прежде, чем Тэлия успела вымолвить хоть слово, — а в поясной сумке — ножик и ложка. Надевай-ка ее, будь умницей; у меня забывают столько столовых приборов, что ты и представить себе не можешь! А эти пирожки останутся свежими дольше, чем тебе потребуется, чтобы их съесть, если я хоть что-то знаю об аппетите подростков! — Он вручил ей другую сумку и, улыбаясь, вытер руки о передник. — Смотри, не забудь рассказывать всем, какая у нас хорошая выпечка! А мне пора назад, к посетителям, — И он, пыхтя, умчался прежде, чем Тэлия успела его поблагодарить.

— Видишь вот это? — спросил первый мужчина, показывая принесенный кусочек бронзы, на котором было что-то выгравировано. — Когда доберешься до Коллегии, отдай эту бирку человеку, который тебя о ней спросит. По ней они узнают, что мы помогли тебе в пути. — Он вручил бирку Тэлии, и та бережно спрятала ее в новую поясную сумку. — Если тебе что-то понадобится, просто попроси людей, одетых так же, как я, и тебе обязательно помогут. Мы — часть войска, Дорожная Стража.

Тэлия совсем растерялась от такого везения. Ее не только не отругали, не наказали и не отправили домой за ее художества, — похоже, ее же еще и вознаграждают возможностью отправиться в путешествие, о котором она и мечтать не смела!

— С-с-спасибо! — выдавила Тэлия. — В-владычица пресветлая, я просто н-не знаю, как вас благодарить!

Стражник рассмеялся; глаза его снова утонули в веселых морщинках.

— Юная барышня, это мы будем вспоминать тебя с благодарностью, когда придет время платить подати! Еще что-нибудь нужно?

Ролан, похоже, счел, что пора снова трогаться в путь, и решительно двинулся прочь.

— Нет, спасибо, — крикнула Тэлия уже через плечо; мужчина весело помахал ей рукой да прощание.

Ролан снова пошел своей необычайно плавной и быстрой рысью, и вскоре селение осталось позади — так скоро, что когда Тэлия сообразила, что даже не знает ни его названия, ни имени своего благодетеля, оно уже скрылось из виду.

— О да, — сказала она Ролану, жадно откусив кусок слегка сдобренного пряностями мясного пирога, — Я вряд ли забуду выпечку жены Даро. Даже Изрел никогда не удавалось испечь ничего подобного, даже на праздники!

Поев, Тэлия с любопытством осмотрела бронзовую «бирку». На ней стоял номер и два слова: «Сладкие Ключи».

— Сладкие Ключи? — задумалась она. — Наверно, так называется тот городок. Чудеса, да и только! Мне раньше никогда не приходилось читать или слышать, что Спутники убегают от своих Герольдов, а тот стражник вел себя так, будто это самое обычное дело.

Когда время уже близилось к ужину, они миновали еще одно селение. Оно оказалось гораздо меньше Сладких Ключей: просто горсточка домов и лачуг, сгрудившихся вокруг кузницы. Очевидно, деревушка эта была слишком мала, чтобы здесь имелся пост Дорожной Стражи, но люди казались такими же дружелюбными. Они приветливо махали Тэлии, когда она, звеня бубенцами уздечки, скакала мимо, и, казалось, не находили ничего необычного в зрелище слегка чумазой девочки верхом на Спутнике. Тэлия поневоле сравнивала их поведение с тем, как повели бы себя на их месте крепковеры. Ее соплеменники в лучшем случае смирли бы ее пристальным взглядом, а потом отвернулись при виде столь неприличного поведения со стороны девушки. В худшем же случае попытались бы остановить ее — стащить со спины Ролана и посадить под замок, как воровку.

С приближением ночи Ролан отыскал еще один Путевой Приют. Дорога и Река незадолго до того разошлись, но возле Приюта нашелся колодец, так что вода имелаась в избытке.

Среди «барахла», которым снабдил ее в дорогу страж, Тэлия обнаружила не только скребницу и щетку для Ролана, но и маленькую коробочку мягкого самодельного мыла и мочалку. К тому времени, как

взошла луна, оба — и Спутник, и девочка — стали не в пример чище, чем днем.

Пирожки Тэлия решила (хотя и с некоторым сожалением) есть только на обед, а по утрам и вечерам довольствоваться кашей. Она снова покормила Ролана, поела сама и крепко уснула, невзирая на неудобства примитивного Путевого Приюта.

На третий день странствия Тэлия уже настолько освоилась с тем удивительным фактом, что она едет в столицу верхом на Спутнике, что мысли ее стали занимать другие предметы. Положение солнца напоминало ей о том, какую именно работу она выполняла бы дома в это время; она поймала себя на том, что гадает, что думают в Усадьбе о ее исчезновении. Во всем большом семействе у Тэлии не осталось ни одного действительно близкого человека, с тех пор, как Андреана убили во время одного из набегов, а Врис отдали в Младшие Жены старому Стрельнику. Из всей родни только эти двое, казалось, по-настоящему любили ее — даже Мать Отца не была к ней привязана настолько, чтобы защищать, когда Тэлия в очередной раз выводила из себя Келдар. Только эти двое осмеливались помогать ей, рискуя навлечь на себя гнев Первой Жены. Врис тайком таскала Тэлию еду, когда ее за какую-нибудь провинность оставляли без обеда. Андреан открыто заступался за нее, если ее наказывали, и всегда готов был замолвить за нее словечко перед Отцом. Именно по настоянию Андреана Тэлии разрешили чтение, поскольку его слова, как Второго сына, имели вес в Семье. А с Врис они были ближе, чем просто единокровные сестры, несмотря на разницу в возрасте; так неразлучны бывают разве что близнецы.

При мысли об Андреане — таком ласковом и заботливом, всегда готовом улыбнуться и пошутить — глаза Тэлии защипало от слез. Недолго он был рядом — его убили, когда Тэлии едва исполнилось девять лет, но она очень хорошо его помнила. Высокий, сильный, он казался ей добрым великаном из сказки. Он был так терпелив... с такой готовностью учил всему глупышку-сестру, что она хотела знать. Андреана любили все — все, кроме Келдар. Наверно, и вправду Богиня хотела иметь его при Себе, раз призвала его так рано, — но ведь Тэлии он тоже был нужен. Ее бранили за то, что она плакала на его поминках, но плакала она о себе.

А Врис? Бедная Врис. Ее ужасала мысль о предстоящем браке со старым Стрельником, и, похоже, боялась она не зря. Те несколько раз, когда Тэлия видела ее на Собраниях, Врис выглядела бледной и строгой и была молчалива, как одна из Служительниц Богини. Внутренний огонь, так красивший ее, погас, остался лишь пепел.

Тэлия содрогнулась, подумав о том, что ее вполне могла постичь такая же участь. Ей невероятно повезло, что Спутник появился так своевременно. Это самое настоящее чудо.

Вскоре Тэлия обнаружила, что у нее руки чешутся от безделья. Она целые дни проводила сидя в седле и глаза по сторонам, а сколько Тэлия себя помнила, ее руки ни на минуту не оставались праздными. Даже чтение ей разрешали только при условии, что она одновременно будет делать какую-нибудь полезную работу. Сидеть сложа руки казалось ей чем-то противоестественным.

Тэлия попробовала коротать время, как можно подробнее запоминая непрерывно меняющийся пейзаж вокруг себя и пытаясь мысленно составить нечто вроде карты. Чем ближе она подъезжала к столице, тем чаще встречались небольшие селения. Явное отсутствие интереса к ее особе со стороны их обитателей ставило Тэлию в тупик. Можно было подумать, что странные девицы, разъезжающие на Спутниках Герольдов, здесь в порядке вещей. По-видимому, единственным объяснением этому могло служить то, на что намекал Страж. Вероятно, такое происходило достаточно часто. Но тогда почему об этом ничего не говорилось в ее сказках? Спутники чрезвычайно разумные создания; вспомнить хотя бы, как Ролан всю дорогу заботится о ней. Тэлия, безусловно, ошиблась, вообразив поначалу, что он убежал от хозяина, словно обычная деревенская скотина. После всего происшедшего у девочки не оставалось особых сомнений относительно того, кто из них главный. Значит, сказки говорили чистую правду: Спутники действительно существа, чей ум по меньшей мере не уступает уму Герольдов. Тэлия сопоставила то немного, что знала о Спутниках, с тем, что сама пережила за последние три дня. Увы, этого оказалось недостаточно, чтобы разрешить проблему. Крепковеры сторонились Герольдов, запрещали своим детям упоминать о них и общались с ними лишь в случае крайней необходимости. Только Старейшины имели какие-то контакты с Герольдами. А тот запретный слухок, который как-то дошел до Тэлии, касался одних

Герольдов и их пресловутой безнравственности, а отнюдь не Спутников.

Но если уж делать выводы — Ролан, должно быть, сам выбрал Тэлию себе в попутчицы, поскольку не приходится сомневаться, что он прекрасно мог добраться до Коллегии и сам. А раз так, почему он выбрал именно ее? Может быть, он специально явился в Усадьбу, чтобы забрать Тэлию и доставить ее в столицу? Это было слишком похоже на сказку. Тэлия попросту не могла поверить, что такое может произойти. Только не с ней; с каким-нибудь юношей, обладающим магическим даром, как тот же Ваниэль — еще куда ни шло, но с простой девчонкой из крепковеров? Никому в здравом уме такое и в голову бы не пришло.

И все же она не могла не задавать себе этих вопросов. Почему Ролан появился именно тогда? Почему заманил ее к себе в седло? И почему, наконец, он везет ее именно туда, куда Тэлии хотелось попасть больше всего на свете и на всех пяти Небесах? Ломая себе голову над этой загадкой, Тэлия почти забыла о своих праздных руках.

На шестой день странствия Тэлия прикончила последний пирожок с мясом и решила испытать полезность данного ей стражником совета. Быть может, от следующего Стража она узнает больше, ведь вопросов столько, что ей нечего и надеяться своими силами распутать эту головоломку?

В следующем селении — быть может — она получит какой-то ответ.

Глава третья

Около полудня Тэлия обнаружила, что они подъезжают к окраине довольно большого селения. Располагалось оно в зеленой, утопающей в садах долине, по которой протекала речка. Дома и лавки здесь тоже были расписаны синим, красным и желтым, ставни украшали затейливые узоры. Яркие краски весело перекликались с белизной глиняных стен и золотом свежей соломы на крышах — картина столь несхожая с блекло-серыми строениями Усадьбы, что, казалось, Тэлия попала в совершенно другую страну. Вдалеке виднелась такая же караулка Дорожной Стражи, как в Сладких Ключах; только здесь она казалась крохотной по сравнению с обступившими его двух-и трехэтажными зданиями. Это был первый пост, встретившийся Тэлии за день — похоже, что по мере приближения к сердцу Вальдемара присутствие Дорожной Стражи становилось все менее заметным. Тэлия решила, что ей представляется подходящая возможность, чтобы попытаться разгадать мучающую ее тайну, а заодно и запастись провизией.

Сторожевой пост помещался в густой тени нависшего над дорогой огромного дерева. Караулка выделялась среди нарядных окрестных домов. Она представляла собой простую деревянную постройку, выкрашенную в темно-коричневый цвет. Подъехав ближе, Тэлия уловила в тени какое-то движение, но светившее в глаза солнце поначалу помешало ей как следует разглядеть Стража. В следующее мгновение она разинула рот от изумления: вышедший из тени Страж оказался женщиной — причем носящей в точности такую же форму, какую Тэлия видела на Страже, встреченном в Сладких Ключах. Какое-то мгновение ошеломленная Тэлия думала, что ей померещилось. Сама мысль, что женщина может быть стражником, совершенно нелепа. Она потрясла головой, протерла глаза, заслонила рукой и посмотрела снова. Ничего не изменилось. Каким бы невероятным это ни казалось, факт оставался фактом: в армии, похоже, служили не только мужчины, но и женщины.

Не успела Тэлия оправиться от изумления, как быстро направившаяся им навстречу Страж уже стояла возле головы Ролана.

— Вот те раз! — воскликнула она прежде, чем Тэлия сообразила, что говорить, — Да ведь это же Ролан! — Она похлопала Спутника по шее, а тот ткнулся мордой в ее черные с проседью волосы; Страж рассмеялась и легонько потрепала жеребца по крупу, потом внимательно присмотрелась к меткам на седле, которые Тэлия заметила еще раньше. — Точно, он! Долго же ты пропадал, сударь мой, — продолжала она, явно обращаясь к Спутнику. — Надеюсь, дело того стоило?

Ролан игриво схватил ее губами за рукав, и женщина снова рассмеялась.

— Ну что ж, — Страж перевела взгляд на Тэлию, слегка щурясь на полуденном солнце, — Чем я могу быть полезна, юная барышня?

Растерянность Тэлии удвоилась: как ей удалось угадать имя Спутника? «Ролан» — вряд ли распространенное имя... и додуматься до него самой, по чистой случайности... похоже, за этим стояло гораздо больше, чем просто совпадение.

— Его что, в самом деле зовут Ролан? — выпалила Тэлия и тут же опустила голову, отчаянно покраснев от собственной невоспитанности. — Простите, — сказала она, обращаясь к луке седла, — Я не понимаю, что со мной происходит. Тот человек... Страж в Сладких Ключах сказал, что другие Стражи могут мне помочь...

— В Сладких Ключах! — женщина была заметно удивлена. — Далеко же ты заехала от дома, детка!

— Похоже... да, — еле слышно ответила Тэлия, краем глаза наблюдая за Стражем.

Та тоже обвела Тэлию, как показалось девочке, оценивающим взглядом. На Тэлии было ее собственное платье, которое она постаралась хоть немного отстирать от дорожной грязи и высушить, разложив так, чтобы оно выглядело не слишком жеваным. Одежда, которой ее снабдили в Сладких Ключах, оказалась из слишком толстой и теплой ткани, и в ней трудно было ехать весь день под жарким солнцем... к тому же Тэлия чувствовала себя немного скованно в платье с чужого плеча. Теперь, когда вся имевшаяся у нее одежда нуждалась в стирке, она решила, что лучше попытаться отстирать собственный наряд и ходить в нем. Сейчас Тэлия радовалась, что поступила так: покррой ее одежды, по-видимому, подсказал Стражу, кто она и откуда.

— Из крепковеров, верно? — в голосе женщины прозвучало сочувствие. — Хм. Я кое-что слыхала о них... Ты, верно, совсем растеряна, бедняжка. Должно быть, чувствуешь себя совершенно не в своей тарелке. Ничего, скоро поймешь, что к чему — поверь мне, в Коллегии тебе все растолкуют. Я бы попробовала объяснить сама, но правила запрещают рассказывать тебе что-то, чего ты еще не знаешь. Может, оно и к лучшему, а то от моих объяснений ты, того гляди, еще больше запутаешься. А что до того, как я узнала, что это Ролан, — ну, в Дорожной Страже каждому было известно, что он отлучался. Кроме того, вся его сбруя помечена клеймом, как и у всех Спутников — видишь? — Она показала на вытисненные на крыле седла значки. Теперь, когда Тэлия знала, что означают эти метки, она сообразила, что они не что иное, как сокращенная запись имени Спутника. — Итак, чем могу служить?

— Боюсь, мне понадобится немного провизии, — извиняющимся голосом сказала Тэлия, ожидая вероятного нагоняя. — Мне дали в дорогу замечательных пирожков с мясом... я правда старалась, чтобы их хватило подольше, но...

— Когда это было? — перебила ее женщина.

— Четыре дня назад... — чуть съежившись, призналась Тэлия.

— Четыре дня? О пламя ада! Ты хочешь сказать, что так растягивала свои запасы целых четыре дня? Чем же ты питалась? Этой сушеной дрянью, конским кормом в Путевых Приютах?

Выражение лица Тэлии, очевидно, ясно сказало, что именно этим она и питалась, поскольку Страж рассерженно поджала губы.

— Ролан, — сурово сказала Страж; в ее голосе не было и намека на шутку. — Ты отпускаешь этого бедного ребенка со мной на час, слышишь? Ты чертовски хорошо знаешь, что сможешь наверстать это время, а девочке нужно как следует подкрепиться, пока она не свалилась с дизентерией или чем-нибудь похуже! И что тогда?

Ролан фыркнул и заложил уши, но не отпрянул, когда женщина потянулась, чтобы снять Тэлию с седла. Девочка соскользнула на землю, чувствуя себя под взглядом подтянутого Стража неловкой и неопрятной, а теперь, когда она очутилась на земле, а не на надежной спине Ролана, еще и беспомощной. Страж за руку повела Тэлию к трактиру, находившемуся в самом центре селения. Ролан следовал за ними по пятам.

— Тот Страж в Сладких Ключах был мужчиной, не так ли? — с гримасой отвращения сказала женщина и кивнула, когда Тэлия робко подтвердила это. — Ох уж эти мужчины! Им и в голову не придет, что девочка может быть не столько в восторге, сколько напугана тем, что на нее свалилось, и в голову не придет, что она, может быть, не знает, что делать. Они совершенно забывают, что ты, может, и Избрана, но ты же еще сущий ребенок. И ты тоже хорош, Ролан! — добавила она через плечо. — Эх, мужчины!

Спутник только вскинул голову и издал звук, подозрительно похожий на смешок.

Трактир оказался процветающим заведением; столы были выставлены наружу, в тень росшего посреди двора золотистого дуба. За столами сидело за едой и выпивкой довольно много народу. Страж усадила Тэлию за свободный стол и, застравав служанку, сделала огромный заказ. Затем тоном, не терпящим возражений, велела «умять все это». Тэлия повиновалась, внезапно осознав, как оголодала за последние несколько дней, а Страж тем временем исчезла в неизвестном направлении.

Когда Тэлия подбирала с тарелки последние крошки, Страж вернулась, неся седельные сумки Ролана; теперь они были набиты так, что трещали по швам.

Оседлав скамью возле Тэлии, Страж поставила сумки на землю.

— Я положила тебе смену одежды. Она того же покроя и цвета, что приняты у крепковеров; в здешних местах ребята иногда надевают такое для тяжелой или грязной работы. Ты будешь свободнее себя чувствовать в знакомом наряде, а другие по нему поймут, что ты непривычна к большому миру и, будем надеяться, догадаются, что ты совсем выбита из колеи и тебе нужна помощь.

Тэлия начала было возражать, говорить, что это ни к чему, но строгий взгляд Стража заставил ее умолкнуть.

— Здесь хватит одежды, чтобы ты смогла добраться до Коллегии, не устраивая стирки. Трактирщик сейчас принесет тебе съестного на дорогу. Я сказала ему, что вина не нужно, правильно? — Тэлия утвердительно кивнула, и женщина продолжала, — Незачем себя ограничивать: ты еще растешь. Болеть тебе тоже ни к чему, так что не вздумай питаться дрянью, которую держат в Путевых Приютах: она предназначена для Спутников или уж на случай самой крайней нужды, что бы там этот ленивый деревенщина в Сладких Ключах тебе ни вкручивал. И скажу тебе, долго пришлось бы меня морить голодом, чтобы я согласилась есть эту пакость! Так что изволь останавливаться в пути каждый день, чтобы пообедать чем-нибудь горячим. Это приказ! Вот тебе наша бирка с названием города, — заключила она, вручая Тэлии еще одну бронзовую пластинку, которую девочка надежно упрятала в поясную сумку. — Честно говоря, если бы не эти чертовы правила, я заставила бы тебя остаться здесь на ночь. Тогда бы ты у меня получила и горячую ванну и приличную постель, ну да ничего. Тебе придется остановиться еще один раз, чтобы пополнить запасы провизии. Советую сделать это в Котлокузнице. Тамошний Страж — моя старая подруга; она знает о крепковерах и любит детей; она приглядит за тем, чтобы у тебя все было в порядке. Ну что, в путь?

Тэлия молча кивнула. Эта женщина обладала расторопностью и деловитостью Келдар без следа присущей той холодности — она так быстро решила все ее проблемы, что у девочки голова пошла кругом. И Стража, похоже, действительно волновало, что Тэлия едет в столицу совсем одна. Странное ощущение — видеть, как совершенно незнакомый человек так заботится о тебе. Тэлия даже чуть было не заподозрила какой-то подвох, но Страж держалась слишком открыто и искренне. Ничего подозрительного в ее поведении Тэлия не заметила.

— Ну и хорошо. В путь. — Женщина ласково подтолкнула Тэлию к коновязи, где поджидал Ролан, окруженный деревенской детворой. Ребята наперебой старались погладить его или скормить что-нибудь лакомое — морковку или пряник. Тэлии показалось, что морда Спутника выражает крайнюю степень удовлетворения и даже самодовольства.

Женщина-Страж подсадила Тэлию в седло, заново приторочила седельные сумки к задней луке, а сумки, принесенные хозяином постоянного двора — к пряжкам спереди, и на прощание добродушно шлепнула Ролана по крупу.

Только когда они уже отъехали на несколько миль по Дороге, до Тэлии дошло, что Страж так и не ответила ни на один из ее вопросов.

Во всяком случае, напрямую. Но косвенно... если подумать, кое-какие сведения она получила. Во-первых, женщина-Страж упоминала «правила», касающиеся подобных путешествий; следовательно, они и правда дело обычное. Во-вторых, она разговаривала с Роланом, как с человеком, — это означает, что Ролан действительно чудесное существо, как описывалось в легендах, а значит, его поступки в отношении Тэлии были обдуманы и спланированы.

Получается, Тэлия нужна была Спутнику. Но зачем?

Тэлия чувствовала себя как человек, который нашел интереснейшую книгу и вдруг обнаружил, что в ней не хватает половины страниц. Впору с ума сойти от досады! Хотя часть полученных сведений уже начинала складываться в некую картину.

Хорошо же; пора свести воедино все, что она узнала. В прочитанных ею книжках всегда (она это ясно помнила) говорилось о Спутниках, как о существах, обладающих магическими способностями, таинственной связью со своими Герольдами. Из легенды о Ваниэле явствовало, что Спутники могли общаться с Герольдами, и наоборот. Страж разговаривала с Роланом, словно он был человеком, причем взрослым и несущим ответственность за Тэлию. Такое же чувство возникло у Тэлии с самого первого дня путешествия: Ролан знал, куда двигаться и что делать.

Ролан, судя по всему, понимал то, что говорила ему Страж. Если уж на то пошло, он явно понимал все, что говорила ему Тэлия. Каждую ночь он находит Путевые Приюты для ночлега; он совершенно очевидно охраняет Тэлию от любых опасностей. Значит, он знает и обратный путь в Коллегию — слова Стража только лишнее тому доказательство.

И вовсе не случайно Ролан оказался тогда на Дороге возле Усадьбы — Страж сказала, что он надолго

отлучался — и не случайно встретил ее. Вопрос — зачем?

Неужели... от одной мысли захватывает дух... неужели он искал человека, который смог бы стать кандидатом в Герольды?

Тэлия не имела представления о том, как Герольды становятся Герольдами — знала только, что все они должны пройти курс обучения в Коллегии. В легенде о Ваниэле, правда, упоминалось в самом начале, что он едва нашел в себе мужество взяться за эту должность — но там не говорилось, как его выбирали в Герольды. А все, что Тэлия могла почерпнуть из ходивших среди крепковеров слухов, сводилось к тому, что Герольды — подлинные чудовища разврата: распутные, беспринципные, потакающие своим низменным страстям, предающиеся греховным наслаждениям, роскоши и разгулу. Она подозревала, что большая часть этих сплетен порождалась злобой и обычной завистью, тем более, что Герольды опровергали представления крепковеров о женщинах как о существах низшего порядка, которые должны знать свое место. Кроме того, Герольды не несли ответа за свои действия ни перед кем, кроме самой королевы. То, что в Страже служат женщины, явилось для Тэлии сюрпризом, но поскольку ее первой книгой стала повесть о борьбе Солнца и Тени, она давно знала, что среди Герольдов женщины занимают равное положение с мужчинами. Эта свобода явилась одной из причин, по которым Тэлия так страстно мечтала стать Герольдом. Неужели ее заветная мечта начала сбываться?

Тэлия уже стала думать, что привыкла к неожиданностям, на каждом шагу подстерегающим ее в этом странствии, но следующая встреча вновь застала ее врасплох. Мало того, что Стражем в Котлокузнице тоже была женщина. Эта женщина оказалась иссеченным боевыми шрамами воином, а вместо одной ноги ниже колена у нее была деревяшка. Она совершенно спокойно, мимоходом, сообщила Тэлии, что потеряла ногу в результате ранения, полученного на последней войне. Мысль о том, что женщина может участвовать в сражении, настолько потрясла Тэлию, что она совершенно оторопела. Оторопело поела, в оторопи доехала до окраины городка. Из этого состояния ее вывела только встреча с Герольдом.

Сразу за окраиной Котлокузницы Дорога нырнула в лесистую долину. Здесь было прохладно и безветренно. Среди деревьев преобладали сосны, и копыта Ролана с хрустом ступали по выстилавшей поверхность Дороги хвое. От раздавленных сосновых игл поднимался свежий, бодрящий дух. Спутник углубился в лес, и спустя считанные мгновения городок скрылся из виду. Наконец в самой гуще леса им встретился перекресток. Тэлия даже не заметила, что кто-то приближается по другой дороге наперерез ей, пока удивленное восклицание не вывело ее из оцепенения.

Вздрогнув, она опомнилась и подняла глаза. Прямо перед собой в каких-то четырех шагах она увидела облаченного в белое человека на снежно-белой кобыле; его лицо выражало крайнее изумление. Сомнений быть не могло, перед Тэлией стоял Герольд, настоящий Герольд, верхом на своем Спутнике.

Тэлия закусила губу. По спине вдруг пробежал холодок страха. Даже после всего услышанного она не была уверена, что поступает правильно. Теперь все решится. То, что Ролан — Спутник, а она не имеет никакого отношения к Герольдам, ясно как Божий день. Если ее ждут неприятности, то это выяснится сейчас. И все же, несмотря на вновь проснувшиеся опасения, Тэлия неожиданно для себя ощутила разочарование: ей почему-то казалось, что Герольд не должен выглядеть так... неказисто.

Ибо стоящий перед ней молодой человек выглядел именно так. Да, конечно, он держался спокойно, с достоинством, подобающим его званию. Явно уверен в себе, Герольд с головы до пят, и все же... почти урод. Он совсем не походил на красавца Ваниэля или ангелоподобного Солнцепевца из сказок.

Однако голос его испугал невзрачную внешность.

— Клянусь дланью Владычицы! Ролан, чтоб я провалился! — слова были произнесены мелодичным и неожиданно низким баритоном. — Клянусь всеми богами, ты наконец-то Избрал!

— М-мне сказали отвести его обратно в Коллегию, господин, — промямлила, заикаясь, Тэлия, потупив глаза, как подобает девочке, разговаривающей с мужчиной, занимающим высокое положение. Она всерьез ожидала немедленной кары. — Я не знала, как еще поступить, а они все говорили так уверенно...

— Тш-ш-ш! Ты все делаешь правильно, совершенно правильно, — оборвал Герольд поток ее объяснений. — Ты, стало быть, не знаешь, что к чему? Похоже, не знаешь, не то не вела бы себя так, будто

я сцапал тебя за руку, когда ты залезла в мой кошелек.

Тэлия на секунду подняла глаза, изумленная его ответом. И говорил он совсем не так, как Герольды в сказках. На мгновение ей показалось, что она слышит голос Андреана.

Тэлии страшно захотелось посмотреть, не похожи ли его глаза на глаза Андреана, но, когда Герольд попытался встретиться с ней взглядом, торопливо потупилась и вновь уставилась на луку седла.

Молодой человек усмехнулся, и Тэлия краем глаза уловила на его лице веселость и добродушие.

— Все в порядке. Ты все правильно делаешь. Езжай прямо по этой дороге, и еще до обеда будешь в столице, а там тебе любой скажет, как проехать к Коллегии. Пламя ада, да Ролан сам отлично знает дорогу — ты не заблудишься. Я бы рад объяснить тебе, что к чему, но не могу: правила запрещают. Ты все должна узнать в Коллегии — иначе ты бы наслушалась всяких баек и небылиц, а потом тебе пришлось бы несколько дней разбираться, что правда, а что враки.

— Но... — Тэлии отчаянно нужен был кто-то, кто помог бы ей разобраться во всей этой путанице. Похоже было, что ее втянули в какую-то игру, в которой участвует множество людей, вот только Тэлия — единственная, кто не знает правил и ковыляет с клетки на клетку, не зная, зачем и куда идет. Если кому-то и известна вся правда, то наверняка Герольду. А доброта в глазах незнакомца вызвала у нее страстное желание выложить ему все как на духу. Как может столь некрасивый человек напоминать ей Андреана, Тэлия понятия не имела, и все же это было так. Она обнаружила, что ее тянет к Герольду, как не тянуло ни к кому после смерти брата.

— Никаких «но»! Все, что тебе нужно знать, узнаешь в Коллегии! Брысь! — С этими словами молодой человек подъехал поближе, нагнулся и смачно шлепнул Ролана по крупу. От неожиданности Спутник сделал скачок и сорвался в галоп, оставив Герольда далеко позади. Тэлия была слишком занята тем, чтобы восстановить равновесие, и не видела, как Герольд и его Спутник поскакали прочь между деревьев с таким расчетом, чтобы срезать кусок и снова выскочить на Дорогу, значительно опередив их с Роланом.

К тому времени, как она оправилась от растерянности, на Дороге стало попадаться все больше путников — как встречающих, так и двигающихся в том же направлении: всадников, пешеходов, повозок, запряженных лошадьми или волами, мулов, навьюченных разнообразной поклажей. Но сколько Тэлия ни озиралась, Герольдов ей больше на глаза не попадалось.

Толпа, двигающаяся по дороге, не слишком напоминала сборища, которые Тэлии доводилось видеть до сих пор. Во-первых, она была шумной. Крепковеры ни при каких обстоятельствах не повышали голоса; даже на Ярмарке Урожая, в самый разгар жаркого торга, шум голосов редко поднимался выше жужжания. Во-вторых, по лицам всех этих людей можно было легко прочесть их переживания, их характер, в то время как лица крепковеров были всегда замкнуты, бесстрастны и не выражали ничего, что могло бы выдать их истинные чувства.

Путешественники по большей части не обращали на Тэлию особого внимания. Ролан уверенно и ловко лавировал между людьми и повозок, обгоняя большинство попутчиков, хотя здесь, похоже, мало кто торопился. Тэлия так увлеклась разглядыванием встречающих, что совсем забыла про приближающийся город.

Но вот они одолели подъем, и она увидела...

Он был так огромен, что у Тэлии похолодело внутри. Хорошо, что в их путешествии главным оказался Ролан, иначе Тэлия развернула бы Спутника и бросилась домой, в Усадьбу.

Отсюда, с холма, на который они поднялись, открывался город, распластавшийся в долине реки. Видно было, что когда-то он весь умещался внутри крепостной стены и, наверно, походил на поселок крепковеров, только очень большой. Позже, когда он набрался сил, ему позволили разлиться, как воде за пределы фонтана. И он выплеснулся ручьями вдоль дорог.

Городские стены, образуя двойное кольцо, так стиснули дома, что Тэлия ничего не разглядела, кроме крыш. Внутренняя стена окружала несколько больших зданий и обширное зеленое пространство, обрамленное деревьями.

Снаружи от внешней стены все было по-другому: виднелись и крохотные лачуги, и огромные

постройки без окон, способные вместить всю Твердыню. Эта часть города растекалась из-под внешней стены и тянулась длинными рукавами вдоль дорог и к берегам реки. Но Тэлия все вглядывалась в тот покрытый зеленью участок, посреди которого возвышалась над городом величественное каменное здание

Это... это наверняка Дворец и Коллегия... — но прежде чем Тэлия убедилась в этом, Ролан все так же плавно и стремительно миновал место, откуда открывался чудесный вид на столицу.

Когда они въехали в первую городскую улочку, на Тэлию обрушился грохот предместья. Разносчики, сновавшие тут и там, расхваливая товар, перекрикивали оравших во все горло у дверей лавок приказчиков. Верещали дети, играющие прямо под копытами лошадей, ослов и волов, запрудивших улицу. Соседи пронзительно перекрикивались, обмениваясь новостями; от трактиров неслись громкие песни и ругань. У Тэлии закружилась голова, зазвенело в ушах, ей становилось страшно

А тут еще и запахи! Пахло жареным мясом, теплым хлебом, дымом, навозом, приправами, человеческим и скотским потом, горячим железом, пролитым пивом, — вся эта смесь ударила в ее привыкший к простым сельским запахам нос, как городской шум — в уши.

Тэлия и Ролан приблизились к внешним городским воротам; тут стояли стражники, но они не остановили Тэлию, лишь оглядели с непонятым любопытством. Стена, которую они охраняли, пугала своими размерами: Тэлии она показалась выше крыши Храма. Пораженная этим, Тэлия почувствовала себя маленькой и ничтожной и совсем пала духом.

К тому же внутри стен гомон и галдеж казались еще сильнее. Многоэтажные дома здесь стояли так тесно, что соприкасались крышами.

Тэлии показалось, что все вокруг плывет в вихре звука, цвета и запаха. Она прижалась к спине Ролана, не замечая сочувственных взглядов прохожих; на усталом, побледневшем лице блестели испуганные глаза.

Хорошо еще, что Ролан уверенно выбирал путь, — Тэлия так растерялась, что не решилась бы спросить дорогу даже у ребенка.

Казалось, прошла целая вечность, когда Ролан, наконец, остановился перед второй, внутренней стеной. Ворота, настолько узкие, что сквозь них мог проехать только один всадник, были закрыты.

Стражник у этих ворот отличался более темным, почти черным, нарядом с серебряной каймой; он тоже с любопытством воззрелся на Тэлию.

Присмотревшись, он распахнул ворота и вышел навстречу. Ролан подождал, пока он приблизится. Страж ободряюще улыбнулся Тэлии, потом, подойдя поближе, чтобы разглядеть мелкие метки на седле Ролана, радостно вскрикнул.

— Ролан! — восторженно воскликнул он, по-видимому, тут же забыв о Тэлии. — Наконец-то! А мы уж решили, что ты так никого и не найдешь. Даже поспорили, что ты уже перемахнул через границу. С тех пор, как ты отправился на поиски, в Коллегии стоит такая кутерьма...

Наконец он взглянул и на бледную дрожащую Тэлию.

— Твои страхи скоро кончатся, детка, — проговорил он сочувственно, увидев, как она отпрянула от него. — Слезай-ка, я позабочусь, чтобы ты попала куда нужно.

Он почтительно, будто принцессе, помог Тэлии спешиться; не успела она ступить на землю, как другой стражник увел Спутника. У Тэлии защемило в груди: увидятся ли они снова? Жаль, что не уехала на нем куда глаза глядят. Что же теперь будет? И с чего она размечталась, что сможет быть хоть кем-то среди людей, живущих в таком месте?

Страж повел ее к огромному зданию из серого камня, к которому вела дорожка от ворот. Это здание совсем уж не было похоже на знакомые Тэлии постройки. Когда распахнулись массивные двустворчатые двери, украшенные бронзовым литьем, у девочки душа ушла в пятки. Она сроду не видела такой мастерской работы, как эти двери, а ведь это еще только начало чудес. С каждым мгновением Тэлии становилось все неуютнее от того великолепия, которое ее окружало. Да одна только мебель в любой из множества комнат, через которые они проходили, стоила, наверно, больше, чем вся Твердыня. Даже алтарь в Храме не был так великолепен. Подвернись случай, Тэлия сбежала бы, — беда была в том, что она

почти сразу совсем запуталась и не нашла бы дороги назад. Испуганную, растерявшуюся, готовую удрать Тэлию стражник привел в неожиданно маленькую комнату — размером с большую кладовку — впрочем, такую же роскошную, как все в этом замке.

— Скоро кто-нибудь придет за тобой, детка, — ласково сказал стражник, забирая у Тэлии бирки городов, — будь спокойна, здесь тебя никто не обидит. Знаешь, как мы все тебя ждали! Я как увидел вас с Роланом, глазам своим не поверил.

Девочка промолчала, и он осторожно потрепал ее по голове.

— Не трусь, не кисни, здесь тебе будет хорошо. Знаешь, у меня дети такие, как ты. Располагайся-ка поудобнее, а я пока доложу кому положено, что ты здесь.

Располагаться поудобнее? В такой-то обстановке?

В конце концов Тэлия выбрала обитый кожей стул, решив, что его труднее испачкать, и осторожно уселась. В пустой комнате было тихо, и страх чуть отступил, и все равно она чувствовала себя все более неловко. Среди этого великолепия она сразу ощутила себя всего-навсего тринадцатилетней пигалицей, взмокшей от волнения, пропахшей конским потом, да еще и в одежде, сшитой из того, что здесь идет разве что на мешки для зерна.

Когда Ролан был рядом, это все было неважно, но теперь... о, теперь Тэлия очень хорошо все почувствовала. Как могла ей в голову прийти мысль стать Герольдом? Ну уж нет, никогда... только те, кто здесь родился и вырос в такой обстановке, могут об этом мечтать. Страж-то, наверно, пошел за каким-нибудь последним холопом, чтоб тот подал ей на бедность и отправил восвояси... ну, уж если очень повезет, это окажется кто-то из старшей челяди, кого можно будет уговорить дать ей какую-нибудь работу.

Вдруг маленький смерч ворвался в комнату и оборвал ее горестные мысли.

— Ого! — это был ребенок, девочка лет семи, с каштановыми волосами и довольно-таки неприятной гримасой на хорошеньком личике. — А ты что здесь делаешь?

Впервые с тех пор, как она увидела город, Тэлия почувствовала твердую землю под ногами. Что-что, а уж как себя вести с детьми, она знала!

— Жду, как мне велели, — ответила она.

— Ты на колени собираешься становиться? — заносчиво спросил ребенок.

Тэлия сдержала улыбку. Как ни странно, обычное дело — столкновение с капризным ребенком — придало ей уверенности.

— На колени-то? — переспросила она с деланным изумлением. — С чего бы это?

Лицо девчушки порозовело от возмущения.

— Ты находишься в присутствии Наследницы Престола! — провозгласила она надменно, подчеркивая каждое слово, вздернув подбородок и придав лицу высокомерное выражение.

— Да ну? И где ж она? — Тэлия огляделась с невинным видом, сдерживая внутри озорство, разбуженное детскими выходками. Эта крошка получит по заслугам. Если она и впрямь наследница — ох, значит, те, кто ее воспитывает, даром хлеб едят. Если нет — достанется же ей за вранье.

— Это я! Я! — крикнула девочка, топая ногой в гнев и растерянности. — Я — Наследница!

— Вот уж не думаю, — отвечала Тэлия, искренне наслаждаясь. — Ты просто младенец, на которого вредность наскочила. Развоображалась! Я читала о Наследниках все. Наследница всегда вежлива и любезна, она с последней судомойкой обходится как с королевой. А ты ведешь себя так, будто и с королевой обращалась бы как с судомойкой. Никакая ты не Наследница. Наверное, надо позвать стражу и сказать, что тут объявилась самозванка.

Онемев от досады, взбешенный ребенок только рот раскрыл.

— Может, ты рыба, — бесхитростно предположила Тэлия. — Очень похоже.

Девочка яростно взвизгнула и замахнулась кулаком.

— Не советую, — предостерегла Тэлия. — Я ведь и сдачи дам.

Ребенок вытаращил глаза и окончательно побагровел от ярости.

— Я... как... о!

— Ну, это ты уже говорила.

Тут девочка так завизжала, что уши заложило и, выбегая из комнаты, пнула ногой маленький столик.

Тэлия ждала чего-то в этом роде и, бросившись на вырубку столику, не дала ему упасть и с сердитым вздохом поставила на место.

Сзади раздался сухой смешок. Тэлия обернулась и увидела, как из-за откинутой занавески в комнату вошла высокая, с правильными чертами лица, женщина в белой одежде Герольда. Хотя вместо штанов на ней была длинная бархатная юбка, на которую спускалась до бедер шелковая туника, выглядела эта женщина совершенно так, как Тэлия по сказкам представляла себе Герольдов. Лицо, сужавшееся к подбородку, было скорее волевым, чем красивым; волосы, собранные в узел на затылке, отливали золотом, как осенние листья. Глаза, умные и проницательные, светились той же сапфировой синевой, что и глаза Спутников.

Тэлия неловко приподнялась, но женщина жестом велела ей сесть.

— Оставайся на месте, детка, — сказала она, когда Тэлия, усевшись, робко взглянула на нее. — Ты проделала долгий и трудный путь верхом и заслужила право немного посидеть на том, что не движется.

Женщина внимательно изучала покорно сидевшую перед ней девочку — и ей нравилась то, что она видела. Ведь маленькая растерянная незнакомка сумела справиться с взбалмошной наследницей — и как! Озорно и с юмором, но умно и без жестокости. Ей многое по плечу.

— Итак, тебя зовут Тэлия. Не обижайся, что я подслушивала: мне было интересно, как ты с ней справишься, — полуизвиняющимся тоном сказала женщина.

— Всыпала бы ей как следует, будь моя воля, — отозвалась Тэлия не задумываясь. Это приключение и явное одобрение женщины отодвинули ее страхи; и если рядом с Келдар Тэлия всегда нервничала и чувствовала себя неумехой, то с этой незнакомкой почему-то ощущала спокойствие и уверенность.

— Ей маловато доставалось, — вздохнула женщина, — боюсь, ей давно пора всыпать.

Она внимательнее оглядела Тэлию и еще больше просветлела. В больших карих глазах девочки светились любознательность и ум, а черты лица выдавали неизменно ровный мягкий нрав. Женщина подумала, что Тэлия, вероятно, чуть старше, чем кажется; ей, может быть, лет тринадцать-четырнадцать. Скуластое лицо под копной взъерошенных волос было очень милым. Крепкая, коренастая фигурка показывала, что девочка привыкла к тяжелой работе. Каждое новое наблюдение подтверждало, что Ролану удалось то, на что надеялись и о чем молились.

— Ну, да это можно отложить и на завтра, — продолжала женщина-Герольд. — Мне сказали, что тебя привез Ролан, верно? Значит, тебе уже все известно?

Сочувствие в глазах женщины ободрило Тэлию. Это сочувствие, любопытство, а главное — вспыхнувшее доверие вызвали бурю в ее душе.

— Нет! По-моему, все все знают, кроме меня! — Выпала она. — И хоть бы кто-нибудь что-нибудь объяснил!

Женщина уселась с небрежным изяществом.

— Что ж. Сейчас кто-нибудь что-нибудь объяснит. Хотя лучше бы ты мне рассказала, что с тобой произошло, а я постараюсь помочь тебе разобраться во всем этом.

Тэлия и не заметила, как захлеб рассказала всю свою историю — с той минуты, когда Келдар позвала ее домой, до этого самого мгновения.

Закончив, она чуть не расплакалась. Все ее страхи вдруг вернулись — на что ей рассчитывать, разве что спасибо скажут. И Тэлия окончательно поняла, как трудно ей придется, когда ее прогонят из дворца.

— Я хочу попросить вас... Вы, наверно, знаете кого-нибудь... такого...

— Постарше?

— Ну да. Если это можно... Не найдется ли для меня какой-нибудь работы здесь? — отчаянно взмолилась Тэлия. — Я все могу делать, что скажут: штопать, мыть, полы драить — все что угодно. — Она остановилась, испугавшись, что вот-вот разревется. Как у нее только духу хватило вообразить себя среди этих сказочных людей. Куда ей до них!

— Дирк был прав. Ты действительно ничего еще не поняла, — сказала женщина почти про себя и так пристально поглядела на Тэлию, что та отвела глаза. — Когда ты сказала Старшей Жене, что мечтаешь стать Герольдом, ты говорила всерьез?

— Да. Конечно же, да! — Тэлия разглядывала свои стиснутые на коленях руки. — Больше всего на свете... Я понимаю, что и думать нельзя, но... Тогда-то я этого не понимала. Мне никто никогда не рассказывал, как это выглядит на самом деле и, наверно... ну, я и представить себе не могла... У нас ведь в Твердыне все по-другому. Я и понять не могла, о чем прошу. Вы уж простите меня. Простите меня, пожалуйста, я не хотела быть дерзкой.

— Простить? — Изумилась женщина. — Детка, что же мне прощать? Мечтать о том, чтобы стать Герольдом, вовсе не дерзость — хотя, знаешь ли, жизнь Герольдов мало похожа на сказку. Это ремесло, которое либо скучно, либо опасно — не одно, так другое. Половина Герольдов не доживает до старости. А жизнь их такова, что на себя времени почти не остается. Удивительно, что кто-то еще соглашается взяться за эту работу, не то что мечтает о ней, как о чем-то заветном. Для Герольда долг в любой ситуации превыше всего остального, даже его собственной жизни.

— Это неважно! — воскликнула Тэлия, вскинув голову.

— Вот как? А что важно?

— Не знаю точно. — Девочка искала слова, чтобы выразить то, что она до сих пор только смутно ощущала. — Дело в том, что Герольды действуют, а не хнычут... и они делают то, что снова связывает жизни людей воедино, даже если для этого надо всего лишь рассудить спор о корове. И... — Тэлия запнулась, — у них есть Спутники...

Тут, как она ни крепилась, слезы хлынули у нее из глаз — так живо и ярко вспомнились Тэлии дни, проведенные в дороге, и то, как впервые в жизни она не чувствовала себя одинокой. Быть может, это была лишь игра воображения, и все же... по крайней мере, ей казалось, что Ролан привязался к ней. Может... даже полюбил? Она-то в нем души не чаяла, это Тэлия знала точно. А теперь он исчез, конечно, его отвели к Герольду, которому он принадлежит.

— Ах ты бедный ребенок, — женщина-Герольд порывисто протянула руки и привлекла Тэлию к себе, чтобы та могла выплакаться у нее на плече.

Тэлия, глотая слезы, попыталась отстраниться, хотя ей страшно хотелось сдаться и прильнуть к этой женщине, такой доброй и понимающей.

— Я такая грязная, — выдавила она, всхлипывая, — А вы в Белом. Я вас всю перепачкаю.

— В жизни есть вещи поважнее чистого платья, — ответила женщина, крепко обняв ее, точь-в-точь как когда-то Врис. От этой почти незнакомой дамы-Герольда исходило ощущение утешения и поддержки, почти как от Ролана... или Врис, или Андреана. Сдержанность Тэлии растаяла, и она расплакалась, не пытаясь более сдерживаться.

Когда она выплакалась вволю и немного успокоилась, женщина дала ей платок — вытереть глаза и нос — и сказала:

— Совершенно ясно, что тебе почему-то никто никогда не говорил, как выбираются Герольды.

— Разве они просто не рождаются ими, ну, как Старший Сын? Я хочу сказать... все это...

— «Все это» не значит ничего — если у тебя нет нужных задатков. Это правда, что Герольдом нужно родиться, поскольку невозможно научиться быть Герольдом, но кровь тут совершенно ни при чем. Герольдов Избирают Спутники.

И тут на Тэлию внезапно нахлынуло воспоминание о том ярком и радостном миге, когда она впервые посмотрела в глаза Ролану. «Я Избираю тебя», — сказал он тогда в ее мозгу. Теперь она вспомнила все...

Женщина улыбнулась, видя, как задохнулась Тэлия, когда все части головоломки внезапно встали на свои места.

— Обычно им не приходится слишком далеко ходить. Как ни странно, но по разным причинам каждый, кто обладает нужным для Герольда складом души, чаще всего так или иначе находит дорогу в столицу, ко двору или в Коллегию. Однако порой Спутникам приходится самим отправляться на поиски своего Герольда. А один Спутник поступает так всегда. Скажи, в книгах, которые ты читала, тебе не встречался титул «Личный Герольд Государя»?

— Д-да, — неуверенно ответила Тэлия, все еще ошеломленная своим открытием и возвращением памяти, — Но я не очень-то поняла, что это значит.

— Это особенно ответственная должность. Для нее требуется очень необычный человек. Каждому нужен кто-то, кому можно всецело доверять, кто-то, кто никогда не даст неискреннего совета, кто-то, кто сможет быть ему верным другом в полном смысле этого слова. Королева нуждается в таком человеке больше, чем кто-либо другой, поскольку она окружена людьми, для которых важны лишь их собственные интересы. И такой человек как раз и есть «Личный Герольд». Существование Личных Герольдов государей — одна из причин, почему в нашем королевстве испокон веков почти не бывает внутренних раздоров. Когда правитель знает, что есть по крайней мере один человек, которому он может всецело доверять, и тот всегда скажет правду, это делает его более уверенным, более честным с самим собой, менее себялюбивым, — и, в конечном счете, лучшей правителем. Должность Личного Герольда короля — пожизненная, и человека для нее всегда избирает Спутник последнего Герольда, занимавшего этот пост. Когда этот Герольд умирает, Спутник покидает Коллегию и отправляется в странствие по королевству в поисках преемника. Во времена прежних королей это занимало не больше одного-двух дней, и довольно часто Спутник избирал кого-то, кто уже является Герольдом или почти готов получить это звание. Но на этот раз вышло иначе. Когда умер Герольд Таламир, его Спутник отсутствовал почти два месяца, — такого не случалось уже очень давно.

Тэлия была настолько поглощена историей, которую рассказывала незнакомка, что забыла о своих опасениях.

— Почему? — спросила она просто.

Прежде чем ответить на этот простой вопрос, женщина долго размышляла. Девочка заслуживала самого лучшего ответа, который она могла дать, и ответа честного.

— Ну, мы думаем, что это как-то связано с нынешней ситуацией, — после долгого раздумья ответила она. — Наследницу престола очень избаловали — отчасти по вине королевы: она позволила, чтобы политика и предметы, которые в тот момент казались важными, но на поверку таковыми не являлись, отнимали у нее слишком много времени. Няня наследницы не из нашего королевства и внушила девочке очень преувеличенное представление о важности ее персоны. Превратить это маленькое чудовище в женщину, которая достойна занять трон, будет нелегко. Спутнику Таламира пришлось долго скитаться, чтобы найти человека, которому она по плечу.

— Но он все-таки нашел его, да? — с тревогой спросила Тэлия.

— Разумеется. Ролан привез ее к нам сегодня.

Женщина внимательно следила за реакцией Тэлии, зная, что она скажет многое об этой девочке. Девочка попросту не поверила.

— Я? Но... но... Я ничего не знаю... Я всего лишь безродная девчонка с хутора... Я здесь не на месте... Я не так говорю... Я не так выгляжу... Я совсем не то, что вам нужно...

— Ты знаешь, как управляться с избалованным ребенком. Признаюсь, Тэлия, я надеялась, что это будет кто-нибудь постарше, но... что ж, Спутники не ошибаются. Ты достаточно близка к Элспет по возрасту, так что сможешь стать ей настоящим другом, когда укротишь это чудовище. Что же до того, что тебе здесь не место — придворные ее и так уже слишком избаловали; хорошая порция сельского здравого смысла ей

не повредит. Да и хорошая деревенская трепка, если уж на то пошло! А на будущее — если бы у меня был кто-то, на кого я могла спокойно положиться... с кем могла поговорить... думаю, я никогда бы не вышла замуж за ее отца. — Женщина вздохнула.

— Вы... за ее отца... Вы королева?! — Тэлия в ужасе вскочила на ноги, и королева изо всех сил постаралась скрыть улыбку при виде ее полного смятения. — Так это я королеву всю перемазала? — Девочка упала бы на колени, если бы королева не удержала ее и не заставила снова усесться рядом.

— Тэлия, милая, я королева только в тронном зале, — сказала она. — А во всех остальных местах — всего лишь одна из Герольдов. И еще я — мать, которая крайне нуждается в твоей помощи. Когда-то что-то я сделала не так, и мне не хватает умения исправить ошибку. Судя по тому, что я видела за этот час, у тебя умения достаточно, хотя ты и намного младше меня.

Она надеялась, что девочка сможет прочесть в ее глазах мольбу.

— Никто не может принудить тебя к этому. Если ты честно считаешь, что задача быть Личным Герольдом женщины, которая годится тебе в матери, и маленького избалованного чудовища тебе не по силам, мы найдем тебе какое-нибудь другое место при дворе, где ты сможешь быть счастлива. Признаюсь тебе, Личный Герольд Королевы — должность, которой я бы себе не пожелала ни при каких обстоятельствах. Ты можешь отказаться, и мы снова отправим Ролана на поиски. Но, думаю, Избрав тебя, он принял правильное решение. Хочешь ли ты быть Герольдом, Тэлия, Личным Герольдом королевы?

Тэлия нервно сглотнула, все еще не уверенная, что не стала жертвой какой-то ужасной ошибки. Она открыла рот, собираясь ответить «нет», но сердце снова изменило ей. Тэлия услышала собственный голос:

— Да! О да!

Королева вздохнула, словно с ее плеч свалился груз.

— Спасибо, Тэлия. Поверь мне, тебе еще долго-долго не придется нести это бремя в одиночку. Слишком многому тебе нужно научиться, и найдутся многие, кто хочет и может помочь тебе. Самое важное — чтобы ты стала другом Элспет и смогла начать направлять ее. Может быть, я и ставлю своим Герольдам трудные задачи, но я стараюсь не делать их невыполнимыми. — Королева весело улыбнулась. — Что еще тебе сказать?

— Не могла бы я... — Тэлия проглотила комок в горле, — Не могла бы я видеть Ролана? Хоть изредка?

— Видеть его? Светлые Гавани, дитя, он же теперь твой Спутник; если тебе захочется, можешь хоть спать в его стойле!

— Можно? Мой? Это взаправду все правда?

Это было слишком похоже на сказку. Тэлия уже в любой момент ожидала проснуться дома, на чердаке Усадьбы. Это не может быть правдой. Наверняка ей все это снится. И все же, разве во сне можно чувствовать себя немного чумазой и ощущать твердый край стула, врезающийся в ногу?

Тэлии пришлось прийти к выводу, что это не сон. Внезапно у нее закружилась голова; она почувствовала себя полупьяной от смешанных чувств облегчения и восторга. Она станет Герольдом, она действительно станет Герольдом, как Ваниэль, как Танцующая-В-Тени и все прочие из ее книг и сказок! И притом не просто Герольдом, а Герольдом самого высокого ранга во всем королевстве!

Лучше сейчас об этом не думать. Столько всего произошло, что просто в голове не уместается.

Тэлия подняла глаза и встретила взглядом с королевой. Впервые в жизни она отбросила присущую крепковерам сдержанность и позволила себе показать, как она счастлива.

— Да, Тэлия. Взаправду, — взгляд королевы заискрился весельем при виде нескрываемого восторга на лице Тэлии. До сих пор девочка держалась с таким самообладанием, что можно было легко забыть, что ей всего тринадцать — пока она сама тебе об этом не напомнила. Сейчас она, казалось, превратилась в до самозабвения счастливого ребенка. К Тэлии будет отнюдь нетрудно привязаться. Особенно в подобные минуты.

Но тут девочка спохватилась и снова превратилась в маленького взрослого.

— С чего мне начинать? Что нужно делать?

— Ты начнешь прямо сейчас, — Королева потянула за висевший за спиной шнур звонка, вызывая декана Коллегии, который с нетерпением ожидал результатов их беседы, — как только сюда придет декан Элкарт. Он устроит тебя в Коллегию. Что же до того, что тебе нужно делать... учись, Тэлия. И прошу тебя, — глаза королевы стали очень серьезными, — учись как можно быстрее. Ты даже не догадываешься, насколько ты мне... нам всем... нужна.

Глава четвертая

На зов королевы откликнулись немедленно. Тэлия не имела ни малейшего понятия о том, чего ожидать, но при — первом же взгляде на щуплого человечка в белых одеждах Герольда, которого королева представила ей как декана Коллегии Герольдов, почувствовала огромное облегчение. Декан Элкарт оказался пожилым, проворным, похожим на птичку человеком ростом едва ли выше самой Тэлии.

При его виде настороженность и скованность, которые обычно охватывали Тэлию в присутствии мужчин, куда-то испарились: декан так походил на пуночку (сходство довершалось шапкой седых волос, похожей на серый хохолок пуночки), что бояться его было совершенно невозможно.

— Итак, — сказал Элкарт, оглядывая Тэлию, слегка склонив голову набок, блестящими черными бусинками-глазами. — Это наш новый Герольд-в-обучении. Думаю, детка, дела у тебя здесь пойдут хорошо; имей в виду, что я никогда не ошибаюсь, спроси у кого хочешь, — закончил он со смешком, и Тэлия неуверенно улыбнулась в ответ.

Элкарт слегка кивнул королеве.

— Ну, с вашего позволения, Селенэй...

— Оставляю ее в ваших надежных руках, — отозвалась королева.

— Отлично. Идем со мной, детка. Я покажу тебе, где что находится, а может быть, и найду кого-нибудь, кто поможет тебе у нас обосноваться.

Он вывел Тэлию за дверь; они пошли по отделанному деревянными панелями залу. Тэлия послушно семенила рядом с маленьким деканом. Хорошо, что Элкарт оказался почти того же роста, что и она, иначе девочке ни за что не удалось бы за ним поспеть. Декан шел так быстро, что Тэлии на каждый его шаг приходилось делать два, чтобы только не отстать.

Хотя она уже составила суждение о декане Коллегии, Тэлия внимательно наблюдала за ним. Ей довелось в жизни столкнуться со слишком многими неприятными неожиданностями, чтобы захотеть нарваться еще на одну, особенно здесь: ведь она одна-одинешенька среди незнакомых людей.

Элкарт заметил осторожные взгляды, которые девочка украдкой бросала на него, и мысленно взял это на заметку. Он провел в должности декана Коллегии Герольдов не один десяток лет и за это время приобрел большой опыт в оценке Новоизбранных: от него не ускользнул ни один нюанс поведения Тэлии. То, как девочка съежилась и ушла в себя, даже не рассмотрев его как следует, сказала декану больше, чем она могла подумать. А ее слепое повиновение сказала еще больше. Элкарт мысленно покачал головой. Девочка совершенно явно не привыкла проявлять инициативу. С этим придется что-то делать. А эта пугливость дикого зверька свидетельствует о том, что она привыкла видеть от окружающих жестокость — возможно, не только умственную и эмоциональную, но и физическую. По счастью, характер девочки, может быть, и согнули, но сломать не смогли; в противном случае Ролан никогда бы ее не Избрал. Элкарт сделал еще одну мысленную пометку: поговорить с королевой о крепковерах. То, что девочка ничего не знала об Избрании Спутником — преступление. И молодой Дирк был прав — девочка так замкнута и скрытна, что можно только диву даваться. Женщины, по-видимому, вызывают у нее гораздо меньший страх, чем мужчины, — создается полное впечатление, что от мужчин она ждет ударов и брани, как чего-то само собой разумеющегося. Да, немало времени пройдет, прежде чем она сможет отнестись с доверием к незнакомцу. Элкарт быстро пересмотрел свои первоначальные планы: пока девочка не освоится со здешней жизнью, лучше, чтобы ее наставниками были в основном женщины. Пожалуй, лишь Герольд Терен настолько подкупающе добродушен, что она сможет не пугаться в его присутствии.

По дороге Элкарт подробно расспрашивал Тэлию о ее жизни дома, стараясь говорить легким тоном и одновременно проецируя на девочку успокаивающую ауру. Полученные ответы весьма порадовали декана: он боялся, что девочка окажется в лучшем случае функционально неграмотной. По крайней мере по части чтения и письма Тэлия находилась на сопоставимом уровне с большинством подростков, Избранных в ее возрасте, и явно обладала невероятной жадностью знаний. Через несколько минут Элкарт уже не сомневался, что все, что требуется, — это дать девочке доступ к знаниям; все остальное она сделает сама.

Только в одной области Тэлия оказалась пугающе невежественной: она, по-видимому, практически ничего не знала о самозащите и не умела обращаться с оружием. Это было в высшей степени неудачно; девочка должна была научиться защищать себя, и как можно скорее. В Кругу Герольдов многие сомневались, что Таламир умер естественной смертью, и Элкарт разделял эти сомнения.

Девочка-подросток, не имеющая ни малейшего понятия о самозащите, одна против тех, кто смог обделать дело таким образом, чтобы смерть опытного Герольда выглядела так, будто он просто умер от старости, — какие у нее шансы! Она так уязвима, так пугающе беззащитна; а ведь в этом хрупком создании вся их надежда. Учитель боевых искусств Альберих — единственный, кто сможет быстро обучить ее хотя бы азам, а девочка, скорее всего, при одном виде Альбериха умрет от страха! Элкарт сделал еще одну мысленную пометку — переговорить с учителем боевых искусств, как только передаст Тэлию в надежные руки. Альберих далеко не глуп, если его предупредить, как пуглива его новая ученица, он придумает, как с ней обращаться.

Тем временем Элкарт продолжал расспросы, еще бдительнее, чем прежде, наблюдая за особенностями поведения девочки. От него не ускользнули ни одно слово, ни один жест.

Тэлия, в свою очередь, была изрядно озадачена расспросами декана, поскольку на ее взгляд они казались совершенно бессистемными. Элкарт перескакивал с темы на тему так быстро, что девочке некогда было обдумать ответы, не то что предугадать следующий вопрос. И все же декана, похоже, радовали ее ответы; пару раз он даже показался очень довольным тем, что услышал.

Они шли длинными переходами, украшенными деревянными панелями и гобеленами, только изредка попадались окна, сквозь которые Тэлия мельком видела деревья и солнце, и благодаря которым она получала хоть примерное представление о том, в каком направлении они двигаются.

Наконец они вошли в еще одни массивные двустворчатые двери.

— Сейчас мы в Крыле Коллегии — Коллегии Герольдов, то есть, — сказал Элкарт. — Здесь, рядом с дворцом, находятся еще две — Коллегия Бардов и Коллегия Целителей. Наша — самая большая, но это отчасти объясняется тем, что большинство учебных классов расположено здесь же, и мы таким образом экономим место. У Коллегии Целителей собственное отдельное здание; у Коллегии Бардов — тоже. Дом Исцеления — это часть Коллегии Целителей, возможно, ты слышала о нем. Дальше по этому коридору идут классные комнаты. Под них отведен целиком весь первый этаж. Дверь в том конце коридора ведет во двор перед конюшнями, позади которых расположены тренировочные площадки. За нашей спиной, по другую сторону дверей, через которые мы только что прошли, находятся личные апартаменты Герольдов королевства.

— И они все тут? — спросила Тэлия, потрясенная мыслью, что все Герольды собраны в одном месте.

— Да нет. Большинство из них объезжает свои сектора. Но у каждого есть здесь хотя бы одна комната — на двоих или отдельная, а у тех, кто постоянно несет службу при дворце или в Коллегии, — несколько, равно как и у тех, кто ушел в отставку с действительной службы, но решил не возвращаться домой, а остаться жить здесь. Вот тут, за этой дверью, — лестница, в середине коридора есть другая, а рядом с дверью в конце — третья. А сейчас пойдем наверх, в помещения для учеников.

Отделанная деревянными панелями лестница была не такой узкой, как лестницы в холдинге, а маленькое окошко на полпути наверх хорошо освещало ступеньки. На второй площадке имелась дверь, и декан отворил ее перед Тэлией.

— Здесь спальное отделение, — сказал он.

Как и в вестибюле, оставшемся внизу, под ними, стены здесь закрывали панели из какого-то темного дерева, отполированные до блеска, хотя и не покрытые лаком. Двери шли гораздо чаще, чем в нижнем холле, а сам коридор показался Тэлии странно коротким.

— Как видишь, вестибюль здесь вдвое меньше того, что внизу, поскольку за этой вот стеной находится общая трапезная, а за той — спальни мальчишек. Мы сейчас на женской половине. Весь третий этаж отведен под Библиотеку и места для занятий. Библиотека находится в полном пользовании учеников и Герольдов; ты сможешь ходить туда в любое время, когда у тебя не будет занятий или каких-то других

поручений, — Элкарт поощряюще улыбнулся, увидев, как загорелись у Тэлии глаза. — Только постарайся, чтобы оставалось хоть немножко времени на еду и сон!

В этот момент к декану подбежал маленький мальчик, одетый в форму, очень похожую на ту, что носил Страж, только светло-синего цвета вместо черно-синего. За ним, сильно поотстав, следовал облаченный в богатые одежды, но какой-то встрепанный мужчина средних лет.

Из всех людей, виденных Тэлией с тех пор, как она оказалась во дворце, это был первый человек, не носивший мундира.

— О Гавани, что еще на мою голову? — пробормотал про себя Элкарт, когда мальчишка подлетел к ним.

— Господин декан Элкарт, к вам начальник городской стражи, — выпалил мальчишка срывающимся дискантом.

— Вижу, Леванд. Что стряслось на сей раз? Пожар, потоп или уличные беспорядки?

— Всего понемножку, господин мой Герольд, — начальник стражи, пытаясь, достиг пределов слышимости и ответил сам. Тэлия прижалась спиной к стене, изо всех сил стараясь стать невидимой. — Вы знаете источник Владычицы на Портняжном Дворе? Тот, от которого вода раньше отводилась по трубе на улицу Сломанной Иглы?

— То, как вы подбираете слова, наполняет меня дурными предчувствиями, господин начальник стражи, — отвечал Элкарт со вздохом. — «Раньше» отводилась?

— Кому-то понадобилось отвести сток, господин Герольд. В подвал, где помещается таверна Иона Удачника «Барышня и звезды». Которая, как вам известно...

— .. является любимым местом греховных развлечений студентов-третьекурсников Коллегии Бардов; да, известно. Это дело сильно пахнет Невключенными, не правда ли? С какой стороны ни посмотри...

— Отчасти, милостивый государь.

— Вы меня пугаете. Продолжайте же.

— Студенты-Барды стали возражать против того, чтобы у них промокли ноги, и возражать очень сильно.

— И, без сомнения, бросились преследовать злоумышленников?

— Именно так. Мне сказали, что барабанщики мастерят отличные дубинки, и среди студентов-Бардов есть несколько человек, которые в последнее время любят прогуливаться с резными посохами.

— Ладно, это объясняет потоп и беспорядки на улицах. А что насчет пожара?

— Его устроили студенты-Барды, господин декан. В проулке, ведущем от Пяти Грошей. Похоже, те, кого они винили в наводнении, будучи загнаны в Грифоново Яйцо, не пожелали выходить, и кто-то подал мысль выкурить их оттуда. Тогда студенты развели костер из мусора и пустили дым в заднюю дверь.

— О Господи... — Элкарт провел рукой по глазам; Тэлии показалось, что у декана разболелась голова. — Почему вы приходите с этим ко мне, господин начальник стражи? Полагаю, вам нужно переговорить с родителями и покровителями замешанных в этом деле Невключенных и деканом Коллегии Бардов.

— Что я и сделал, господин декан. С этим уже все улажено.

— Что же еще? Спаси меня Владычица...

— Когда беготня и крик поутихли, а кавалеры и их дамы разомкнули объятия, обнаружилось, что у них пропали кошельки — у всех поголовно. Кошельки были найдены нетронутыми; они висели на деревьях в саду Монастыря. Жрицы Владычицы не видели, кто повесил их туда, но несколько драчунов припомнили, что в самой гуще свалки мелькал кто-то, одетый в серую форму студента-Герольда.

— Незачем говорить...

— Так, господин Герольд. Только один из ваших студентов способен отколоть такую штуку.

— Властелин Тьмы и Госпожа Света, — пробормотал Элкарт, потирая висок. — Обождите минутку, господин городничий. У меня есть еще одно срочное дело, я препоручу его кому-нибудь и буду к вашим услугам.

Элкарт осмотрелся и нашел глазами Тэлию, которая сжалась в уголке, стараясь стать как можно неприметнее.

— Детка, с моей стороны это непростительная невежливость, но придется пока найти для тебя другого провожатого, — сказал декан, ласково обнимая девочку за плечи и слегка подталкивая вперед. Дверь в трапезную отворилась, и в холл вошла маленькая стайка девушек в одинаковых серых нарядах.

— А вот, — с удовлетворением сказал Элкарт, — как раз тот человек, который мне нужен. Шерил!

Одна из девушек, высокая, стройная брюнетка со светло-кариими глазами, обернулась на оклик и с улыбкой направилась в их сторону.

— Да? — сказала она; потом с любопытством взглянула на Тэлию.

— Это та юная барышня, которую привез Ролан, — сообщил ей Элкарт. — Она из одного далекого приграничного поселения, все равно что из-за границы, и очень растеряна. Ей потребуется помощь, чтобы освоиться у нас. К сожалению, начальник городской стражи сообщил мне о некоем другом деле, с которым мне нужно разобраться. Не могла бы ты...

— Принять ее от вас, с рук на руки? Конечно! Она что, так же огорошена всем окружающим, как была я? — девушка заразительно улыбнулась, и Тэлия робко улыбнулась в ответ.

— Если говорить всерьез, то да... В некоторых отношениях даже сильнее, — ответил декан.

— О Светлые Гавани, неужели? Бедная малышка! — девушка подарила Тэлии еще одну ободряющую улыбку. — Ладно, посмотрим, что мы сможем для нее сделать. М-м, господин декан... То «дело» — что, опять Скиф?

— Похоже на то.

— О Гавани! Когда же он чему-нибудь научится?

— Он учится. Он никогда не повторяет одну и ту же проделку дважды, — отвечал Элкарт, подавляя смехок. — На сей раз все не так уж плохо. Скиф, по-видимому, не является главным злоумышленником; скорее, так, примкнул к веселью. Думаю, мне удастся без труда вызволить его.

— Будем надеяться, мне нравится этот обезьяненыш.

— А кому он не нравится? Разве что, может быть, лорду Орталлену. Присмотри как следует за юной Тэлией, ладно? Я рассчитываю на тебя, а то начальник стражи начинает, похоже, терять терпение.

— Слушаюсь, — усмехнулась девушка. Потом повернулась к Тэлии, и усмешка стала сочувственной. — Декан знает, что, когда я приехала, то оказалась в таком же положении, как и ты. Я родом из рыбаков с Вечнотуманного Озера и ни в чем не разбиралась, кроме рыбы. Я даже читать и писать не умела!

— Я умею читать... и писать и считать тоже, — застенчиво сказала Тэлия.

— Видишь? Значит, ты в три раза учнее, чем была я поначалу! Господин декан... — окликнула Шерил Элкарта, чьи мысли блуждали где-то далеко, — Основная ориентировка с Тереном завтра?

— Разумеется, мы задерживали начало занятий в группе до возвращения Ролана. Я составлю для нее расписание и отдам Терену. А завтра я хочу, чтобы ты отвела ее на тренировочную площадку. Пусть Альберих решит, что он будет с ней делать.

Шерил перевела взгляд с Тэлии на декана, немного удивленная тем, что новенькую так скоро направляют в класс Альбериха, и уловила безмолвный сигнал Элкарта: декан хотел поговорить с ней попозже. Она коротко кивнула, и Элкарт распрощался с обеими и заспешил следом за встрепанным начальником городской стражи.

Шерил хорошенько оглядела последнюю (и самую главную) из Избранных. Бедняжка касалась измотанной, забитой и испуганной, и была совершенно явно сбита с толку всем, что с ней происходило.

Шерил с удивлением ощутила внезапный прилив материнских чувств к этому ребенку.

— Ну, Тэлия, первое, что нам нужно сделать — это найти тебе комнату и раздобыть для тебя форму и все необходимое, — сказала она, надеясь, что ее беззаботный тон поможет девочке успокоиться. — Кстати, сколько тебе лет?

— Тринадцать, — тихо ответила Тэлия, так тихо, что Шерил едва расслышала.

— Правда? На вид тебе столько не дашь, — заметила та, идя впереди. — Хотя, скажу я тебе, быть маленькой не так уж и плохо; Избранных, у которых твой размер одежды, немного, и ты, по крайней мере, можешь рассчитывать на то, что не получишь форму, наполовину состоящую из заплат!

— Форму?

— Такую же, как моя — посмотри внимательно. Она точная копия формы Герольдов, только серебристо-серая, а не белая, как у них, и ткань немного другая. Видишь ли, благодаря тому, что мы носим форму, мы все равны, и в нас легко узнать Герольдов-в-обучении. В Коллегиях Бардов и Целителей принято то же самое: сами Барды носят алое, а их ученики — красно-коричневое; у Целителей — Зеленое, одежды Целителей, а их ученики, Целители-в-обучении, носят бледно-зеленое. Мы носим серое, пока не заслужим Белые Одежды. Есть еще студенты, которые не относятся ни к одной из Коллегий; они тоже носят форму, но светло-синего цвета. Официально их называют Невключенными, а мы их зовем Синими. Среди них есть всякие — те, кто учится, чтобы стать кем-то большим, чем простым писцом, те, у кого талант к строительству, высокородные юнцы, чьи родители считают, что им надо чем-то заняться, а не только выбирать себе новых лошадей и наряды.

Шерил на миг нахмурилась в нерешительности, не зная, как много следует рассказывать девочке о Синих.

Что хуже — напугать ребенка, быть может напрасно, или оставить в неведении о тайных происках вокруг него? Трудно судить, поскольку новенькая, похоже, твердо решила сохранять бесстрастное выражение лица. Шерил знала, что не обладает способностью Элкарта «читать» людей, в больших карих глазах Тэлии она могла прочесть не больше, чем узнала бы, разглядывая скалу.

Подумав, Шерил выбрала средний путь. — Может статься, тебе придется держать с ними ухо востро, — предупредила она, — и Барды, и Целители очень внимательно следят, кого берут в ученики, а каждый носящий серое Избран Спутником, но для Невключенных студентов нет никаких критериев отбора. Все, что от них требуется, — успешно окончить выбранный курс. Добрая половина тех, кто попал туда из придворных кругов, не лучше породистых бычков, и среди них есть несколько по-настоящему гнусных типов. На твоём месте я бы старалась в общественных местах держаться поближе к другим Серым. — Шерил остановилась и отворила одну из дверей в самом конце холла. — Ну вот, здесь ты будешь жить.

В обнаружившейся за дверью комнатухе едва хватало места для немудреной мебели — кровати, письменного стола, стула, книжного и платяного шкафов, однако Тэлии она явно показалась верхом роскоши. Девочка, несомненно, привыкла спать в одной постели с другими детьми и до сих пор, скорее всего, не имела даже угла, который могла бы назвать своим. Шерил всунула карточку с именем Тэлии в держатель на двери и улыбнулась, увидев выражение лица новенькой. Она отлично понимала чувства Тэлии: до того, как ее собственный Спутник увез ее в Коллегию, Шерил сама большую часть жизни провела в жуткой тесноте. Семья была большая, ютились бок о бок, как сельди в бочке. Лето проходило на лодке, где уединение было совершенно невозможным, зима — в длинном доме из одной комнаты, где жила не только ее семья, но и семьи обоих ее дядьев. Сейчас Шерил только диву давалась, как это вообще кто-то умудрялся забывать о постоянном присутствии посторонних настолько, чтобы обеспечить продолжение рода!

— Нравится? — спросила она, пытаясь добиться от ребенка хоть какого-то отклика.

Тэлия была потрясена. Всю жизнь она спала в одной постели с двумя сестрами на голом и тесном чердаке Усадьбы. Эта комната — ее собственная! — казалась в сравнении с этим невероятной роскошью. Шерил, похоже, поняла ее состояние и позволила постоять минуту, наслаждаясь мыслью о появившейся возможности уединения.

— О да! — наконец ответила Тэлия, — Это... чудесно!

«Чудесно» казалось слишком слабым словом: она получила давно желанное прибежище, место, куда могла удалиться, и куда больше никто не мог заходить. От внимания Тэлии не ускользнуло, что дверь запиралась изнутри на задвижку. При желании она могла отгородиться от всего мира.

— Хорошо! Теперь пошли к домоправительнице, — сказала Шерил, прерывая мечты Тэлии и не дав ей как следует привыкнуть к мысли, что у нее теперь есть собственная комната. — Она даст тебе все необходимое и включит в расписание дежурств.

— Что это такое?

— Наконец-то вопрос! Я уже начинала думать, не проглотила ли ты язык! — Мягко поддразнила ее Шерил, и Тэлия слегка покраснела. — Во всех трех Коллегиях есть традиция, что каждый должен работать, так что здесь нигде нет слуг. В сущности, единственные люди в Коллегии, кроме студентов и преподавателей — это Повар и Домоправительница. Мы каждый день по очереди что-то делаем. Дежурства, или наряды, занимают не так много времени, а «лицам благородного происхождения» это действительно помогает осознать, что здесь все равны. Конечно, если заболеешь, от дежурства освобождают. Подозреваю, что нас даже заставили бы стряпать, не будь они уверены, что мы, скорее всего, ненароком отравим друг друга! — заключила Шерил со смехом; Тэлия неуверенно улыбнулась, потом сообразила.

— Я умею стряпать. Немного.

— Хорошо. Непременно скажи это Домоправительнице. Она, наверно, чаще всего будет назначать тебя помогать повару, поскольку большинство из нас не в состоянии отличить один конец цыпленка от другого.

Шерил снова хихикнула, что-то припоминая.

— Есть один Герольд, который получил Белое всего месяц или около того назад, его зовут Крис, так вот он был одним из «благороднорожденных» и привык, что все делают за него, пока не появился здесь. В первый раз, когда его назначили в помощники повара, повар дал ему цыпленка и велел разделить и нафаршировать. Крис человек не того склада, чтобы увлекаться охотой (книжник, знаешь ли), поэтому повару пришлось показать ему, как разрезать цыпленка, чтобы выпотрошить. Крис разрезал, заглянул внутрь и сказал: «Его незачем фаршировать, он уже полон!» Эту историю ему до сих пор не забыли!

К этому времени они миновали площадку первого этажа и спустились в полуподвал. Шерил дважды стукнула в дверь, отворила ее и вошла. За дверью обнаружилась узкая комната с выбеленными стенами. Свет падал из окна, прорубленного под самым потолком; Тэлия прикинула, что снаружи оно, должно быть, находится на уровне земли. В комнате не было никакой мебели, кроме письменного стола, за которым восседала почтенная немолодая женщина; когда они вошли, она улыбнулась.

— Вот та новенькая, Домоправительница, — весело сказала Шерил.

Женщина смерила Тэлию внимательным взглядом.

— Я бы сказала, примерно седьмой. Мало кто из Избранных носит такой маленький размер. Ты привезла с собой что-нибудь, милочка?

Тэлия покачала головой, и Шерил ответила за нее — Как и я когда-то, Домоправительница Гэйта: только одежду, что на ней. Вам надо переговорить об этом с королевой Селенэй: Спутники никогда не дают Избранным времени на сборы!

Домоправительница улыбнулась и покачала головой, потом вышла из комнаты через другую дверь, находившуюся за ее спиной. Вскоре она возвратилась, неся стопку аккуратно сложенной одежды и туго набитую сумку.

— По правилам Коллегии ты должна умываться перед едой и принимать горячую ванну каждый вечер, — сказала она, вручая одну половину стопки Тэлии, а другую Шерил. — Грязную одежду сбрасывают в специальный желоб, ведущий в прачечную; он находится в ванной, Шерил покажет, где. Постельное белье меняют раз в неделю, ты будешь получать свежее вместе с остальными девушками, а грязное

отправлять в стирку. Если ты работала со Спутником или упражнялась с оружием, перед едой надо переодеваться. В мыле и горячей воде тут недостатка нет, а содержать себя в чистоте очень важно. Герольды должны внушать доверие одним своим видом, а кто же станет доверять Герольду-грязнуле! Чистую форму можешь получить у меня всегда, когда понадобится. Я знаю, что тебе такое, возможно, непривычно...

— Мне поначалу пришлось нелегко, — вмешалась Шерил. — Там, откуда я родом, зимой не помоешься, потому что невозможно нагреть достаточно воды, а сквозняки такие, что, чего доброго, подхватишь воспаление легких. Теперь я больше никогда не езжу домой погостить зимой — с тех пор, как я уехала, мой нос стал намного чувствительней к запахам!

Тэлия вспомнила проверки, которые Келдар устраивала трижды на дню, и отдраивание холодной водой с помощью щетки для мытья полов, если обнаруживался малейший след грязи.

— Думаю, я справлюсь, — сказала она негромко.

— Хорошо. Теперь дальше: как сказала — или должна была сказать — тебе Шерил, все вы каждый день получаете небольшие наряды. Что ты умеешь делать?

— Все, — не задумываясь, ответила Тэлия.

Домоправительница посмотрела на нее скептически.

— Прости меня, милочка, но для девочки твоего возраста это представляется маловероятным.

— Она старше, чем кажется, — сказала Шерил — Ей тринадцать.

Тэлия кивнула.

— Меня собирались выдать замуж, и я убежала. Тогда-то Ролан и нашел меня. Келдар сказала, что я готова к замужеству.

Домоправительница была потрясена.

— Замуж? В тринадцать лет.

— В приграничных землях жениться в таком раннем возрасте — вполне обычное дело, — ответила Шерил. — У меня дома ждут не намного дольше. Жители порубежья поступают с собой и своими детьми точно так же, как со своей скотиной, основной принцип — случать как можно раньше и чаще, с тем чтобы получить как можно больше здорового приплода. Единственно верного пути не существует, Домоправительница. Жизнь в приграничье сурова; если бы тамошние жители должны были придерживаться обычаев, принятых внутри королевства, им ни за что бы не удалось удержать свои земли.

— И все же это кажется... варварством, — сказала Домоправительница с легким отвращением.

— Очень может быть — но это нужно для выживания. И именно этот способ воспитания дал нам Герольда, у которого есть шанс снова превратить Отродье в достойную наследницу. Заметьте, Ролан не выбрал кого-нибудь из нас, — Шерил улыбнулась Тэлии, которая пыталась не показать, как ей неловко. — Извини, что мы говорим о тебе так, словно тебя тут нет. И никому не позволяй смутить тебя, дружок. Не всем из нас была доступна роскошь, которую Домоправительница зовет «правильным воспитанием». Помнишь, что я тебе рассказывала о невозможности мытья зимой? Когда я впервые появилась здесь, Домоправительнице пришлось сунуть меня в лохань с горячей водой и скоблить так, что чуть не слезла шкура, — вот я была настоящим маленьким варваром!

Тэлия не могла представить, чтобы одетую с иголки, уверенную в себе Шерил кто-то засунул в лохань и драил, но еще труднее было вообразить, что Шерил нуждалась в подобном обращении.

— Тэлия, ты умеешь стряпать или шить? Что-нибудь в этом духе?

— Я умею стряпать, если это что-нибудь простое, — с сомнением сказала Тэлия. — Пирами занимались только Жены; пиры считались слишком важными, чтобы поручать детям. Вышиваю я из рук вон плохо, но умею штопать и шить одежду, а еще вязать. И прясть и ткать. И еще знаю, как отчистить или отстирать почти что все на свете.

Домоправительница подавила смехок, услышав, с какой горечью Тэлия произнесла последние слова.

Этот тон убедил ее, что девочка, возможно, действительно умеет делать все то, о чем говорит.

— Так редко случается, чтобы у наших студентов был столь богатый опыт в домашних делах, как у тебя, что я, пожалуй, буду попеременно назначать тебя в помощники повара и в швейную мастерскую. Прорех и дыр, которые нужно заштопать, всегда предостаточно, а вот рук, которые в состоянии заштопать их, обычно не хватает. А Мери будет просто сам не свой от радости, когда я в кои веки раз пришлю ему человека, который что-то смыслит в стряпне. — Сверившись с одной из книг на своем столе и что-то в нее записав, Домоправительница вручила Тэлии листок бумаги. — Вот твоё расписание дежурств, если окажется слишком сложно втиснуть их между занятиями, приходи ко мне, и мы его перделаем.

Шерил снова повела Тэлию вверх по лестнице, к её новой комнате. Тэлия с огромным интересом исследовала свою новую одежду. Тут были свободные льняные рубашки, которые полагалось носить под доходящими до бедер туниками из более плотной материи, по весу напоминающей холстину, но гораздо более мягкой, и длинные штаны и юбки из той же ткани. Имелись и более тяжелые шерстяные комплекты такой же одежды, очевидно предназначенные для ношения зимой, шерстяной плащ и уйма вязаных чулок, белья и ночных рубашек.

— Тебе какое-то время придется обходиться собственной обувью, пока не удастся подогнать новую по тебе, — сказала Шерил извиняющимся тоном, помогая Тэлии убрать одежду в шкаф. — На это уйдет не меньше недели. Обидно, конечно, но нет ничего хуже плохо подогнанных сапог, это хуже, чем ничего, а Керен шкуру с тебя спустит, если ты посмеешь ездить без сапог. Конечно, если ты не сядешь охлюпкой.

Только они закончили стелить постель, как снаружи зазвонил колокол.

— Это колокол на ужин, — пояснила Шерил. — Бери форму, пошли помоемся, и ты сможешь переодеться.

В умывальной царил ужасная давка. Шерил показала Тэлии, где что находится: желоб, ведущий в прачечную, все необходимое для дней, когда у тебя месячные, полотенца и мыло — и, невзирая на толкотню, ухитрилась найти для них обеих тазы и достаточно горячей воды, чтобы можно было хотя бы наскоро сполоснуться. После поспешного, но яростного мытья, когда исчезла пыль, оставшаяся после езды верхом, и грязные дорожки от слез на щеках, Тэлия почувствовала себя гораздо уютнее. Шерил потирали её, Тэлия натянула новую одежду, и они припустили в сторону трапезной. Ужин проходил шумно и весело. Все сидели за общими длинными столами, студенты и взрослые вперемешку, и накладывали себе еду из мисок и тарелок, которые разносили дежурные, доставая из чего-то вроде шкафа в стене. Тэлии показалось, что шкаф этот слишком мал, чтобы вместить все то, что у нее на глазах из него вынималось, Шерил заметила её недоуменный взгляд и объяснила, перекивая шум:

— Это подъемник из кухни; кухня внизу, в подвале, там же, где комната Домоправительницы и кладовые. И не слишком-то жалей тех, кто подает. Они едят прежде нас, и Мери всегда бережет для них всякую вкуснятину!

Среди серой массы студентов Тэлия заметила несколько человек в Белом.

— А Герольды — они все учителя?

— Только около половины. А остальные... Ну, есть Герольды, которые только что вернулись из поля, несколько человек, которые ушли в отставку, но решили жить здесь и не хотят столоваться при дворе, и парочка недавних студентов, которые только что заслужили Белое и еще не получили задания на стажировку. Еще есть три Герольда, постоянно приписанных к дворцу: лично к королеве — декан Элкарт; к лорду-маршалу — Хедрик, и его мы видим редко; и к сенешалю — это Кирилл, и он также иногда преподаёт. Им почти всегда приходится есть вместе с придворными. Обычно присутствовал и четвертый, Личный Герольд, но... — Шерил внезапно умолкла, искоса глянув на Тэлию.

— Как... Что с ним случилось? — спросила Тэлия тихо, уверенная, что ответ её не обрадует, но все равно отчаянно желая знать его. Королева — и все прочитанные сказки — утверждали, что быть Герольдом небезопасно, а в тоне, которым люди говорили о прежнем Герольде Королевы, было нечто, наводившее Тэлию на мысль, что он, вероятно, встретился с одной из этих опасностей.

— Кажется, никто не знает наверняка. Это могло быть болезнью, но... — Шерил явно разрывалась

между желанием продолжать и промолчать.

— Но? Шерил, мне нужно знать, — сказала Тэлия, умоляюще глядя на свою наставницу.

Ее настойчивость произвела впечатление. Шерил решила, что лучше, если девочка будет предупреждена.

— Ну, многие подозревают, что его отравили. Он был стар и немощен, так что убить его было нетрудно, — сказала Шерил сумрачно. — Если это правда, то убийцам его смерть ничего не дала. Мы думаем, его устранили потому, что он уже почти уговорил Селенэй отослать Отродье на воспитание в какую-нибудь семью, где не стали бы потакать ее выходкам. Полагаю, тебе неизвестно — закон гласит, что наследница должна быть Герольдом; если Отродье не выберет ни один Спутник, королеве придется либо выйти замуж вторично в надежде, что другой ребенок окажется удачнее, либо выбрать наследника из тех кровных родичей, кто Избран.

В любом случае жуткая прорва народу начнет строить козни, пытаясь добиться власти. Бедная Селенэй! Любая другая из нас могла бы просто выбрать себе партнера — и вперед! Заимела бы столько детей, сколько требуется, не думая ни о возможном консорте, ни о политических последствиях... Но в том-то и дело, что она королева, и для нее может быть или брак, или ничего.

Не очень-то хорошая ситуация... Шерил посерьезневшим взглядом посмотрела на маленькую, хрупкую на вид девочку, сидящую возле нее. Она начинала понимать, почему Элкарт захотел, чтобы Тэлию так рано стали обучать обращению с оружием.

Тэлия подумала, что у Шерил просто дар умолчания. Ее откровения относительно предыдущего Личного Герольда Королевы напугали девочку настолько, что остальную часть рассказа — которая в изрядной степени демонстрировала правоту утверждений крепковеров о безнравственности Герольдов — она почти целиком пропустила мимо ушей.

— А что насчет тех, кто отравил Герольда Т-т-талами-ра? — спросила она, немного заикаясь от волнения. — Они... я... они станут пытаться... причинить мне зло? — Тэлия вглядывалась в глаза Шерил, чтобы уловить какой-нибудь знак, свидетельствующий о том, что та говорит правду. У нее начали дрожать руки.

Шерил удивилась тому, как мгновенно Тэлия ухватила суть ситуации — и поспешила успокоить ее. В больших карих глазах девочки читался страх, очевидный даже для неопытной Шерил.

— Они не посмеют снова прибегнуть к тому же самому трюку — ведь они возбудили подозрения. Что они, вероятно, попытаются сделать, так это настолько отравить тебе жизнь, чтобы ты сдалась и уехала отсюда. Это — одна из причин, по которым я предупредила тебя насчет Синих. Их родители могут велеть им изводить тебя. Ты будешь в полной безопасности среди нас, учеников-Герольдов, и я уверена, что тебе ничего не будет грозить и среди студентов Бардов и Целителей, — Шерил улыбнулась Тэлии, которая ответила на улыбку, хотя и немного неуверенно. — Тэлия, если кто-нибудь станет досаждать тебе и тебе покажется, что ты не в состоянии справиться сама, дай мне знать. Нам с друзьями уже пару раз доводилось задать перцу Синим.

Может быть. Тэлии хотелось верить ей... отчаянно хотелось найти здесь свой дом, но даже из ее родни только двое когда-то вставали на ее защиту. С какой стати это делать незнакомке? Некоторое время девочка ела в молчании, потом решила переменить тему.

— Сколько здесь студентов?

— Около шестидесяти у Целителей, сорок у Бардов, и, с тобой, ровно пятьдесят три в Коллегии Герольдов. Количество Синих меняется; их никогда не бывает меньше двадцати, но редко — больше пятидесяти. Прямо сейчас я не могу назвать тебе точную цифру, тебе бы надо спросить Терена. Он помощник Элкарта, а завтра будет твоим первым инструктором.

— Сколько нужно времени, чтобы стать Герольдом?

— По-разному, около пяти лет. Обычно мы появляемся здесь примерно в твоем возрасте, большинство получает Белое в восемнадцать лет; я, вероятно, заслужу свое на будущий год. Однако я видела Избранных и помладше, а Элкарта Избрали, когда ему уже почти стукнуло двадцать! И что ты

думаешь? Элкарт наверстал позднее Избрание, став полным Герольдом всего за три года! После того, как получаешь Белое, тебя на год или полтора отправляют на стажировку в поле в паре со старшим Герольдом. После этого ты обычно получаешь уже собственное назначение.

Тэлия некоторое время обдумывала это, потом спросила обеспокоено:

— Шерил, что... как мне узнать все, что мне нужно делать?

Тэлия говорила так серьезно, что Шерил сочувственно рассмеялась.

— Узнаешь, не беспокойся. Первым занятием у тебя будет ориентировка. За прошлый месяц к нам прибыло еще четверо Избранных, и ждали только возвращения Ролана, чтобы начать. Что же касается остального — тебя определят на занятия в соответствии с тем, что декан сочтет для тебя наиболее подходящим, что означает, что какие-то занятия ты, возможно, будешь посещать вместе со мной, а какие-то — вместе с начинающими.

Тэлия неожиданно улыбнулась.

— Иными словами, вы бросаете младенца в Реку и смотрите, быстро ли он научится плавать?

Шерил снова рассмеялась.

— Ну, до такого зверства мы не доходим! Ты как, уже поела?

Тэлия кивнула, и они отнесли свои приборы на скрытый в шкафу подъемник.

— Я сегодня дежурю на мытье посуды, так что придется мне тебя покинуть, — продолжала Шерил, — Ничего, если ты останешься одна, или хочешь, чтобы я подыскала кого-нибудь тебе в компанию?

— Я... со мной все будет в порядке. Только мне бы страшно хотелось посмотреть Библиотеку, если ты думаешь, что это можно.

— Да на здоровье, она для того и существует. Только помни, лучше не тянуть слишком долго с принятием ванны, не то горячая вода кончится. Я зайду за тобой утром.

Шерил с грохотом поскакала вниз по лестнице, а Тэлия медленно пошла наверх.

Шерил была рада, что на мытье посуды ушло так мало времени, а также тому, что Мери отпустил ее пораньше, когда она сказала, что с ней хочет поговорить декан. Декан не подал бы ей того знака — в сущности, он сказал бы ей все, что хотел, в присутствии Тэлии — если бы не считал необходимым обсудить с Шерил вещи, о которых девочке лучше не знать.

Как Шерил и предполагала, Элкарт ждал ее в маленькой захлавленной комнате, примыкавшей к его покоям и служившей ему чем-то вроде кабинета. Размером комнатка была едва ли больше чулана и завалена всевозможными книгами, бумагами и мусором, но Элкарт ни за что не желал перебираться в более просторное помещение, утверждая, что, если он это сделает, хлам «расплодится», чтобы заполнить свободное пространство.

— Трудно было уйти? — спросил декан, убирая кипу бумаг с одного из кресел — старого, уютного, с мягкой обивкой, должно быть, ровесника его самого.

— Меня сегодня поставили на мытье посуды, это был удобный предлог. В настоящий момент Тэлия, по всей вероятности, в упоении бродит по Библиотеке, — с легкой улыбкой ответила Шерил, усаживаясь.

Элкарт взгромоздился на стул по другую сторону стола, заваленного еще большим количеством книг и бумаг.

— Хорошо; могу я считать подразумевающимся, что ты не против того, чтобы стать ее наставницей? Наставник ей нужен очень, а ты единственная из студентов, чье прошлое похоже на ее собственное.

— Бедняжка... да, декан, я совершенно не против. Хотя не думаю, что мое прошлое так уж похоже на ее. — Шерил слегка нахмурилась, думая о том немногом, что Тэлия позволила ей узнать о себе. — Вы ведь знаете живущие на Вечнотуманном кланы: у нас стоит непрерывный шум и толкотня, и мы близки чуть ли не до кровосмешения. У меня создалось впечатление, что девочку держали в такой строгости, что теперь

она даже дышать боится — ждет, что накажут; и еще мне кажется, что никто никогда не удосужился уделить бедняжке хоть капельку любви. Она все держит в себе, ее трудно «читать», а из того, что говорилось на занятиях о крепковерах, я мало что помню.

— То-то и оно. Дело в том, что мы попросту мало что знаем об этом народе. Они очень скрытны, общаются почти исключительно друг с другом и не приветствуют долгих визитов или любопытства со стороны чужаков. Пока мы не поговорили с Тэлией, мы даже не знали, что они не рассказывают своим детям об Избрании Спутником!

— Они... что? — Шерил была потрясена.

— Это совершенно точно, когда Ролан Избрал ее, девочка не имела ни малейшего представления о том, что это означает. Я уверен, что она все еще полностью не представляет, какова его истинная природа. Вот о чем мне нужно с тобой поговорить. Тебе придется иметь дело с ребенком, который, судя по всему, получил очень чуждое для нас воспитание. Я могу высказать несколько обоснованных догадок: она, похоже, боится мужчин, так что я могу предположить, что она склонна ожидать от них наказания. Это вписывается в то, что нам все-таки удалось узнать о крепковерах: их семейная жизнь патриархальна и авторитарна. Девочка, по-видимому, постоянно подавляет свои эмоции, и опять-таки это вяжется с тем, что я знаю о ее сородичах. Они хмурятся на любое открытое проявление чувств. Вместе с тем постоянно кажется, что она... ведет чуть ли не войну с самой собой...

— Сдерживает себя? — подсказала Шерил. — Так, словно ей бы хотелось вступить в контакт, но она не осмеливается?

— Точно. Первый шаг всегда придется делать тебе, и, думаю, она и дальше будет склонна скрывать свои чувства, — отозвался Элкарт. — Это тебе придется выяснять, не тревожит ли ее что, потому что сама Тэлия никогда тебе об этом не скажет.

— Боги, — покачала головой Шерил, — Полная противоположность моим землякам. Не знаю, декан, я больше привыкла иметь дело с людьми, которые кричат на весь мир о том, что у них на уме и на сердце. Не уверена, что я достаточно проницательна, чтобы заметить признаки того, что что-то неладно, даже при условии, что Тэлия даст мне такой шанс.

— Сделай все, что сможешь, больше я тебя ни о чем не прошу. По крайней мере, вы обе родом из Приграничных Секторов, это послужит каким-то связующим звеном.

— Почему вы так рано направляете ее к Альбериху? — с любопытством спросила Шерил. — Я понимаю, почему девочке лучше как можно быстрее научиться самообороне, но я бы подумала, учитывая те сложности в общении, которые, по-видимому, у нее есть, что кому-кому, а Альбериху вы ее не отдадите. Я хочу сказать, Джери, казалось бы, должна ей представляться гораздо менее устрашающей фигурой.

— Хотел бы я иметь какой-то выбор, но девочка абсолютно ничего не знает о самозащите, мне известно, что Джери хороший учитель, но она не так опытна, как Альберих. Он единственный, кто сможет обучить Тэлию так быстро, как это необходимо. Если толпа смутьянов загонит ее в угол, или, избави нас Светлая Владычица, кто-нибудь подумает, что удар ножа в темноте может решить проблему появления нового Личного Герольда Королевы...

Конец фразы повис в воздухе.

— А я не могу постоянно находиться с ней рядом. Ну что ж, надеюсь, что с Тэлией Альберих смягчит свое обычное обхождение, не то она может упасть мертвой на тренировочном поле и избавить убийцу от хлопот. — Шерил говорила шутливым тоном, но в глазах ее веселья не было.

— Я уже говорил с ним, и он отнюдь не такой черствый, как ты, может быть, думаешь. Знаешь, мы ведь с Альберихом однокашники. У меня есть причины верить, что с ней он будет очень мягок.

— Альберих, мягок? Да ну? Расскажите это как-нибудь моим синякам, господин мой.

— Лучше синяки сейчас, чем смертельная рана потом, разве нет? — криво усмехнулся Элкарт. — Хотел бы я, чтобы среди однокашников Тэлии оказалась еще одна девочка, хотел бы я, чтобы у нас нашелся кто-нибудь, кому легче было бы понять то, что она скрывает от нас. Но ты — самая подходящая кандидатура, которую я смог подобрать. Ну, вот и все, что я хотел тебе сказать. Это немного...

— Но для начала уже кое-что. Мужайтесь, декан. Спутники не ошибаются в выборе, а посмотрите, как долго Ролан искал ее. Она справится. И я тоже. Герольды всегда справляются.

Поднявшись по лестнице до самого верха, Тэлия отворила дверь, ведущую в одну-единственную огромную комнату, полную стеллажей с книгами.

В концах рядов полок, тянувшихся вдоль стен, располагались маленькие кабинки, оборудованные письменными столами и стульями. Тэлия ожидала найти здесь, возможно, в два или три раза больше книг, чем имелось в отцовской библиотеке (где их было двадцать) — но к такому оказалась не готова. Здесь хранились сотни книг; она даже не представляла, что на свете их существует так много, всех цветов и размеров. Это было больше, чем сбывшейся мечтой — это было видением рая.

За время ужина стемнело, и в Библиотеке вдоль стен через равные промежутки горели светильники. Тэлия заглянула в ближайшую кабину и увидела, что на столе лежат свечи, а сбоку к нему прикреплен подсвечник.

Заслышав шаги, приближающиеся из дальнего конца библиотеки, Тэлия обернулась посмотреть, кто это может быть, надеясь увидеть кого-то знакомого.

— Привет! — сказал веселый тенор. — Ты здесь новенькая, верно? Меня зовут Крис.

Молодой человек, вступивший в отбрасываемый светильником круг света, был одет в Белое и невероятно красив — настолько же, насколько встреченный Тэлией за городом Герольд неказист.

Черты юного лица были столь совершенны, что казались ненастоящими, каждый волосок цвета воронова крыла лежал точно на своем месте, а небесно-голубые глаза могли бы вызвать зависть у любой придворной красавицы. Тэлия незамедлительно почувствовала себя неуклюжей и нескладной, как молодая телушка, — и к тому же изрядно испугалась. Опыт общения со старшим сводным братом Юстасом научил ее, что под красотой может скрываться злая душа. Только соображение, что этот молодой человек — Герольд, а такой вещи, как злой Герольд, попросту не существует, удержало ее от немедленного бегства.

— Да, — ответила она тихо, слегка покраснев и уставясь на носки своих башмаков. — Меня зовут Тэлия.

— Ты уже бывала здесь, наверну?

Тэлия покачала головой, начиная немного успокаиваться.

— Ну, — сказал Крис, — Правила очень простые. Ты можешь читать все, что угодно, но из Библиотеки книги выносить нельзя, а когда закончишь, нужно поставить книгу точно на то же место, откуда ты ее взяла. Очень просто, не правда ли?

По снисходительному тону, которым он говорил, Тэлия поняла, что Крис смотрит на нее чуть-чуть свысока. И все же он казался довольно дружелюбным, и ничто в его поведении не указывало на злобный нрав. Его покровительственность рассердила девочку, и она решила, что, пожалуй, может, не рискуя ничем, немножко дать сдачи.

— Д-да, — сказала она тихо, — Так же легко, как нафаршировать цыпленка.

— Ой! — расхохотался он, хлопнув себя по лбу. — Я ужален! Неужели нет никого, кто не слышал бы об этой истории? Поделом мне — не следовало говорить с тобой свысока. Ну, желаю приятно провести время, Тэлия. Тебе здесь понравится, я уверен.

Он улыбнулся на прощание, повернулся и вышел через дверь, через которую она только что вошла, Тэлия слышала, как его шаги удаляются вниз по лестнице.

Она бродила в этой чаще книжных шкафов, потеряв всякое представление о времени, слишком пораженная самым их количеством, чтобы хотя бы начать выбирать. Однако постепенно Тэлия стала замечать, что книги расставлены по категориям, а внутри каждой из категорий — по названиям. Сделав это открытие, она начала уже более осмысленно разглядывать стеллажи, пытаясь определить, какие группы книг и где находятся, и замечая расположение отдельных книг, названия которых казались интересными. К тому времени, когда в ее голове составила ясная картина, Тэлия обнаружила, что зевает.

Она добралась до своей комнаты, отыскала одну из новых ночных рубашек и отправилась в умывальную. В Твердыне имелись сравнительно новые внутренние уборные, так что когда Шерил показывала ей здешние, Тэлию они не удивили. Однако дома, в Усадьбе, всю горячую воду для мытья приходилось носить в котлах с кухни.

Здесь же, в Коллегии, для нагревания воды использовались несколько медных сосудов, топившихся древесным углем. Каждый был размером по меньшей мере с одну из бадей, от дна отходили трубки, чтобы наливать в тазы горячую воду, а сверху имелся насос для накачивания холодной. Это устройство положительно околдовало Тэлию; поскольку она не была ни маленькой, ни взрослой, дома ей редко удавалось помыться в действительно горячей воде. Самых маленьких всегда купали первыми, а взрослые ждали, когда все котлы с водой наполнят и нагреют по второму разу. Тем, кто был слишком велик, чтобы его купали, но слишком мал, чтобы засиживаться допоздна и мыться вместе со взрослыми, приходилось довольствоваться тем, что оставалось после купания малышей — то есть, как правило, скудным количеством не слишком теплой воды.

В умывальной уже находилось несколько девочек и девушек, и все бадьи были заняты. После того, как ее поприветствовали словами «Ты, должно быть, та новенькая», а она робко назвалась, Тэлия заняла очередь к насосу.

— Я рада, что ты оказалась девочкой, — сказала одна студентка, примерно ее ровесница, яростно накачивая воду. — Мальчишек и так слишком много. Все остальные новенькие, как назло, мальчишки! Вот почему наша сторона меньше.

— Ну, моя сестра учится в Целительской, и там все наоборот, — сообщил голос из облака пара.

— Кроме того, важно не количество, а качество, — голос второй купальщицы наполовину заглушался энергичным плеском. — А совершенно очевидно, что качество — на нашей стороне.

Остальные захихикали, а Тэлия неуверенно улыбнулась.

— Шерил сказала, что нас пятьдесят три человека, — заметила она через секунду, упиваясь сознанием того, что она — одна из этих пятидесяти трех. — Сколько кого?

— Тридцать пять жеребчиков и восемнадцать кобылок, — ответила девочка у насоса. — И я говорю о человеческих жеребятках, а не о Спутниках. Пока не приехали эти четверо новеньких мальчишек, все было не так плохо, но теперь их стало почти вдвое больше, чем нас.

— Джери, эти слова выдают твою юность, — сказала, вылезая из ближайшей к Тэлии бадьи, молодая женщина, — Может быть, ты еще слишком мала, чтобы оценить преимущества подобного соотношения, но вот Нерисса и я — нет. В той части королевства, откуда я родом, женщин немного больше, чем мужчин, и мне куда больше нравится обратное соотношение. Я с гораздо большей охотой буду той, за кем ухаживают, а не той, которая ухаживает. Я все, кто следующий?

— А там, откуда ты родом, Тэлия, тоже так? — Спросила Джери, забираясь в освободившуюся бадью и с любопытством глядя на новенькую ученицу.

— Думаю... думаю, наверно, да, — ответила та, на мгновение забывая о своей робости и пытаясь мысленно прикинуть соотношение полов в тех Усадьбах, которые знала. — Я из крепковеров.

— Где это? — поинтересовалась молодая женщина по имени Нерисса, заматывая полотенцем мокрые волосы.

— На востоке... в приграничье, — ответила Тэлия, все еще продолжая мысленные подсчеты. — Я знаю, что за пределами самих Усадеб довольно опасно. Каждый год мужчин погибает больше, чем женщин: вокруг много диких зверей, а каждую зиму случаются набеги. Думаю, женщин примерно в два раза больше, чем мужчин, по крайней мере на дальних Усадьбах.

— О, Гавани! Вы, должно быть, по колено в старых девах.

— О нет — если ты не отправляешься служить Богине, ты должна выйти замуж. У моего отца было одиннадцать жен, и девять из них еще живы.

— Можешь занять мою бадью, Тэлия, — сказала Нерисса, выныривая из облака пара. — А почему

женщины должны выходить замуж?

— Н-но женщина не может владеть Усадьбой, заседать в Совете и... вообще ничего важного. Это было бы неприлично, — в изумлении ответила Тэлия.

— Вот как! Наверно, поэтому женщин-Герольдов никогда не посылают в земли у восточной границы. Их бы никто не стал слушать. Тэлия, здесь все совсем иначе. Тебе ко многому придется привыкать, и очень долгое время все будет казаться странным. Мы судим о человеке по тому, что он из себя представляет, а не к какому полу принадлежит, — сообщила Нерисса. — А такой вещи, как «прилично» и «неприлично», не существует. Есть только дело, которое тебе поручено и которое надо выполнить.

Тэлия, забравшись в бадью, задумчиво кивнула.

— Т-трудно думать так. Это п-просто кажется неестественным. Д-д-думаю, мне это нравится. Хотя большинство Жен моего Отца это бы возмутило. Келдар-то наверняка, а Изрел чувствовала бы себя несчастной, если некому было бы отдавать ей приказы.

— Несса, ребенку не нужна лекция посреди ночи! — крикнула от дверей первая женщина. — Честное слово, когда ты наденешь Белое, тебя должны сделать учителем, я в жизни не слышала, чтобы кто-то произносил так много речей! Пошли, не то ты останешься здесь на всю ночь!

— Ладно, ладно! — откликнулась Нерисса, посмеиваясь. — Приятных снов, малышка.

Тэлия домылась и отыскала свою комнату, чувствуя себя вымотанной до бесчувствия. Забираться в постель, в которой нет никого, кроме тебя самой, было очень непривычно. Мысли бежали по кругу; все ее приключения казались чем-то нереальным. Меньше чем за две недели Тэлия превратилась из презируемого изгоя Усадьбы Твердыня в Герольда-в-обучении; это казалось невероятным. Она вновь и вновь возвращалась к ошеломляющему моменту, когда узнала, что в действительности означало все случившееся с ней, держа его в памяти удивленно и бережно, как держат на ладони новорожденного котенка, пока наконец сон не начал брать верх.

Однако, уплывая в сон, Тэлия успела подумать о словах Нериссы — и внезапно пришла к решению — ей здесь нравится.

Теперь только бы все это оказалось хотя бы наполовину так чудесно, как выглядело на первый взгляд — и только бы ей позволили найти здесь свой дом.

Глава пятая

Тэлия проснулась от того, что в стену комнаты легонько постучали. Натянув еще непривычную форму, она отворила дверь.

— Пора, соня! — весело сказала Шерил. Наставница Тэлии выглядела прямо-таки чересчур бодрой и проснувшейся для раннего рассветного часа. — Будильный колокол уже сто лет как прозвонил, ты разве не слышала? Если не поторопимся, ничего не останется, кроме холодной овсянки. — И, не глядя, идет за ней Тэлия или нет, она повернулась и направилась ко входу в трапезную.

Войдя в двустворчатые двери, Тэлия обнаружила, что Шерил преувеличила «опасность». Еды еще оставалась уйма — причем Тэлию, не рассчитывавшую получить на завтрак ничего, кроме вышеупомянутой овсянки, хлеба и молока, ну и, может быть, горстки малины, здешнее изобилие просто ошеломило. И множество студентов ввалилось уже после них, протирая заспанные глаза и обмениваясь веселыми жалобами типа «спать охота — сил нет!»

После завтрака, несколько менее оживленного, нежели ужин, поскольку проходил он под аккомпанемент не столько разговоров, сколько зевков, Шерил повела Тэлию на первый этаж, к расположенной в конце коридора двери. Тэлия припомнила объяснения декана: кажется, эта дверь вела на внутренний двор, за которым располагались конюшни. Они с Шерил пересекли широкое пространство мощеного двора между двумя зданиями; солнце светило в спину, и на мокрые от утренней росы булыжники под ногами ложились длинные тени.

Тэлия чуть замешкалась, с тоской оглядываясь на конюшню в надежде увидеть Ролана.

— Тэлия, давай-ка догоняй! — окликнула ее Шерил через плечо, щурясь на солнце. — Ты что, разве не хочешь повидаться сегодня утром со своим Спутником?

Тэлия, изумленная, кинулась ее догонять.

— А разве Спутники не в конюшне? — спросила она, запыхавшись от бега.

— В конюшне? С обычными лошадьми? Светлые Гавани, да они бы от нас отrekliсь! У Спутников есть собственный участок — мы зовем его Спутниковым Полем — и специальная постройка, что-то вроде навеса, чтобы они могли приходить и уходить, когда вздумается. В такое прекрасное утро, как сегодня, они, вероятно, все снаружи, на Поле.

Они подошли к высокой деревянной изгороди, окружающей похожий на парк участок, поросший деревьями, и Тэлия подумала, что это, должно быть, и есть тот кусок зелени, который она заметила с холма, когда впервые увидела столицу. Шерил вскарабкалась на забор с ловкостью, которая сделала бы честь любому из братьев Тэлии, сунула пальцы в рот и пронзительно, по-мальчишески свистнула. Кое-как взобравшись на изгородь и усевшись рядом со своей новой подругой, Тэлия посмотрела вдаль и увидела под деревьями крошечные белые фигурки. Две из них отделились от остальных и рысью двинулись к девушкам.

— Я совсем плохо умею мысленно звать — разве что когда испугана до смерти, — немного пристыжено сказала Шерил. — Ильза говорит, что я заблокирована... Поэтому мне приходится свистеть, чтобы позвать Легконогую. Но она, похоже, нисколько не возражает.

Тэлия без труда узнала в одном из приближающихся Спутников Ролана, и так обрадовалась тому, что снова видит его, что даже не задумалась над тем, что подразумевала Шерил под «мысленным зовом» и «блокированием». Девочка с восторженным криком прыгнула с забора и, бросившись навстречу Ролану, несколько блаженных минут ласкала его и шептала ему на ухо всякую счастливую чепуху. Залитый утренним солнцем Спутник выглядел даже более сказочно, чем помнилось Тэлии. Кто-то хорошо позаботился о нем прошлым вечером: Ролана вычистили так, что он, казалось, светился собственным светом. Его шкура и грива на ощупь были мягче, чем самая лучшая ткань, которую Тэлии когда-либо доводилось трогать, и он был прекрасен, словно один из Лунных коней, влекущих колесницу Владычицы. Спутник любовно — теперь Тэлия уже не сомневалась в этом — тыкался в ее плечо носом, тихонько пофыркивая, и ощущение полного счастья и душевного мира, которое она испытывала в его обществе тогда, в дороге, снова вернулось к девочке. Когда она была с Роланом, все ее страхи и сомнения куда-то

исчезали...

— Страшно не хочется этого говорить, но у нас действительно назначена встреча с Мастером Альберихом, — с сожалением сказала наконец Шерил. — Не расстраивайся. Тебе предстоит проводить много времени со своим Спутником — это часть твоей подготовки; сегодня после полудня ты увидишься с ним снова. Даже если не захочешь, придется, с сегодняшнего дня уход за ним и чистка — твоя обязанность. Спутники, конечно, невероятно милые создания, но рук у них нет; мы нужны им так же, как они нам. Так что ты вернешься к Ролану перед ужином... а нам в самом деле пора идти.

Ролан подтолкнул Тэлию в сторону забора, потом тряхнул челкой, словно увещевая. Девочка продолжала колебаться, и тогда Спутник как следует ткнул ее носом и фыркнул.

— Ну хорошо, — ответила Тэлия, — буду умницей и пойду. Но, занятия там или не занятия, а я вернусь!

Шерил повела ее к длинному низкому зданию сразу за конюшнями, внутри оно оказалось почти совершенно голым. На гладком, истертом множестве ног деревянном полу стояло несколько скамей, в стены были встроены шкафчики для одежды. Между шкафчиками виднелось несколько зеркал в полный рост. Помещение освещали окна, прорубленные высоко, почти под самым потолком. Шерил указала Тэлии на человека, которого представила как Альбериха, Мастера боевых искусств. В отличие от всех других инструкторов, Альберих не носил Белого; на нем были поношенные штаны и куртка из мягкой кожи темно-серого, словно зола, цвета, более темного, чем студенческое Серое — не то одежда, не то доспех.

— Я думала, все преподаватели — Герольды, — тихонько шепнула Тэлия своей провожатой.

— Все, кроме одного, но Альберих-то как раз Герольд; просто он сам себе устанавливает правила. Он носит Белое, только когда официально исполняет обязанности Герольда.

Когда Мастер боевых искусств повернулся к ним лицом, Тэлия перепугалась так, что почти лишилась дара речи. Альберих оказался высоким, поджарым и смуглым; суровое не улыбочивое лицо иссечено шрамами. В густой черной шевелюре мелькали широкие седые пряди, темно-серые, как агат, глаза смотрели пристально и пронизывающе. Пригвожденная к месту мрачным, взглядом инструктора, Тэлия решила, что теперь-то она знает, что чувствует мышь под взглядом ястреба.

— Итак, — промолвил Альберих наконец, — Сколько тебе лет? Тринадцать? Какая у тебя физическая подготовка, ребенок? Обращаться с оружием умеешь? Тактику знаешь? А?

Тэлия совершенно смешалась — она не могла понять, чего ему от нее надо. Физическая подготовка? А игры считаются? А праща, которой она отгоняла волков от овечьего стада — это оружие или нет?

Наконец Альберих сунул Тэлии деревянный учебный нож и встал перед ней, скрестив руки на груди, глядя по-прежнему свирепо, как ястреб на добычу.

— Ну, начинай. Нападай на меня...

Тэлия все еще не могла взять в толк, чего инструктор от нее хочет. Она стояла столбом, вытянув руки по швам, чувствуя себя нескладной и смешной.

— Что тебя держит? Я велел тебе нападать на меня! Или женщины твоего народа не сражаются? — спросил Альберих с сильным акцентом, устрещающе сдвинув брови. — Ты что, вообще не владеешь оружием?

— Я умею стрелять из лука, немного, — сказала Тэлия тихим, пристыженным голосом. — Один из братьев научил меня. Девочкам не положено, но я так просила... И, думаю, я умею обращаться с пращой.

Она безнадежно подумала, что опять села в лужу. Похоже, все, чему она в жизни училась, здесь было ни к чему — кроме, разве что, хозяйственных навыков. А Тэлия ни разу не читала книги, где восхвалялась бы сноровка Герольда в чистке овощей!

Съежившись от страха, Тэлия ждала, когда Альберих с отвращением отправит ее обратно, в здание Коллегии. Но он не сделал ничего подобного.

— По крайней мере тебе хватает ума не притворяться, что умеешь то, чего на самом деле не умеешь, — заметил он задумчиво. — Думаю, учить тебя владеть мечом слишком поздно. К счастью, меч

тебе вряд ли понадобится. Лук, в обязательном порядке, нож и рукопашный бой. Этого для тебя хватит. Возвращайся через час после полуденной трапезы. — И, смерив Тэлию еще одним долгим, задумчивым взглядом, отпустил.

Тэлию была крайне обескуражена и подавлена этой беседой, как ни пыталась она скрыть свои чувства, Шерил удалось это заметить.

— Не расстраивайся, — сказала она, и Тэлия ясно расслышала в ее голосе ободряющую нотку, — На самом деле ты очень легко отделалась. Когда Альберих впервые увидел меня, он вскинул руки и зарычал «Безнадежна! Безнадежна! В бою пускай бросается сетями и дохлой рыбой!» По крайней мере, он счел, что с тобой стоит работать. Меня он на несколько месяцев поручил одному из своих подручных!

— Но... п-п-почему он сказал про р-рыбу? — Ох уж это ненавистное заикание! Как бы Тэлия ни старалась казаться уверенной, оно всегда выдает ее с головой.

— Потому что полжизни я провела на карбасе, а другую половину — в жуткой тесноте; а уж что тебе точно не придет в голову, когда находишься на скользкой палубе или же когда у тебя под ногами кишмя кишат младенцы — это бегать! Мне пришлось специально учиться тому, что ты умела всегда: свободно двигаться.

— Н-н-не похоже, чтобы он п-подумал, будто я чего-то стою.

— Альберих на тебя не наорал — это само по себе чудо. И убираться обратно домой и нянчить детей он тебе тоже не велел. Думаю, может, ты немного подкупила его тем, что честно созналась, как мало умеешь: огромное множество студентов пытаются притвориться более крутыми, чем они есть, и Альберих обычно не жалеет сил, чтобы наказать их, выставив на посмешище на глазах у всех.

К этому моменту они снова подошли к зданию Коллегии. Шерил, войдя, придержала для Тэлии дверь и остановилась перед первым классом направо.

— Вот тут находятся остальные новенькие. Ну, пока, встретимся перед обедом. — С этими словами Шерил пересекла холл и исчезла, оставив Тэлию одну перед лицом нового испытания.

Тэлия приоткрыла дверь и попыталась потихоньку проскользнуть внутрь, но, когда поняла, что все повернулись и смотрят на нее, ей больше всего захотелось лечь на живот и ползти по-пластунски. В комнате находилось, похоже, не меньше дюжины людей. Ни одной девочки, кроме нее, не было. Мальчики в основном казались ее ровесниками, и, хоть Тэлия и почувствовала себя неловко в их присутствии, тревоги у нее не вызвали; однако тот, кто стоял перед классом, оказался одним из внушающих страх, облеченных высшей властью существ — иначе говоря, взрослым мужчиной. При виде его Тэлия мгновенно насторожилась. Ей пришлось все время повторять себе, что перед ней Герольд, а ни один Герольд никогда никому, кроме врагов королевы и королевства, не причинит вреда.

— Добро пожаловать, детка, — сказал Герольд, небрежно присаживаясь на край стола. — Мальчики, это ваша пятая однокашница, ее зовут Тэлия. Тэлия, тот рыжий малый — это Даван, вон тот верзила — Гриффон, близнецы — Дрейк и Эдрик... и я их еще не различаю. — Он подмигнул им, и мальчики-двойняшки ухмыльнулись в ответ, очевидно чувствуя себя в обществе инструктора совершенно непринужденно. — Может, стоит попросить Альбериха поставить одному из вас фингал под глаз — тогда, по крайней мере, я бы знал, кто из вас кто... Конечно, пока синяк не сойдет.

Тэлия смущенно юркнула на свободное место и повнимательнее присмотрелась к учителю. Подобно Альбериху, Терен был поджар, но его русые волосы еще только начинали седеть, и в отличие от учителя боевых искусств в его лице и поведении не наблюдалось ничего ястребиного. Тэлии он скорее показался похож на охотничьего пса — он так и излучал рвение, добродушие и энергию. Глаза тоже были карие, как у собаки, и такие же дружелюбные. И в нем чувствовалось нечто, что снова напомнило Тэлии Андреана: ей захотелось довериться Терену — что-то внутри побуждало ее к этому. Она сама себе удивлялась.

— Ну, теперь, когда ты здесь, думаю, можно начинать. Во-первых, позвольте вам объяснить, для чего нужен курс ориентировки. Моя задача в том, чтобы помочь вам понять, что на самом деле означает быть Герольдом: не героические деяния, не распутство... — он заломил брови домиком, и близнецы захихикали, — а то, в чем действительно состоит наша работа. Даван, возможно, единственный из вас, кто

знает — или думает, что знает — что это такое: быть Герольдом. Дело в том, что его родители сами оба Герольды. Поэтому я начну с того, что задам Давану вопрос, который собираюсь задать всем вам: Даван, чем именно занимаются Герольды?

Даван наморщил лоб, размышляя.

— Они отправляют королевское правосудие, — наконец ответил он.

— Ну что же, неплохой ответ, но как они это делают?

— Ну, они совершают объезды тех областей, на которые назначены, посещая все города и селения, они сообщают людям о новых законах королевства и рассказывают об указах Совета и королевы. Они следят за тем, чтобы люди понимали законы, и выступают в качестве судей, а иногда и законодателей, когда обнаруживается что-то, что не предусмотрено ни в законах королевства, ни местных обычаях.

— Светлые Гавани! Ты хочешь сказать, что этим беднягам, местным жителям, приходится ждать по году, а то и больше, чтобы разобраться с какой-то тяжбой? — спросил Терен в шутливом ужасе.

— Нет-нет! Есть и обычные судьи.

— Тогда почему бы не использовать их? Даван, похоже, не смог найти хорошего ответа, но один из близнецов уже тянул руку.

— Герольд Терен?

— Валяй, кто бы ты ни был.

— Дрейк. Наша деревня была слишком мала, чтобы иметь судью.

— Хорошая причина. Но есть и другая: иногда случается так, что среди местных жителей — а судья ведь тоже местный — слишком разгораются страсти, чтобы дело могло получить справедливое решение. Вот вам и причина. Что, Даван, нашел еще одну?

— Герольды умеют накладывать Заклятье Правды, а у обычных судей нет возможности узнать, кто из свидетелей говорит правду, а кто лжет.

— Молодец! Но помните: Заклятье Правды срабатывает только в том случае, если кто-то из замешанных в деле знает, что произошло в действительности. Хорошо, итак, Герольды — судьи и законодатели. Что еще, Дрейк?

— Они докладывают о том, что видели во время объезда своих округов, королеве и Совету.

— А зачем это нужно?

— Чтобы королева знала истинное положение дел в королевстве. Градоначальники и старосты не всегда говорят всю правду в отчетах Земельной Описи. Герольды знают, что было сказано в отчете и как искать то, что идет с ним вразрез.

— Совершенно верно. Эдрик, твоя очередь.

— Герольды служат посланниками в другие королевства. Там они смотрят и видят, нет ли там чего-то не правильного, о чем нужно узнать королеве, ну, например, войска, которое чересчур велико для страны, которой вроде положено быть мирной. А поскольку Герольдов нельзя подкупить, королева всегда может доверять тому, что они скажут.

— Правильно, — сказал Герольд Терен, — И еще: подготовка, которую получает Герольд здесь, в Коллегии, позволяет ему замечать мелочи, которые от другого могли бы ускользнуть — мелочи, которые говорят ему, что, возможно, на деле происходит нечто большее, чем ему сказали. Гриффон?

— Герольды — гонцы королевы. Более быстрого и безопасного способа провезти послание через королевство нет, потому что Спутники быстрее и выносливее, чем любая лошадь на свете. Поэтому Герольдов и называют «стрелами королевы». А при необходимости они становятся и военачальниками, командуют ополчением, пока не подоспеет регулярная армия. Это еще одна причина, почему их так называют.

— Очень хорошо. Тэлия, твоя очередь.

Пока остальные отвечали, Тэлия напряженно думала.

— Они... заботятся о безопасности королевства, — сказала она негромко. — Иногда Герольды бывают теми, кого тут уже упомянули, иногда еще кем-то — соглядатаями, разведчиками, даже ворами... они делают все необходимое, чтобы королева знала все, что ей нужно знать для того, чтобы защитить нас всех. Ради этого — ради безопасности государства и королевы — они рискуют всем.

— И именно поэтому, — медленно произнес Терен, по очереди встречаясь глазами с каждым из ребят, — около половины из нас не доживает до преклонного возраста. Работа Герольда важна — королева как-то сказала, что мы «клей, на котором держится все королевство» — и порой бывает захватывающе интересной. Большинство населения королевства очень нас почитает; однако ремесло Герольда может оказаться и гибельным для человека. Оставим на минутку сказания о героях, ребята, песни мало помогают, когда ты остаешься совсем один и смотришь в лицо смерти. А одиночество — это еще одна сторона ремесла Герольда. Нас слишком мало, и мы размазаны по стране слишком тонким слоем — словно масло по куску хлеба на столе бедняка. Это приводит к тому, что Герольд неизбежно оказывается в первом ряду во многих опасных переделках.

Глаза Терена на мгновение затуманились. — Опасность прямо пропорциональна важности порученной тебе работы и твоей способности довести ее до конца. Печальный факт; но с другой стороны, вполне естественно, что чем ты лучший Герольд, тем больше вероятность, что королева будет возлагать на тебя рискованные поручения. Уверен, на каждого из вас по временам нападал приступ лени и вы старались отлынить от какой-то работы. Так вот, к тому моменту, когда вы заслужите Белое, вы будете совершенно не в состоянии выложиться не до конца, выполняя поставленную перед вами задачу, в чем бы она ни состояла. А когда стоишь в первом ряду... что ж, наша белая форма — отличная мишень. Я говорю вам все это сейчас, потому что это — ваша последняя возможность покинуть Коллегию. Никто не станет думать о вас плохо, если вы так поступите. Ну? Кто-нибудь хочет уйти?

Тэлия кашлянула.

— Да, Тэлия?

— Я так и не дочитала рассказ о Герольде Ваниэле, господин учитель. В рассказе говорилось, что вначале он чуть вообще не отказался стать Герольдом, потому что боялся... но потом Ваниэль решил, что так или иначе это его долг, что работу нужно выполнить, и он именно тот, кто избран для этого. Я остановилась как раз на том месте, когда его окружили Слуги Тьмы, как в том видении, что было у него много лет назад. Можно узнать, что с ним случилось?

— Он погиб. Слуги Тьмы изрубили его на куски прежде, чем подроспела помощь... и все же Ваниэль задержал их, и этого времени хватило, чтобы король смог вовремя собрать войско и отразить нашествие. Но Ваниэля убили, и рядом с ним не было ни одного друга, и все песни мира не могут этого изменить. А теперь я хочу, чтобы вы немного задумались над этим — по-настоящему серьезно задумались. Вас не пугает такая возможность? От любого из вас может потребоваться заплатить цену, которую заплатил Ваниэль. Королева поплачет над тем, что ей пришлось послать вас, — но она вас пошлет, и никакая жалость ее не остановит. Не хотите уйти?

— Нет, господин учитель. — Голос Тэлии был очень тих, на лице горели огромные глаза.

— Разве эта мысль тебя не пугает?

— Пугает, господин учитель, — ответила она негромко, кусая губу. — Только какой-нибудь полный дурачок бы не... — Она замолчала, подбирая слова.

Гриффон нашел их первым.

— Мы все слышали рассказы, сэр, — и те, у которых плохой, гадкий конец, и те, что кончаются восхвалениями победителя и всеобщими празднованиями. И я приехал сюда сразу после похорон Таламира; думаете, мы не слышали разговоров об отраве? Мой родной брат сразу сказал, что я, должно быть, сумасшедший, раз хочу стать Герольдом. Когда мы слышим страшные истории, мы пугаемся так, что будьте здоровы! И все-таки служба Герольда — это то, что мы должны делать, так же, как Ваниэль. Может, человека и нельзя сделать Герольдом; может, им можно только родиться, а вся подготовка, которую вы

нам даете, только помогает нам проще и лучше сделать то, что мы в любом случае должны сделать. Во что бы то ни стало. Герольды, мне кажется, в чем-то все равно что пьяницы или что-то вроде. Выбора и у тех, и у других нету: тянет, и все тут, хоть тресни. А остановиться и не можешь, и не хочешь. — Гриффон плюхнулся на место, только тут осознав, что произнес свою речь стоя.

Напряженные складки на лице Герольда Терена разгладились.

— Я так понимаю, вы все согласны с Гриффоном?

Посерьезневшие ребята молча кивнули.

— Тогда я скажу только, что Спутники, по-видимому, снова, как всегда, Избрали правильно. Гриффон, ты обладаешь недюжинным красноречием. Думаю, тебе следует серьезно подумать о занятиях логикой и риторикой — ты можешь оказаться очень полезен как дипломат.

Гриффон зарделся и уставился на свои руки, что-то невнятно протестуяще бормоча.

— А теперь, раз уж мы косвенно затронули эту тему... вы все знаете, что новых Герольдов выбирают Спутники, но знает ли кто-нибудь из вас, как они это делают?

Ребята молча, озадаченно переглянулись. Терен усмехнулся.

— Я тоже не знаю. И никто не знает. Несколько человек — наиболее чувствительных к связи, которая образуется между Герольдом и его Спутником — описывали эту первую встречу как «чувство, как будто тебя измеряют». Но что измеряют Спутники, не знает никто. Все, что нам известно, это что после того, как Спутник делает выбор, между ним и его Герольдом возникает мысленная связь, которая похожа, но не идентична мысленной связи, существующей между близнецами, — Он обменялся ухмылкой с Дрейком и Эдриком. — Позднее вы узнаете больше об этой связи и о том, как ее использовать. А пока с вас довольно знать, что она существует — так что, если вы почувствуете нечто этакое, необычное между собой и своим Спутником, знайте, что это вам не мерещится и вы не сходите с ума. Когда вы станете постарше, вы, возможно, разовьете в себе один из Даров — тех, что посторонние называют «Магией Герольдов». Позже вы узнаете побольше и об этом тоже, но имейте в виду, если вам показалось, что ваш Спутник говорил с вами, когда Избирал вас, то вы не ошиблись. Говорил. И пусть даже вы никогда не будете обладать более чем крохой Дара, в момент Избрания Спутник всегда говорит с вами в вашем сердце — даже если этот раз оказывается единственным. Вам это не приснилось. А если у вас проявится нужный Дар, когда-нибудь вы научитесь и отвечать своему Спутнику.

Тэлия бессознательно издала вздох облегчения, даже не заметив, что и все остальные, за исключением Давана, сделали то же самое.

— И еще одна вещь, которую вы должны знать о Спутниках, — продолжал Терен. — Никогда, ни на миг не сомневайтесь в том, что они не животные, а нечто значительно большее. Любая сказка, которую вы слышали, и отдаленно не показывает всего, чем они являются на самом деле. Ну, чтобы поподробнее разобраться в этом, знает ли кто-нибудь из вас, откуда взялись Спутники?

Даван кивнул.

— Мои родители рассказывали мне, сэр.

— Тогда, будь добр, расскажи остальным.

— Это случилось в те времена, когда королевства Вальдемар еще не существовало, — начал Даван. Тэлия слушала его с напряженным вниманием, поскольку рассказ был ей совершенно неизвестен. — В одной стране, где правил дурной король, на востоке, дальше, чем все наши соседи, жил-был один хороший человек. Звали его барон Вальдемар; он жил на западной границе своего королевства. Тамошний король был из тех, что хапают все, что захотят, и не обращают никакого внимания на то, что страдают их земли и народ, да и большинство его вельмож поступало так же. Какое-то время барону Вальдемару удавалось по крайней мере защищать своих людей от короля; это потому, что он был не только бароном, но и волшебником, а его жена — чародейкой. Вальдемар пользовался древней магией, той, что потом исчезла, а не магией Герольдов. Но наконец настал день, когда короля уже ничем нельзя было обуздать, кроме открытого мятежа. Однако барон Вальдемар знал, что мятеж — тоже не выход: он не смог бы очень долго выстоять против силищи, которую мог наслать на него король. Многие его соседи с удовольствием помогли

бы королю уничтожить Вальдемара, чтобы потом получить часть его земель и добра. Поэтому барон Вальдемар сделал единственное, что ему оставалось: бежал на запад, взяв с собой своих людей, которые пожелали следовать за ним, всех до единого. Они шли и шли до тех пор, пока он не убедился, что никто их не преследует, а потом, на том самом месте, где мы сейчас сидим, остановились. И здесь он основал целое новое королевство, а те, кто пришел с ним, сделали Вальдемара королем. — Даван на мгновение запнулся. — Там еще много говорилось обо всяких трудностях, через которые они прошли, но эту часть я не очень хорошо помню.

— У тебя отлично получается, Даван. Подробности вы все узнаете на уроках истории; ты просто рассказывай то, что помнишь.

— Ну, в конце концов они построили этот город; к тому времени, как король Вальдемар состарился, они уже зажили очень хорошо. Как раз тогда он впервые заметил, каким старым стал, и задумался о будущем. Раньше у него не хватало времени на то, чтобы об этом подумать, потому что очень много нужно было делать, ну, вы сами понимаете. Так или иначе, он подумал вот что: «Я знаю, что я хороший правитель и хороший человек; я вполне уверен, что и мой сын будет таким же, но как насчет детей моего сына и их детей? Как сделать так, чтобы всякий, кто займет трон этой страны, был хорош для людей, этот трон поддерживающих?»

— Хороший вопрос. И что же он сделал?

— Ну, он подождал до дня летнего равноденствия, пошел в рощу, которая стоит в середине того, что мы сейчас называем Спутниковым Полем, и попросил всех богов, о которых когда-либо слышал, помочь ему. А мама мне рассказывала, что в том варианте, который читала она, говорилось, что он еще и произнес особое заклинание, потому что — помните? — он был магом — настоящим магом, а не просто Одаренным. Она говорит, что когда-то там, откуда Вальдемар был родом, жило много настоящих магов, и здесь тоже много, но Ваниэль стал последним Герольдом-магом.

— Так гласит предание, продолжай.

— Ну, он начал на рассвете, и только на закате получил ответ. Все засветилось, как бывает, когда от снега отражается очень яркое солнце, и Вальдемар услышал топот — топот копыт, который звучал совсем как звон колокольчиков. А когда свет померк, перед ним стояли три коня: три коня с шерстью, похожей на лунный свет, и глазами, словно осколки неба. Старый Вальдемар никогда в жизни не видел ничего подобного. А когда он подошел к ним поближе, один из них поглядел ему прямо в глаза... ну, вот и все. Ардата мысленно сказала ему свое имя и связала их крепкими узами.

— И так первый Спутник нашел своего Избранника.

— Тут как раз пришел его искать главный Герольд — а Герольд тогда был просто чем-то вроде глашатая короля и не делал и десятой части того, что делают Герольды сейчас. Вторым Спутником — Кайрит — Избрал его. Сын короля, наследник престола, тоже пришел с Герольдом, и Стеладар Избрал его. Когда они все смогли собраться с мыслями, король решил, что надо сделать так, чтобы звание Герольда означало больше, чем прежде, потому что королем или наследником может быть только один человек, а Герольдов может быть много.

— И король Вальдемар, принц Рестил и Герольд Бельтран начали работу по превращению Герольдов в то, чем они являются сейчас, начав с указа о том, что наследник престола обязан также быть Герольдом. Работа оказалась нелегкой, и на нее ушел труд всей жизни нескольких королей и королев, но начали ее эти трое. К тому времени, когда умер Вальдемар, в королевстве был двадцать один Герольд, включая его самого, его наследника и второго сына наследника. У тебя хорошая память, Даван, спасибо, — закончил Терен.

— А откуда появлялись все эти Спутники? — поинтересовался Эдрик.

— Поначалу они все появлялись из Роши, из середины того, что мы сейчас зовем Спутниковым Полем, как и первые три; это все, что знали люди. Однако спустя некоторое время кобылы начали приносить жеребят, и сейчас все Спутники, за единственным исключением, рождаются прямо здесь, в Коллегии. Исключение — Спутник Личного Герольда Государя. — Взгляд Терена перескочил с Эдрика на Тэлию и обратно так быстро, что девочка даже засомневалась, действительно ли она видела неуловимое движение

его зрачков. — Этот Спутник появляется из Роши, точно так же, как те, первые. Спутник Личного Герольда Государя всегда жеребец, и он, по-видимому, вообще не стареет. Он всегда называет свое имя Избранному им Герольду, остальные — когда как. Иногда они позволяют своему Герольду дать им имя. Если Спутника Личного Герольда убивают — а это случалось много раз — из Роши появляется новый, чтобы занять его место. Если Личный Герольд Государя еще жив, Спутник Избирает именно его; если же нет, он задерживается ровно настолько, чтобы его могли оседлать и накрыть попоной, и отправляется на поиски преемника. Обычно он Избирает кого-то, кто уже является Герольдом или вот-вот получит Белое, но бывают и исключения.

— Таламир был Личным Герольдом Королевы, верно, сэр?

— Да, верно. Его Спутником был Ролан, — ответил Терен, кивнув головой.

— Но ведь это значит, что Тэлия теперь — Личный Герольд Королевы, так?

— Так. Это важная должность. Кто-нибудь из вас завидует Тэлии?

Дрейк неистово затряс головой.

— Ха! — сказал он, — Мы видели Отро... я хотел сказать, принцессу. Мне такой работы и даром не надо!

Остальные дружно закивали в знак согласия.

— Следите за своими языками, ребята, — сказал Терен с легкой улыбкой. — Мы можем называть Элспет Отродьем между собой — если уж на то пошло, королева сама ее так называет, — но смотрите, чтобы никто из придворных вас не подслушал. Некоторые с удовольствием воспользуются этим, чтобы устроить скандал. Вы правы: Тэлии предстоит нелегкая работа. И в этом ей потребуется наша помощь, помощь всех Герольдов, потому что при дворе есть люди, которым бы очень хотелось, чтобы она потерпела неудачу. Только Тэлия может выполнить свою работу — но мы, остальные, можем помочь ей, позаботившись о том, чтобы никто не усложнял ей работу еще больше. Договорились, господа?

Мальчики согласно кивнули; однако Тэлия заранее решила ни в коем случае не быть обузой Коллегии и ее обитателям. Кроме того, она все еще не могла до конца поверить в то, что чужие люди заслуживают доверия. Поэтому она молча дала себе зарок: во что бы то ни стало справиться своими силами.

В коридоре снаружи дважды ударил колокол.

— Кто из вас сегодня помогает повару? — спросил Терен.

Тэлия чуть приподняла руку.

— Всем вам на будущее: это — сигнал для помощников; для подавальщиков три удара, на начало трапезы — четыре. Брысь, ребенок. Милостивые государи, если вы оставили свои комнаты в беспорядке, вам лучше исправить положение: после обеда будет проверка. Увидимся здесь же завтра утром.

Терен посоветовал Тэлии спуститься по лестнице, на которую открывалась дверь, расположенная рядом с выходом во двор. Вместо комнаты Домоправительницы лестница привела Тэлию в огромную кухню, в которой царили гам и суета. К крайнему удивлению девочки, повар оказался лысеющим круглолицым мужчиной. Тэлия была настолько изумлена открытием, что кухней заведует мужчина, что забыла его испугаться, а непринужденное добродушие повара не дало ей никакого повода для тревоги.

Не обращая внимания на царящий вокруг содом и гоморру, повар расспросил Тэлию о том, что она умеет. С каждым ответом его улыбка становилась все шире.

— Наконец-то! — провозгласил он, сияя. — Наконец-то нашелся хоть кто-то, кто умеет не только лопать, но и стряпать!

Тэлия получила задание заняться овощами.

Чистя и нарезаая крепкие клубни, она с любопытством озиралась по сторонам. Помещение, похоже, не так уж отличалось от кухни в доме крепковеров, даже печи располагались так же. Впрочем, так Тэлии показалось только поначалу; потом она начала замечать мелочи — насосы, подающие воду в огромные раковины, еще один медный котел для нагревания воды, трубы, по которым из раковин отводились

помои. В том, как были расставлены горшки, сковороды и прочая кухонная утварь, а также в безукоризненной чистоте помещения чувствовалась аккуратность, доходящая до фанатизма — Келдар наверняка бы здесь понравилось. Тэлия удивилась, увидев, что все печи топят: особой жары в помещении не ощущалось. Должно быть, изоляция печей здесь была гораздо лучше, чем у них в Усадьбе. Или, возможно... — обдумав проблему, Тэлия пришла к предположению, что на самом деле печи выходят наружу, за стену. Быть может, этим объяснялось отсутствие жара.

Вскоре Тэлия поняла, что то, что на первый взгляд казалось хаосом, на деле было так же тщательно скоординировано, как полевые учения какого-нибудь опытного военачальника. Никому на кухне не позволялось стоять без дела дольше, чем секунду-другую, однако повар прекрасно представлял себе возможности и пределы выносливости своих подручных. Обычно они уставали в тот самый миг, когда заканчивали порученное дело, и повар одного за другим отсылал их передохнуть.

Они расселись рядом вдоль положенной на козлы доски, служившей столом. Потом, как раз тогда, когда натруженные руки ребят пришли в норму, а гудящие от усталости ноги вновь оказались в состоянии передвигаться, из буфетов начала появляться посуда, а с плит и из духовок — горшки, и Дежурные снова забегали, переноса наполненные блюда к подъемнику. Когда последняя посуда скрылась наверху, ребята обернулись и обнаружили, что их стол уже уставлен мисками и завален разнообразной снедью.

Тэлия примостилась на краешке скамьи и увидела, что оказалась рядом с Джери.

— Мне нравится эта работа, — сказала Джери, накладывая себе и Тэлии в миски тушеного мяса. — Мери всегда приберегает для нас самое лучшее.

Повар широко осклабился. Когда он улыбался, у него улыбалось все лицо, даже глаза.

— А как еще сделать так, чтобы вы работали, а не били баклуши? — осведомился он, передавая масло и горячий хлеб. — Кроме того, разве Книга Единого не говорит: «не препятствуй воле, что молотит твое зерно, за работой наполнить утробу свою»?

— Что это за «Книга Единого»? — шепнула Тэлия.

— Мери из Трехречья — тамошние люди считают, что бог только один, — ответила Джери. — Я знаю, это звучит странно, но с ними, должно быть, все в порядке, потому что Мери ужасно славный.

Тэлии вера повара показалась даже более чем странной, и она знала, что сказали бы на это Старейшины. И все же тепло и доброту, исходящие от этого человека, невозможно было не заметить: он оторвался от своих дел, чтобы убедить Тэлию не церемониться, когда ему показалось, что она стесняется навалиться на еду так же, как остальные. Слова, сказанные прошлой ночью Нериссой, начинали облекаться плотью.

Но прежде, чем Тэлия смогла отчетливо осознать этот факт, повар эффектным жестом фокусника вытащил из духовки горячий пирог с ягодами, и все мысли вылетели у нее из головы. Когда тебе всего тринадцать, отвлеченные идеи безнадежно проигрывают в занимательности по сравнению с ягодным пирогом.

Они как раз доедали остатки, когда явилась команда посудомойщиков, и повар живо вытурил предыдущую смену из кухни. Памятуя о том, что говорил Герольд Терен о проверке комнат, Тэлия поторопилась прибраться в своей, пока никто не увидел, в каком состоянии она ее оставила нынче утром. Потом девочка быстро переоделась в один из своих старых, поношенных нарядов и поспешила на тренировочную площадку, к учителю боевых искусств.

Солнце поднялось уже высоко; росшие вокруг площадки деревья отбрасывали благодатную тень. Сама «площадка» оказалась всего-навсего квадратом вытоптанной, пожухшей травы, вдоль двух сторон которого тянулись скамьи, а позади виднелся небольшой колодец. Сразу за деревьями шло открытое пространство, на одном конце которого виднелись мишени для стрельбы из лука, а на другом в специальных подставках стояли луки и стрелы. Пока Тэлия смотрела, двое из студентов перебрали по очереди несколько луков, пробуя их, пока не подыскали себе по вкусу; очевидно, собственного, личного оружия ни у кого не было. Тэлия неуверенно двинулась к самой тренировочной площадке, где как раз находился учитель боевых искусств; похоже, он поровну делил свое время между теми, кто упражнялся в

стрельбе, и теми, кто практиковался в рукопашном бое.

При одной мысли о новой встрече со страшным Альберихом Тэлию охватывал ужас, но в этот день ей было суждено узнать, что время, когда она служила жертвой жестоких выходок своего старшего брата Юстаса, в конечном счете пошло ей на пользу. В самом деле, Альберих выказал даже слабые признаки удовольствия, когда она продемонстрировала, что умеет падать не ушибаясь и стрелять из лука, не калеча ни предплечья, ни пальцев, ни оперения стрелы. Тэлия обнаружила, что в том, что касается сноровки в стрельбе из лука, она не намного уступает другим своим ровесникам-студентам, и это открытие вселило в нее чуточку уверенности в себе. Народу на площадке толклось гораздо больше, чем она ожидала, вперемешку с серой формой ее собственной Коллегии виднелись бледно-зеленые одежды студентов-Целителей и ржаво-коричневые — учеников-Бардов. Однако еще больше удивило Тэлию то, что она оказалась самой младшей среди тех, кто обучался бою с заточенным оружием. Большинство студентов ее возраста занималось фехтованием на дубинках или же дубасило чучела палками, которые лишь отдаленно напоминали учебные клинки.

Джери тоже оказалась здесь, Тэлия обрадовалась, увидев знакомое лицо, и, отстрелявшись по мишеням, уселась рядом с девушкой.

— А почему здесь совсем нет Синих? — спросила она с любопытством.

— Синих? — Джери весьма неженственно фыркнула. — Большинство из них имеет своих собственных частных учителей — по крайней мере, те, кто не собираются стать учеными или механиками. Ученым владение оружием ни к чему, а придворные не желают пачкаться, оказавшись в обществе нас, простых смертных. Кроме того, Альберих не станет с ними цацкаться, и им это известно. Будь ты король или нищий, если ты не правильно делаешь выпад, он огреет тебя так, что мало не покажется. О-ох, — простонала она, когда Альберих отпустил мальчика, с которым до сих пор работал, и кивнул на нее, — Похоже, сейчас огреют меня.

Джери вскочила на ноги и с учебным клинком в руке встала в стойку перед Альберихом. Тэлия с завистью наблюдала за ней: хотела бы она уметь двигаться так изящно!

— Не позволяй Джери водить тебя за нос, малютка, — хмыкнул мальчишка постарше, на взгляд Тэлии, ему было около шестнадцати. — Она таких же голубых кровей, как и королева. Если бы Джери не Избрали, она сейчас была бы графиней. Ей изрядно пригодились уроки одного из тех самых частных учителей, о которых она только что так пренебрежительно отзывалась, вот почему для своего возраста она так потрясающе фехтует.

— И вот почему Альберих жучит ее больше, чем любого из нас, — вступил в разговор другой — невысокий, худенький парнишка примерно одного возраста с Тэлией, узколицый, темноволосый, с лохматыми бровями, темными, почти черными глазами и проказливой улыбкой. Он только что закончил бой с другим студентом и плюхнулся рядом с Тэлией, вытирая полотенцем потное лицо. Он сморщился, как от боли, когда Альберих поправил стойку Джери, сильно ударив по провинившейся ноге клинком плашмя.

— Он не любит частных учителей? — отважилась спросить Тэлия. — Или ему не нравятся знатные?

— Искатели Звезд! Да нет же! — воскликнул второй мальчик. — Просто от нее он ждет большего, вот и обходится с ней жестче. Полагаю, он подумывает о том, чтобы сделать ее учителем боевых искусств вместо себя, когда уйдет в отставку, — если, конечно, она выживет после его обучения и стажировки!

— Поверь мне, при таком хорошем владении мечом, к тому времени, когда Джери получит Белое, единственным способом одолеть ее будет послать против нее армию, — ответил первый.

— Что ж, Корок, уж кто-кто, а ты в этом понимаешь, — признал второй, глядя, как тот выходит, чтобы сменить Джери. — Его отец — лорд-маршал, так что он с рождения видел лучших бойцов всего королевства, — объяснил он Тэлии.

Ее глаза расширились.

— Сын лорда-маршала?

Ее сотоварищ усмехнулся, вешая себе полотенце на шею.

— Тут совсем новый мир, верно? Справа сынок лорда-маршала, слева — графиня, а тут сидим мы, бывший вор и попрошайка... — он шутливо поклонился, — это, конечно, ваш покорный слуга, и.... а ты кто, кстати?

— Я из крепковеров.

— Значит, девчонка с хутора. Нелегко поверить, правда? Как одна из этих сумасшедших сказок, которые нам когда-то рассказывали. Ты Тэлия, верно?

Она кивнула, гадая, откуда ему это известно.

— Меня зовут Скиф — если ты была с деканом, когда заходил начальник городской стражи, ты, наверно, много чего обо мне наслушалась! Я знаю, это несправедливо — мы все знаем, кто ты, потому что ты — единственная девчонка, лицо которой нам еще незнакомо, а тебе надо запомнить пятьдесят два лица и имени! И мало того — все, что ты здесь видишь, вероятно, идет вразрез со всем, чему тебя учили дома, и у тебя по большей части в голове полная каша. — Он протянул руку так быстро, что Тэлия не успела отстраниться, и с сочувственной усмешкой взъерошил ей волосы. — Как мне все время твердили, когда я был здесь первый год, «и это пройдет». Мы все рады, что ты с нами, и самым пылким образом желаем тебе успеха с Королевским Отродьем. А теперь мой черед быть поколоченным Мастером Альберихом — если повезет, я заполучу набор синяков под стать тому, что он наставил мне в прошлый раз. Мужайся, — заключил он, поднимаясь, — ты — следующая за мной.

Несмотря на собственное утверждение, Скиф, похоже, мог неплохо постоять за себя даже в бою с учителем боевых искусств. Хотя Тэлия ничего не смыслила по части владения оружием, она видела, что Альберих учит Скифа в стиле, коренным образом отличающимся от стиля боя Джери и Корока. В отличие от легкой рапиры Джери и длинной шпаги Корока Скиф был вооружен коротким, тяжелым клинком. Его манера боя включала, по-видимому, не меньше акробатики, чем собственно фехтования, и состояла, как показалось Тэлии, скорее в уклонении от ударов противника, нежели в их парировании. Скиф скакал вокруг Альбериха с проворством белки, и тем не менее в конце концов учитель «убил» его.

Скиф «умер» театрально, сорвав аплодисменты разыгранным представлением; потом, ухмыляясь, поднялся и предъявил Альбериху его собственные перчатки, которые стащил из-за пояса учителя во время боя. Альберих принял их со вздохом, который без слов говорил, что Скиф проделывает этот трюк уже не в первый раз, потом повернулся и жестом велел Тэлии занять место Скифа. Охваченная трепетом, она вышла вперед.

— Ты внимательно следила за Скифом — спросил Альберих. — Хорошо. Это тот стиль, которому я хочу научить тебя. Красивого в нем мало, зато требуется много умения. Думаю, тебе полезнее уметь избежать кинжала спрятавшегося за ковром убийцы, чем победить дуэлянта на поле чести. Итак, начинаем.

Тэлию Альберих обучал гораздо терпеливее, чем она ожидала, насмотревшись на вспышки гнева инструктора по поводу некоторых ошибок учеников. Он не отпускал в ее адрес язвительных замечаний, которые обрушивал на головы других, не наносил ударов клинком плашмя, исправляя ее оплошности. Быть может, Тэлии это только мерещилось, но Альберих, казалось, обращался с ней даже с какой-то грубоватой симпатией; он явно гораздо внимательнее относился к ее душевному и физическому состоянию, чем делал обычно, занимаясь с учениками. В тот самый момент, когда Тэлия почувствовала, что больше не может, что ставшие ватными ноги вот-вот подломятся от изнеможения, Альберих коротко ей улыбнулся (зрелище, от которого Тэлия от удивления потеряла дар речи) и сказал:

— Достаточно. У тебя хорошо получается, лучше, чем я ожидал. Отдохни немного, потом, когда остынешь, ступай работать со своим Спутником.

Тэлия отдохнула как раз столько, чтобы немного остыть, но не потерять гибкости, и побежала к Спутникову Полю настолько же радостно, насколько неохотно шла упражняться с оружием.

Подбежав к забору, она увидела, что Ролан уже ждет ее, Тэлия вскарабкалась по шероховатым жердям, прямо с забора соскользнула на спину Спутника, не удосужившись его оседлать, и они во весь опор поскакали прочь, через поле. Скакать на Спутнике было невероятным, пьянящим ощущением; хотя Тэлия много раз заставляла кляч с их хутора подниматься в галоп — что вообще-то запрещалось — их тряский скок не шел ни в какое сравнение с быстротой и плавностью, с какими двигался Ролан.

Спутниково Поле представляло собой не просто поле — скорее, парк с деревьями и лощинами, пересеченный тут и там бегущими ручьями. Он был так велик, что, когда Тэлия с Роланом миновали большую его часть, люди, проходившие мимо ограды, обращенной в сторону Коллегии, стали казаться почти что букашками. В дальнем конце Поля Ролан развернулся и, не снижая скорости, поскакал обратно к изгороди. Тэлия пригнулась к его шее, чувствуя себя настолько единой со Спутником, что, казалось, это ее собственные ноги мелькают внизу, под ними. Она обеими руками вцепилась в хлещущую по лицу гриву и прошептала:

— Не останавливайся, миленький! Мы можем взять ее! Прыгай!

Она почувствовала, как Ролан подобрался под ней, когда прямо перед ними выросла изгородь... не раздумывая, перенесла вес вперед, облегчая жеребцу прыжок... и они взмыли в воздух; ограда мелькнула под подобранными копытами Спутника. Через мгновение все осталось позади: Ролан приземлился легко, как птица, и его копыта зазвенели о булыжник двора по другую сторону изгороди.

Отбрасывая упавшие на глаза волосы, Тэлия услышала, как кто-то от всего сердца рассмеялся.

— А я-то думала, мне понадобится стремянка, чтобы поднять тебя в седло! — сказал за ее спиной резкий голос. — Похоже, это ты могла бы меня кое-чему поучить, мой юный кентавр!

Не дожидаясь приказа Тэлии, Ролан развернулся к обладательнице голоса — высокой худощавой женщине неопределенного возраста, с ног до головы затянутой в белую кожаную форму Герольда. Тэлия обратила внимание на коротко подстриженные русые с проседью волосы и умные серые глаза незнакомки.

Женщина хмыкнула и направилась к ним. Потом, заложив руки за спину, обошла кругом, оглядывая со всех сторон.

— Сомнений нет, у тебя отличная посадка, юная Тэлия. Ты самородок. Ну что ж, ты показала мне, на что ты способна без седла, теперь давай посмотрим, что ты умеешь делать, сидя в седле, хорошо?

Герольд Керен (которая оказалась сестрой-близнецом Терена — что объясняло ухмылки, которыми он обменивался с двойняшками Дрейком и Эдриком) не скрывала удовольствия от того, что ей досталась столь способная ученица.

Уже спустя час она сказала Тэлии, что в самом скором времени рассчитывает научить ее всему, что умеет сама. То, что Керен вытворяла с лошадей, казалось невероятным; то, что она могла делать со своим Спутником, было попросту феноменальным.

— Еще прежде, чем ты получишь Белое, милочка, — сказала она Тэлии на прощание, — все, что ты можешь сделать, стоя на ногах, ты сможешь повторить, сидя верхом на своем Спутнике. Я буду тобой гордиться — я это нутром чувствую. Когда я закончу твоё обучение, стащить тебя со спины Ролана против твоей воли можно будет только в одном случае: если ты будешь мертва.

К своему немалому удивлению, Тэлия ощутила к Керен ту же инстинктивную приязнь, что и к ее брату-близнецу. Это обеспокоило ее; почти испугало. Чутье говорило Тэлии, что можно доверять этим людям — но все, чему она научилась в жизни, утверждало необходимость держать дистанцию, пока она на самом деле не будет в них уверена. В конце концов, ее сотню раз обижали и предавали ее собственные кровные родичи. Как она может ожидать лучшего отношения со стороны совершенно чужих людей? И все же, все же что-то глубоко внутри продолжало твердить Тэлии, что ее страхи беспочвенны. Как бы ей хотелось знать, которому из побуждений верить!

Когда солнце уже клонилось к западу, Керен объявила, что занятие окончено, что и Тэлия, и Ролан устали — или должны были устать.

— Просто идите немного погуляйте вместе по Полю. Хочешь, поезжай верхом, хочешь — иди пешком, только будьте вместе — связи, которая должна установиться между вами, положено хорошее начало, но ее нужно укреплять и пестовать и дальше. Не старайтесь делать что-либо, просто наслаждайтесь обществом друг друга. Этого довольно.

Тэлия с радостью повиновалась. Она перелезла через изгородь и пошла рядом с Роланом. Мысли текли спокойно; ее охватило мечтательное настроение. Тэлия сама не могла бы объяснить, почему, но в

этот момент она совершенно не испытывала напряжения и тревоги, которые не оставляли ее с тех пор, как она себя помнила. По крайней мере теперь она находится в безопасности и на своем месте, и с непреложным знанием этого душевное спокойствие Тэлии еще немного возросло. Общество Спутника развеивало все ее сомнения, прогоняло все страхи. Она витала в мечтах и опомнилась, только услышав вдали двойной удар колокола — сигнал помощникам повара.

Тэлия вскочила на спину Ролана, и они потрусили к огромному сараю для сбрауи, стоявшему в середине Поля. Керен показала ей, где лежат скребница и щетки Ролана; Тэлия торопливо, но тщательно вычистила его и понеслась обратно в свою комнату. У нее едва хватило времени на то, чтобы помыться и переодеться к ужину. Она вбежала в трапезную и проскользнула на свободное место за столом.

Тэлия думала, что не сможет сегодня уснуть от возбуждения и обилия впечатлений, но, к собственному удивлению, обнаружила, что клюет носом над тарелкой. Ей едва хватило сил принять ванну — хорошо еще, что так рано вечером в умывальной было немного народу и она сразу нашла свободную бадью, если бы Тэлии пришлось ждать своей очереди в этой жаркой, полной пара комнате, она бы заснула стоя.

На сей раз никакие мысли ее не посещали, поскольку Тэлия уснула, едва коснувшись головой подушки.

Глава шестая

Всю следующую неделю распорядок дня Тэлии оставался прежним. Просыпалась она сразу после восхода солнца по сигналу будильного колокола, который ухитрилась проспять в свое первое утро в Коллегии. Затем либо торопливо натягивала на себя форму и бежала вниз, помогать готовить завтрак, либо проводила оставшийся до еды час более неспешно, приводя в порядок себя и комнату. После завтрака шло занятие по ориентировке, а каждый второй день, когда оно было короче, добавлялись и другие уроки. Послеполуденные часы посвящались занятиям по самообороне с Мастером Альберихом, верховой езде — с Герольдом Керен и, конечно, упрочению контакта с Роланом. В те дни, когда Тэлия не участвовала в приготовлении завтрака или обеда, она и еще несколько человек проводили долгие часы, штопая кажущийся бесконечным ворох серой студенческой формы.

В конце недели Герольд Терен провел с ними последнее занятие и распустил, но, когда остальные вереницей потянулись к двери, попросил Тэлию задержаться. Сама того не замечая, девочка тут же напряглась; нервно покусывая заусенец на пальце, она ждала, когда Терен скажет, зачем ему нужно поговорить с ней, и ее напускное спокойствие таяло на глазах. Она украдкой следила за облокотившимся на стол учителем, стараясь не встречаться с ним глазами. Терен выглядел обеспокоенным и даже расстроенным, а опыт Тэлии говорил, что такое выражение на лице взрослого сулит неприятности.

У Терена на душе кошки скребли: он знал, что у этого бедного, растерянного ребенка, пытающегося освоиться с Коллегией и со своей новой ролью, и без того более чем хватало проблем, а теперь на него свалились еще и семейные неприятности. Герольд мысленно проклял жестокость людей, которые смогли послать такое письмо — холодно рассчитанное, чтобы разрушить то хрупкое душевное равновесие, которого с большим трудом добилась девочка.

— Тэлия... — начал он и осекся, увидев, как девочка вздрогнула при звуке его голоса — в таком напряжении она находилась. — Детка, ты не пугайся... просто у меня есть для тебя довольно неприятная новость, и я думал, что тебе лучше ее узнать, когда мы останемся с глазу на глаз. Мы получили известие от твоих родных.

— Моих родных? — повторила Тэлия, на ее лице появилось удивление и озадаченность.

— Мы послали к ним нарочного — мы всегда так делаем, когда Избирают ребят — и сообщили им, что с тобой случилось. Ну, обычно честь Избрания заставляет всех родителей, как бы сильно они не сердились, простить проявленное ребенком непослушание, и мы думали, что так случится и на этот раз.

Наконец-то Тэлия посмотрела прямо на учителя, а не поглядывала из-под опущенных ресниц. Под ее взглядом Терену стало не по себе, странное дело, он с трудом подбирал слова.

— Тэлия, мне бы очень хотелось, чтобы все произошло так, как мы ожидали, не могу передать, как я сожалею... Вот все, что они нам ответили.

Терен пошарил в кармане, вытащил сложенный в несколько раз листок бумаги и отдал его Тэлии.

Девочка развернула бумагу, бессознательно разгладила ее. Терен с тревогой ждал, как она прореагирует на то, что там говорилось.

«В Усадьбе Твердыня нет дочери по имени Тэлия», — гласил ответ. Полуграмотные каракули были скреплены знаком ее Отца.

Тэлия не создавала, что плачет, пока одна горячая слеза не капнула на бумагу, размывая чернила. Девочка моментально взяла себя в руки и проглотила слезы. До этой минуты Тэлия даже не понимала, как сильно она надеялась, что благодаря ее новообретенному статусу Семья примет ее. Однако, она не ожидала, что Семью известят об этом Герольды — она рассчитывала сообщить новость сама, — быть может, въехав в один прекрасный день в Усадьбу в полной парадной форме — Белых Одеждах Герольда. Именно с того момента, когда до Тэлии впервые дошло, что она действительно Герольд, она и начала надеяться, что этот подвиг принесет ей прощение — а возможно, даже одобрение. Крепковеры не порицали всего, что делали и за что стояли Герольды, и даже наиболее критически настроенные среди них обычно признавали, что Герольды служат важному делу. Вне всякого сомнения, крепковеры приветствовали вмешательство Герольдов во время набегов из-за Границы или когда нужно было

прекратить какую-то распрю! Быть может, мечтала Тэлия, ее родня теперь поймет, почему она совершала поступки, казавшиеся немного неподобающими; они поймут, что она всего лишь следовала собственной природе. Конечно, теперь-то они поймут. Возможно, они обрадуются, когда она вернется, и позволят ей иметь родной кров.

Странно, но когда Тэлия решилась убежать из дома, то, что родные неизбежно отвернутся от нее, не казалось ей слишком дорогой ценой за обретение свободы; теперь же, когда все ее надежды на прощение были уничтожены одной-единственной запиской...

Ничего; она снова сама себе голова, а Герольд Терен вряд ли одобрит, если она начнет распускать нюни из-за случившегося.

— Все в порядке, — сказала Тэлия, возвращая записку Герольду, — Мне следовало этого ожидать. — Она ощутила гордость оттого, что голос у нее почти не дрожал и она нашла в себе силы прямо встретить взгляд учителя.

Терен был изумлен и слегка встревожен — не реакцией Тэлии на известие, а железной волей, с которой она мгновенно эту реакцию подавила. Ей следовало позволить себе проявить слабость и выплакаться; любой ребенок ее возраста так бы и поступил. Терен осторожно попытался снова вызвать у девочки слезы — ей непременно требовалось поплакать; подобное подавление естественных чувств могло привести только к тяжелому душевному расстройству в будущем. К тому же оно стало бы еще одним кирпичом в стене, которую Тэлия воздвигла между собой и всеми окружающими.

— Хотел бы я как-нибудь помочь тебе, — Терен был чрезвычайно расстроен и пытался показать Тэлии, что он огорчен не только самим происшествием, но и тем, что она отрицает, что поведение родных причинило ей горе. — Ума не приложу, почему они ответили таким образом.

Если ему удастся хотя бы заставить девочку признать, что она огорчена известием, это послужит клином, который позволит взломать возведенную ею стену и добиться ее доверия

— Быть может, если мы отправим еще одного гонца, попозже... — продолжил Терен, пытаясь поймать ее взгляд.

Тэлия опустила глаза и отрицательно покачала головой, она знала, что для нее возврата нет, во всяком случае, ни с торжеством, ни в качестве первого Герольда из числа крепковеров. Даже для ближайшей родни она будет совершенно чужой. «Тэлии, дочери Усадьбы Твердыня» никогда не существовало. Она нарушила Священное Писание, согласно которому дочь должна быть полностью и во всем послушной Отцу и старшим; она — отщепенка, и ее родные никогда не переменят своего мнения.

— Но...

— Я опаздываю. — Тэлия уклонилась от протянутой руки учителя и выбежала из класса, желая про себя, чтобы Терен выказывал ей поменьше сочувствия. Из-за него слезы снова подступили опасно близко к глазам. Больше всего на свете Тэлии хотелось сломаться и расплакаться у него на плече. Но нет. Она не смела. Если родные и близкие так безоговорочно отреклись от нее, то чего же ждать от чужих людей, особенно если она выкажет слабость? А Герольду положено быть уравновешенным, уверенным в себе. Она не покажет себя слабой и недостойной.

По счастью, следующий урок — история, которая, с точки зрения Тэлии, представляла собой просто одну нескончаемую сказку, — был достаточно захватывающим, чтобы она смогла сосредоточиться на нем и не думать о своем несчастье. Подобно многим другим, этот курс строился циклически, чтобы студент мог присоединиться к классу в любой момент и уйти, когда та тема, которая обсуждалась, когда он пришел, возникала снова. Историю преподавала пожилая женщина, Герольд Верда. Сегодняшнее занятие и последовавшая за ним дискуссия оказались столь интересными, что Тэлии удалось на какое-то время забыться.

География почти не уступала увлекательностью истории. Все Герольды в Коллегии по очереди преподавали ее по несколько дней, рассказывая о своих родных местах, когда ребята на занятиях доходили до изучения данной области. Поскольку уроки ориентации закончились, Терену тоже какое-то время предстояло читать этот курс, так как тот охватывал и район Вечнотуманного Озера.

Занятия географией заключались не просто в изучении карт; изучалось все, что составляет среду данной области, начиная с топографии и растительности и, кончая погодой. Далее эти данные увязывались со сведениями о людях, живущих в этих местах, и том, из чего складывается их жизнь; как изменения в природных факторах могли бы на них повлиять. Это тоже было достаточно увлекательным занятием, чтобы отвлечь мысли Тэлии от постигшей ее невзгоды.

Когда урок закончился, Терен сделал неуверенное движение в ее сторону, но Тэлия притворилась, что ничего не заметила, и заторопилась на следующее занятие — вместе с толпой и, однако же, отдельно от нее.

Следующим уроком в расписании шла математика; Тэлия никогда не питала особой страсти к цифрам, но Герольд Сильван, по-видимому, так любила точность и хитросплетения своего предмета, что часть ее энтузиазма просто не могла не передаться ученикам.

Самым новым предметом для Тэлии явилось последнее перед обедом занятие, курс под названием «придворные манеры»; этот предмет очень беспокоил Тэлию. Она не сомневалась, что при дворе будет выглядеть не уместнее козы. Особенно же ее пугал этот предмет сейчас, когда она чувствовала себя внутренне скованной и выбитой из колеи. Она почти страшилась встречи с преподавателем, рисуя себе чопорного, раззолоченного франта и заранее предвидя, что станет посмешищем. Тэлия прокралась в класс и укрылась за спинами нескольких более рослых одноклассников прежде, чем появился инструктор. Когда гул голосов смолк, она съежилась на стуле, надеясь остаться незамеченной.

— Разве Тэлия не здесь? Я думала, она сегодня присоединяется к нам, — озадаченно произнес показавшийся очень знакомым голос.

Тэлия вздрогнула и подняла голову.

— Светлые Гавани, детка, — улыбнулась Домоправительница Гэйта, — нам бы нужно поставить тебя на подпорки — ты такая малюсенькая, что тебя почти не видно!

— Но вы же не... — выпалила Тэлия, потом осеклась и покраснела.

— Я не придворная, по существу, и не Герольд — но прежде чем я заняла эту должность, я была Управительницей Воронопольского Дома; вот почему я преподаю этот предмет, — терпеливо объяснила Гэйта. — Управительница видит двор с особой точки зрения: она внутри него, и вместе с тем невидима. По этой причине я могу научить вас всем необходимым манерам и тому, как разглядеть ядовитые клыки, скрытые за шелковыми языками. И не советую питать иллюзий, детка: если ты сохранишь привычку сначала говорить, а потом уж думать, то быстро почувствуешь эти клыки на себе!

Еле заметная добродушная улыбка на лице Домоправительницы смягчила эту отповедь.

Возможно, «придворные манеры» окажутся не такой уж ужасной вещью, решила Тэлия.

Это и впрямь оказалось довольно занимательно — такой сложный, запутанный танец манер — хотя у Тэлии не раз возникало сомнение, что она когда-нибудь поймет эти тонкости по-настоящему, не то что сможет непринужденно выполнять все требуемые церемонии.

За последним уроком и обедом следовал час свободного чтения в Библиотеке, и для того, чтобы не подпустить Тэлию к этой комнате чудес, пришлось бы приставить ей нож к горлу. Вспомнив рассказ Давана о том, как начиналось их королевство, она выбрала книгу из самого первого ряда в разделе истории.

На сегодня Тэлию не назначили в помощники повара, поэтому следующий за свободным чтением час она провела в швейной мастерской — тесной, но светлой комнате с множеством столов, на которых стояли корзины, полные разнообразных предметов одежды, находящихся на различных стадиях негодности. Именно здесь, где руки трудились, а голова была ничем не занята, Тэлия почувствовала, что не в состоянии больше выносить одиночество. Это чувство еще больше усугублялось тем, что остальные студентки смеялись и болтали о вещах и людях, о которых Тэлия даже слухом не слыхивала. Она нашла укромный уголок, заслоненный от остальных горой отданной в починку одежды, и уселась там, прихватив свою корзину с работой. Рано или поздно она должна была дать выход своей тоске, а время и место показались подходящими, здесь ее никто не увидит. Прежде, чем закончился этот час, драный чулок, который штопала Тэлия, стал соленым и влажным от слез.

По крайней мере сегодня ей не пришлось столкнуться с демоническим Альберихом — вместо себя он назначил ее наставником бывшего вора, Скифа. За прошлую неделю Тэлия обнаружила, что постепенно проникается теплыми чувствами к этому мальчишке. Скиф, похоже, сочувствовал ее неловкости и был бесконечно терпелив со своей ученицей. Без единого упрека он помогал ей добиться правильной постановки непослушных рук и ног, и замедлял собственные движения так, чтобы Тэлия смогла точно понять, что от нее требуется. Когда она падала духом, Скиф веселил ее потешными историями о несурзных проделках, которые он якобы совершал в те дни, когда еще был уличным мальчишкой, попрошайкой и карманником. Тэлия робко отвечала на его открытое дружелюбие, а Скиф, казалось, чувствовал, когда можно потянуться к ней, а когда лучше отступить.

С площадки для рукопашного боя Тэлия отправилась упражняться в стрельбе из лука, а затем к Ролану.

Когда она очутилась в обществе Спутника, боль одиночества стихла. Они работали на полосе препятствий, пока оба не выбились из сил, потом отправились в дальний угол Поля, чтобы остыть и просто побыть вдвоем. И снова сама близость Ролана волшебным образом преобразила душевное состояние Тэлии. Когда она подумала, какой одинокой чувствовала себя даже с двумя ближайшими родственниками, и какой наполненной жизнь казалась рядом с Роланом, цена, которую она заплатила за то, чтобы попасть сюда, перестала представляться слишком высокой. К тому времени, когда она закончила чистить Ролана скребницей и щеткой и расчесала его гриву, к Тэлии уже почти вернулась веселость. Всегда, когда она оказывалась вдвоем со Спутником, она точно знала, что ее любят и что Ролан никогда не бросит ее и не лишит своей дружбы.

Либо Тэлия начинала привыкать к темпу здешней жизни, либо ее выносливость увеличивалась; она недостаточно устала, чтобы остаться дома после ужина, поэтому решила исследовать сады, граничащие с территорией Коллегии.

Тут-то она и узнала, почему Шерил советовала не сталкиваться с «невключенными» студентами в одиночку.

Тэлия шла по посыпанным гравием дорожкам между цветочных клумб, разбитых в форме правильных геометрических фигур; заходящее солнце и подступающие сумерки, казалось, сгустили посиневший воздух. Аромат роз смешивался с нежным запахом ночных цветов, которые только-только начинали распускаться. Тэлия замечталась и не заметила, что поблизости, кроме нее, есть еще кто-то, пока этот кто-то не заговорил:

— Мне это чудится или здесь действительно пахло навозом? — спросил за ее спиной мужской голос; его обладатель брезгливо принюхался. — Право, похоже, что так!

— Может, садовники удобряли клумбы? — на этот раз голос принадлежал девушке, и в нем отчетливо прозвучала ядовитая нотка.

— О, не думаю, — отозвался первый, — этот запах совершенно определенно свежий, и чрезвычайно похож на козий.

Ошеломленная Тэлия обернулась. В тени живой изгороди лежали, развалясь, четверо или пятеро одетых в синюю форму подростков.

— Э, что тут у нас? — первый говоривший прикинулся удивленным при виде ее. — Право же, мне кажется, я нашел источник этого благоухания!

— Несомненно, — отозвалась сидевшая рядом с ним девушка, — поскольку это та девка с границы. Какая жалость — нынче в Коллегию стали принимать что угодно. И все же можно было подумать, что они вымоют это, прежде чем позволять ему бродить в приличных местах.

Они наблюдали за Тэлией с хитрым и выжидательным выражением на лицах. Поначалу она хотела ответить им в том же духе, но тут же отбросила эту мысль. Их пятеро, а она одна — и, судя по тому, что говорила Шерил, они вряд ли ограничатся оскорблениями и едва ли станут драться честно.

— О Владычица, эти твари погрязли в нечистотах; такую вонь не смоешь и сотней ванн, — злобно продолжал первый мальчишка. — Что неудивительно, учитывая, что они погрязли также и в невежестве.

Мне дали понять, что это существо пыталось вернуть своего Спутника в Коллегию... что оно даже не имело представления о том, что означает быть Избранным.

Уши Тэлии горели от стыда и гнева.

— Оно что, столь же глупо, сколь и вонюче? — спросил третий.

— Должно быть, поскольку оно, по-видимому, не понимает, что мы говорим о нем.

Слезы навернулись на глаза Тэлии — и мгновенно высохли. Ни в коем случае нельзя показывать этому сброду, как больно ранят ее их оскорбления — обидчиков это только воодушевит. Тэлия закрыла глаза, которые щипало и жгло от непролитых слез, повернулась и пошла прочь; насмешники так быстро догнали ее, что она не заметила, что окружена, пока от хорошо рассчитанного толчка не полетела вниз головой в щедро политую садовником клумбу. Тэлия была не готова к нападению и упала тяжело; лицо облепила грязь и сухие листья.

Когда смех замер вдали, Тэлия кое-как выбралась из клумбы. От удара при падении у нее перехватило дыхание; на этой клумбе росли плетистые розы, и их шипы, казалось, достигали в длину не меньше дюйма. К тому времени, как она наконец выпуталась, ее форма превратилась в лохмотья, а сама Тэлия вся перепачкалась и исцарапалась в кровь.

От обиды по щекам потекли горячие слезы; Тэлия смахнула их тыльной стороной измазанной землей руки и со всех ног поспешила под защиту Крыла Коллегии, радуясь тому, что покров сгущающейся тьмы скрывает ее от посторонних глаз.

Было еще довольно рано, так что умывальная комната пустовала; Тэлия торопливо запихнула драную одежду в отведенный для этого желоб. После долгого отмокания в воде воспаленные ссадины превратились в царапины, которые могли сойти за полученные на тренировке, а звук льющейся воды заглушал всхлипывания, когда Тэлия плакала от злости и боли.

Она не собиралась обращаться к Шерил с просьбой о помощи: все время прятаться за спину старшей подруги она не могла, а стоит ей остаться одной, как на нее тут же снова нападут. Кроме того, несмотря на уверения Шерил, Тэлия сильно сомневалась в ее искренней готовности изо дня в день терпеть возле себя постоянное присутствие ребенка.

А Тэлия уже имела богатый опыт общения с зловредными озорниками вроде этих; она знала, чего теперь ожидать. Коли уж они начали, то не оставят ее в покое, пока им самим не наскучит эта забава.

И нужно принимать в расчет еще одну сторону дела. Тэлия откинула с глаз мокрые волосы и посмотрела на шрам величиной с монету, красовавшийся на ладони ее левой руки. Сколько лет ей было, когда Юстас выжег его на руке младшей сестренки раскаленной докрасна кочергой? Девять? Десять? Неважно. В тот раз старшие поверили ему, а не Тэлии, когда Юстас заявил, что девчонка обожглась сама.

Так с какой стати здесь кто-то захочет верить ей? Она новенькая, никто ее не знает; насмешники же, очевидно, дети знатных вельмож.

При сложившихся обстоятельствах кого сочтут лжецом? Лучше уж хранить молчание. Они позабавились, как хотели; быть может, если жертва не будет реагировать на их выходки, им это скоро надоест и они оставят ее в покое.

Надежда оказалась напрасной.

Уже на следующий день Тэлия обнаружила, что кто-то стащил ее конспекты по истории; днем позже толчок в спину заставил ее пошатнуться и упасть на четвереньки, ободрав обе коленки и локти об пол коридора. Когда Тэлия очухалась и собрала рассыпавшиеся книги, кругом не было видно никого, кто мог бы ее толкнуть, — но она расслышала тихое хихиканье откуда-то из окружавшей ее толпы.

Два дня спустя невидимые противники забросали ее камнями, когда она в бежала на занятия по самообороне. На следующий день оказалось, что кто-то вылил на ее книги целую бутылку чернил, и не было никаких доказательств того, что их мог держать в руках кто-то, кроме ее самой. Это явилось для Тэлии почти невыносимым унижением — чтобы другие считали, что она может так небрежно обращаться с книгой.

Неуклюжесть Тэлии начала создавать ей определенную репутацию, поскольку ее пихали или давали подножку по меньшей мере раз в неделю; когда же она осмеливалась выходить куда-нибудь за пределы Коллегии, это случалось еще чаще.

А затем прибавилось преследование и другого характера.

Тэлия начала получать анонимные записки — записки, которые таинственным образом появлялись в ее карманах или книгах, записки, которые в пух и прах разнесли ее и без того хлипкую уверенность в себе. Дошло до того, что один вид клочка бумаги в учебнике доводил Тэлию почти до слез, а показать их кому-нибудь она не могла: слова на бумаге исчезали через несколько мгновений после того, как она разворачивала записку, и в руках у девочки оставался просто обычный кусок чистой бумаги.

Открыться кому-то Тэлия тоже не решалась — поскольку, по ее мнению, не было никаких доказательств того, что злоумышленниками являлись только Синие. Конечно, если хорошие отношения между студентами-Герольдами — не одна видимость, то в высшей степени маловероятно, чтобы кто-нибудь из ее соучеников участвовал в изводящей ее группе, однако Юстас прятал свой злобный нрав за ангельским выражением лица и лучезарной улыбкой. Не всегда все обстоит так, как кажется. Нет, лучше терпеть и сносить все издевательства в одиночку — по крайней мере, у нее всегда остается Ролан.

Однако Керен заметила, что что-то не так. Ее брат-близнец уже рассказал ей о письме, полученном от семьи Тэлии; беседа с Элкартом убедила Керен, что, быть может, именно ей удастся уговорить девочку выйти из раковины, в которую та спряталась. Когда она работала с Тэлией, то не замечала никаких признаков неуклюжести, и постоянные сообщения о происшествиях никак не вязались с тем, что говорили Керен ее собственные глаза. Что-то было неладно, очень неладно.

Еще в детстве Керен выработала в себе невероятное терпение — не раз видели, как она часами сидела, держа на ладони хлебные крошки, не шевелясь и даже не моргая, так что птицы без страха слетались, чтобы поклевать у нее из рук. Так же терпеливо она приручала сейчас Тэлию — тут, словно невзначай, роняя слово, там — незаметно подбадривая. Она была уверена: если кто-то преследует ребенка, рано или поздно она узнает об этом.

Бывали моменты, когда Керен проклинала правила этикета, которые соблюдали те, кто одарен мыслечувствием. Если бы не налагаемые им ограничения, она бы давно прочла, что беспокоит ребенка. В крайнем случае, если бы это не удалось ей самой, нашлись бы мастера, способные проникнуть за любой щит.

Но правила этикета для того и существовали, чтобы предотвратить такого рода вмешательство; запрещалось просто взять и безжалостно обнажить мысли другого, из каких бы добрых побуждений ты не исходил. Если бы девочка случайно позволила чему-либо проскользнуть — тогда другое дело. К несчастью, Тэлия слишком хорошо отгородилась от всего мира. Не приходилось особенно надеяться и на то, что кто-то другой, более талантливый, чем Керен, ненароком что-либо «услышит»: отстраненность Тэлии воспринималась всеми как стремление к уединению, и, как таковое, уважалась.

Те, кто может слышать мысли, обычно склонны совершенно фанатически отстаивать право на уединение — будь то свое или чужое; в других обстоятельствах это хорошо, но в данном случае для Керен безусловно являлось помехой.

Хотя осознанно Тэлия не заметила заботы Керен, усилия инструктора по верховой езде постепенно достигли цели. Девочка была уже на грани того, чтобы рассказать Керен по крайней мере о записках, когда началась новая серия...

«Валяй, иди и расскажи кому-нибудь об этом, деревенщина, — говорилось теперь в записках, — забавно будет посмотреть, как ты попытаешься объяснить, почему у тебя нет ничего, кроме чистых листов бумаги. Они подумают, что ты спятила. Знаешь, может, они будут не так уж и не правы...»

Это напугало Тэлию — призрак сумасшествия маячил перед ней с тех самых пор, когда она получила первое подметное письмо. В конце концов, как могли буквы исчезать с бумаги после того, как их прочли? А если хотя бы заподозрят, что она ненормальная, ее могут выгнать из Коллегии, и куда ей тогда деваться? Риск показался ей слишком велик. Тэлия никому ничего не сказала и плакала в одиночестве.

И тут, когда ее нервы были уже на пределе, при дворе начались трехмесячные торжества по случаю праздника середины зимы, и травля внезапно прекратилась.

Когда прошло несколько дней, а она не получила ни единой записки, Тэлия начала надеяться, когда минует неделя, она осмелилась немного ослабить оборону. К концу первого свободного от преследования месяца она решила, что ее врагам наскучило, что она никак не реагирует, и они нашли себе какую-то новую забаву.

Тэлия окунулась в жизнь Коллегии с таким самозабвением, что не успел еще начаться собственно Праздник Середины Зимы, а она уже почувствовала себя так, словно наконец нашла свое место здесь. Боль от того, что ее собственная Семья отвергла ее, значительно притупилась.

На две недели Праздника занятия в Коллегии отменялись; те студенты, которые не возвращались на праздники домой, обычно гостили у друзей или родственников неподалеку от столицы. Одной Тэлии некуда было ехать, но она вела себя так скрытно, что в суматохе приготовлений никто этого не понял.

Первый день праздников застал ее бродящей по пустым залам Коллегии, прислушиваясь к эху своих шагов. Тэлия чувствовала себя очень маленькой и одинокой. Она начала гадать, сможет ли даже Библиотека помочь ей скоротать бесконечные пустые часы.

Пока Тэлия слушала жутковатое эхо своих шагов в безлюдных коридорах, до ее ушей вдруг донесся другой, более слабый звук: где-то за дверями, отделяющими личные покои Герольдов от остальной Коллегии, играла арфа.

Любознательство и одиночество побудили Тэлию пойти на звук поющих струн. Она отворила чуть скрипнувшую створку двери и позволила музыке увлечь себя по длинным коридорам в самый конец крыла Герольдов, в угол, выходящий на дворцовый храм. Здесь тоже царила тишина. Большинство комнат были одноместными, их занимали Герольды, которые в настоящее время отсутствовали, поскольку несли полевую службу. Крыло Герольдов оказалось так же пустынно, как и крыло Коллегии, и посреди этой тишины мелодично и немного одиноко звучала арфа. Тэлия подошла к приоткрытой двери, из-за которой слышалось пение струн, и встала так, чтобы ее не было видно. Она не знала, сколько простояла так: она потеряла представление о времени, отдавшись очарованию музыки.

Когда мелодия смолкла, Тэлия вздохнула.

— Пожалуйста, заходи, кто бы ты ни был, — окликнул ее из комнаты негромкий, хрипловатый старческий голос. — Тебе незачем стоять в этом унылом вестибюле, да и я не отказался бы от общества.

Приглашение прозвучало искренне; после недолгой внутренней борьбы Тэлия робко толкнула дверь.

За ней открылась маленькая комнатка; сквозь окна струился солнечный свет, играя на стенах, украшенных панелями медового цвета, и нескольких предметах обстановки, отделанных тканью того же цвета, но чуть потемнее.

Ярко пылающий в очаге огонь распространял запах яблоневого дерева и дополнял атмосферу света и тепла. Возле огня сидел пожилой человек — безусловно старше, чем все Герольды, которых до сих пор доводилось встречать Тэлии, так как серебро его волос соперничало с белизной одежд. Однако спокойное, все еще красивое лицо и серые глаза старика были приветливы, а морщины вокруг глаз и рта были из тех, что образуются у улыбчивых, а не у хмурых людей. У него был широкий лоб, твердый рот, красиво очерченный раздвоенный подбородок и радушная улыбка. Арфу он прислонил к ноге. Глаза Тэлии расширились, когда она увидела, что у старика отсутствует вторая нога ниже колена, точно так же, как у деревенской стражницы, которую она встретила когда-то по дороге в столицу.

Герольд проследил за направлением ее взгляда и улыбнулся.

— Мне повезло больше, чем многим другим, — заметил он, — поскольку наемники Тедрела и королевская служба отняли у меня только ногу, а не жизнь. А почему молодое существо вроде тебя бродит по этим мрачным залам во время Праздника?

Возможно, дело было в том, что он чем-то напомнил Тэлии Мать Отца, быть может, в том, что он так откровенно обрадовался ей, а может быть, и в том, что сама Тэлия чувствовала себя столь отчаянно одинокой — но она потянулась к незнакомому старику всем сердцем и ответила чистосердечно, как

ответила бы Ролану:

— Мне некуда ехать, господин, — проговорила она почти шепотом.

— Разве у тебя нет друзей, которые хотели бы разделить с тобой праздник и очаг? — нахмурился он. — Это выглядит крайне необычно для Герольдов.

— Я... Я никому не сказала, что остаюсь. У меня в самом деле нет достаточно близких друзей; моей семье я больше не нужна, и... и...

— И ты не хочешь, чтобы об этом кто-нибудь узнал и, возможно, пригласил тебя поехать с ним не потому, что хочет этого, а из жалости? — проницательно предположил он.

Тэлия понуро кивнула.

— На вид тебе около тринадцати; должно быть, это твой первый Праздник Середины Зимы здесь, не то вся Коллегия знала бы, что тебе некуда поехать. Есть только одна из новоизбранных, которая подходит под это описание, так что ты, наверно, Тэлия. Правильно?

Она застенчиво кивнула.

— Ну да нет худа без добра, — сказал старый Герольд. — Мне тоже негде провести Праздник. Я мог бы праздновать вместе с двором, но толпа мне не по вкусу. Моих родных и близких давно уже унесло время, а друзья либо умерли, либо заняты где-то в другом месте. Не провести ли нам праздники вместе? Меня зовут Джедус.

— Я... мне хотелось бы этого, господин. Очень. — Тэлия подняла глаза и улыбнулась, встретив его улыбку.

— Замечательно! Тогда проходи и устраивайся поудобнее; возле огня есть место — бери стул или подушку, что больше понравится.

Обостренная чуткость Джедуса предупредила его о том, насколько застенчива его гостья, и, пока она нерешительно клала возле очага толстую подушку, обтянутую янтарным бархатом, и сворачивалась на ней клубком, как котенок, он притворялся, будто настраивает арфу. Даром старого Герольда было мышечное чутье, и хотя ему и в голову бы не пришло совать нос в то, что происходит в душе девочки, у мыслей и поведения Тэлии имелись оттенки и нюансы, которые сказали Джедусу, что с ней нужно обращаться очень осторожно. По натуре он был человеком мягким, но понял, что с Тэлией он должен быть мягок как никогда, поскольку малейший намек на недовольствие или нечуткость с его стороны могло напугать девочку до размеров, поистине несопоставимых с действительностью.

— Я рад, что моя арфа заманила тебя к моему порогу, Тэлия.

— Это было так удивительно красиво, — задумчиво сказала девочка. — Я никогда еще не слышала такой музыки.

Джедус усмехнулся.

— Ты тешишь мою непомерную гордыню, детка, но суровая правда состоит в том, что в сравнении с любым Мастером-Бардом я выглядел бы дилетантом, каковым в действительности и являюсь. И все же... честность заставляет меня признать, что я обладаю по крайней мере некоторым Талантом, — в конце концов, иначе меня никогда не приняли бы в Коллегию Бардов.

— Коллегию Бардов, господин? — переспросила Тэлия, озадаченная.

— Да, конечно. Тепере-то я Герольд, у меня есть Спутник, вернее Спутница, которая и сейчас еще греет на солнце свои старые кости и смотрит, как резвятся в снегу глупые жеребята, но когда я приехал сюда, я приехал для того, чтобы поступить в Коллегию Бардов. Я провел в ней три года, и до окончания мне оставалось еще два; я сидел в саду и пытался сочинить пьесу на заданную тему, когда что-то повлекло меня в сторону Спутникова Поля. И вот, извольте, пришла она и весело вывернула мою жизнь наизнанку. В тот момент я был даже возмущен, но сейчас не променял бы ни единого мига своей жизни на лавровый венок лауреата.

Тэлия посмотрела на сильные гибкие пальцы, которые почти бессознательно ласкали шелковистую

древесину арфы.

— Однако музыку вы не бросили.

— О нет — эту нежную возлюбленную не бросишь так легко, единожды вкусив ее очарования, — улыбнулся Джедус, — И, возможно, Фортуня оказала мне услугу: мне никогда не приходилось ублажать изменчивую толпу или неблагодарного хозяина, я пел и играл только для того, чтобы развлечь себя и друзей. Кроме того, музыка служила мне и для маскировки, поскольку Барды — желанные гости почти повсюду, как внутри королевства, так и за его пределами. И даже сейчас, когда мой голос давно отправился следом за моей утраченной ногой, я все еще могу извлечь из Сударыни мелодию, дабы развлечь общество. Или чтобы завлечь оное общество к своим дверям.

Он наморщил на Тэлию нос, и она с растущим доверием ответила на улыбку.

Джедус оценивающе посмотрел на нее: ему на ум пришла неожиданная мысль.

— Тэлия, детка, а ты умеешь петь?

— Не знаю, сэр, — призналась она, — Я... Я была... из крепковеров. Они не в ладах с музыкой; обычно поют только гимны, и то только жрецы и Служительницы.

— Крепковеры, крепковеры... — пробормотал Джедус, очевидно пытаясь что-то вспомнить. — А! Ты наверняка знаешь эту коротенькую песенку, которой успокаивают овец, ну, ту, что начинается словами «Глупая овечка, вечер недалечко»?

Он наиграл нехитрую мелодию.

Тэлия кивнула.

— Да, господин, но ведь это же не музыка, не так ли?

— В хороших руках даже речь может прозвучать музыкой. Ты не споешь мне? Пожалуйста, прошу тебя.

Тэлия начала очень робко; она пела так тихо, что ее было едва слышно за переборами струн, но вскоре голос девочки окреп и зазвучал все увереннее. Арфа вела мелодию контрапунктом. Ее пение зачаровало Тэлию; вскоре девочка так увлеклась узорами, которые плели струны, что окончательно забыла смущаться.

— Я так и думал, — сказал довольный Джедус, когда она допела, — мне подумалось, что в тебе есть толика Таланта, еще когда я услышал, как ты говоришь. Ты никогда не станешь серьезной соперницей настоящему Барду, малышка, но у тебя определенно есть — или, вернее, будет — очень неплохой голос. Не согласишься ли ты доставить старику огромное удовольствие и согласиться изучать еще один предмет?

— Вы хотите сказать... учиться музыке? Мне? Но...

— Стыдно зарывать Талант в землю; а у тебя в самом деле есть талант, детка, — улыбнулся Джедус задумчиво. — И я бы с радостью поделился с тобой своим умением.

Это убедило Тэлию.

— Если вы думаете, что на меня стоит тратить время...

Джедус взял ее пальцем под подбородок и поднял ее голову так, что девочка поневоле взглянула прямо в его серьезные, добрые глаза.

— Время, проведенное с тобой, моя милая, никогда не будет потерянным. Поверь.

Тэлия залилась ярким пунцовым румянцем, и Джедус отпустил ее.

— Не желаешь ли начать сейчас — продолжал он, давая ей время вернуть себе самообладание, — У нас впереди целый день, и мы могли бы начать с песни, которую ты только что спела.

— Если вы не против — мне-то совсем нечем заняться.

— Против? Детка, если бы ты знала, как медленно тянутся для меня часы, ты никогда не сделала бы

подобного заявления.

Джедус чувствовал, как между ними крепнет нить взаимопонимания — чувствовал, даже в сущности не думая о том, что именно благодаря его «беспомощному» состоянию Тэлия смогла счесть, что его можно не бояться. Уже несколько лет Джедус пребывал в какой-то спячке и, в сущности, плыл по течению.

Он уединился в своей келье, будто отшельник, предоставляя миру за ее дверьми существовать без его участия. Ему казалось, что не стоит тратить усилия, чтобы постараться вернуться в этот мир... До нынешнего дня.

До нынешнего дня, когда в его дверь постучалось сердце, такое же одинокое, как и его, и вновь принесло с собой внешний мир. И теперь, когда Джедус смотрел на сидящую у его ног девочку, он знал, что на этот раз — ради нее — он не позволит этому миру снова уплыть прочь.

Тэлия схватывала быстро — это было известно всем ее учителям. Музыка явилась для нее неведомой вселенной; в какой-то степени это оказалось только к лучшему, поскольку девочке совершенно не приходилось переучиваться. Она так увлеклась, что даже не заметила, что уже поздно, пока не явился слуга, чтобы зажечь свечи и осведомиться, не пожелает ли Герольд Джедус ужинать в своей комнате.

Тэлия хотела извиниться и уйти, но Джедус настоял, чтобы она поужинала вместе с ним, заявив, что с него хватит одиноких трапез. Когда слуга вернулся, Джедус послал его с новым поручением — разыскать несколько сборников песен, которые он куда-то запрятал. Их старый Герольд, невзирая на протесты, преподнес Тэлии.

— За все то время, что они пролежали невесть где, они мне ни разу не понадобились, — сказал он твердо. — Музыка и воспоминания вполне надежно хранятся здесь, — Джедус постучал себя по лбу, — так что мне нет нужды в песенниках. Это, если угодно, подарок по случаю Середины Зимы, чтобы ты смогла учиться быстро и порадовать своего тирана-учителя.

Тэлия ушла, только когда ее пение стало все чаще перемежаться зевотой. Ей казалось, что она знала старого Герольда чуть ли не с рождения и, что все это время они были друзьями. У Джедуса Тэлия ощущала себя желанной гостьей и не испытывала никакого напряжения; она едва смогла дождаться рассвета, чтобы провести с новым другом еще один день. На другой день Тэлия поднялась ни свет ни заря, однако побоялась ворваться слишком рано и потревожить старика-Герольда. Она торопливо позавтракала хлебом и молоком, взятыми из припасов на кухне Коллегии, и отправилась на Спутниково Поле, к Ролану, чтобы немного разрядиться.

Они играли и возились как форменная глупая малышня: Тэлия бросалась снежками, а Ролан ловко уворачивался от них или пытался поймать их зубами. Тэлия чувствовала себя совершенно хмельной от счастья; она не помнила, чтобы когда-нибудь в жизни была счастливее. Под конец Ролан сделал курбет, явно приглашая сесть на его спину и слегка прокатиться. Они носились галопом, буквально летая над Полем, пока солнце не поднялось уже довольно высоко. Прогулка подействовала: натянутые нервы Тэлии чуть отпустило, а кроме того, она растратила часть энергии, отнюдь не растратив энтузиазма. Спустя небольшое время она постучала в дверь комнаты Джедуса; глаза девочки искрились, щеки разругались.

К концу второго дня ее обучения слуги прознали о том, что происходит, и начали крадучись бродить поблизости от комнаты старого Герольда. Голос Тэлии, хоть и неотшлифованный, был красив, слух — верен; слуги сочли, что эти уроки и в самом деле замечательное развлечение. Праздник Середины Зимы находился в самом разгаре, и в Большой Зале едва хватало места для всех вельмож, съехавшихся ко двору, не то что для сменившегося с дежурства слуги, решившего послушать Бардов — зато здесь, в тихом уголке Герольдова крыла, никто не мешал насладиться музыкой и пением. Вскоре случайный прохожий мог бы увидеть такую картину: в вестибюле под дверью комнаты Герольда Джедуса тихонько, словно воробы, во всех щелках и закоулках сидели и благоговейно слушали слуги. Тэлия не замечала их присутствия: она была всецело поглощена уроком. Однако Джедус заметил: его острый слух мгновенно улавливал непривычный звук шагов в своем отдаленном коридоре. И старик молчаливо приветствовал присутствие слушателей. Он провел слишком много праздников в одиночестве, чтобы не знать, какой радостью может стать музыка. Кроме того, он был артистом и не мог не радоваться вновь обретенной аудитории. Сознание того, что его слушают, заставляло Джедуса еще больше оттачивать собственное исполнение, да и его новой ученице оно было только на пользу.

Тэлия не успела и глазом моргнуть, как уже подошел Канун Середины Зимы.

Джедус рассказывал ей истории из своей жизни, относящиеся к тем временам, когда он был еще начинающим Герольдом, как вдруг кто-то робко постучал в полуоткрытую дверь.

— Войдите, — откликнулся Джедус, лукаво приподняв бровь.

Вошел молодой челядинец, который обычно обслуживал Джедуса.

— Прощения прошу, Герольд, — начал он стеснительно, — Мы... то есть остальные... не могли удержаться и слушали вас и юную Тэлию всю прошлую неделю, и мы хотели бы знать... Ну, короче говоря, господин, дело вот какое. Вам двоим некуда пойти отмечать Канун Середины Зимы, и при дворе вы его тоже явно не собираетесь проводить, не то уже были бы там. Может, захотите отпраздновать вместе с нами? А если б вас можно было обеспокоить, чтобы вы спели или сыграли для нас маленько, мы б у вас в неоплатном долгу были. Мы, видите ли, сами себя развлекаем; выходит не слишком складно, зато весело и по-домашнему.

На лице Джедуса засияла широкая улыбка.

— Медрен, право же, мне кажется, это одно из самых щедрых предложений, которые я получил с тех пор, как меня Избрали! Что скажешь, Тэлия?

Тэлия безмолвно кивнула, изумленная тем, что кто-то может искать ее общества.

— С радостью принимаем ваше предложение, и с радостью сделаем все, что в наших силах, чтобы помочь развлечь и доставить вам удовольствие.

Смуглое лицо крепыша Медрена расплылось в улыбке.

— Преогромное вам спасибо, господин Джедус. Мы б и раньше вас попросили, да только думали, что вы хотите побыть один. Но потом, когда вы и девчушка начали заниматься, ну, мы и призадумались — может, мы ошибались.

Джедус ласково положил руку на голову Тэлии.

— Полагаю, что я долго жил воспоминаниями. Пора было кому-то пробудить меня и вернуть к настоящему. Да, кстати, вы не пришлете кого-нибудь за нами, когда настанет время?

Медрен кивнул.

— Во втором часу после захода солнца, Герольд, и я сам приду. Желаете ли свое кресло-носилки?

— О, не думаю. Я отлично справлюсь с помощью своей трости и друзей, — ответил Джедус и любовно улыбнулся Тэлии.

Медрен явился минута в минуту; когда они вошли в помещение для слуг, их еще у дверей встретили восторженные приветствия. Зал, в котором они очутились, был примерно втрое больше трапезной Коллегии; в обоих его концах горели очаги, вдоль стен мерцали масляные светильники. В двух более длинных стенах имелось по двери: одна выходила в коридор, другая — в дворцовую кухню. В центре зала стояли длинные ряды столов на козлах, вокруг которых толпились свободные от дежурства слуги дворца. Джедус медленно прохромал в дверь, ведущую из коридора, ловко орудя костылем и лишь слегка опираясь на плечо Тэлии для равновесия. Девочка бережно держала обеими руками арфу: она понимала, что Джедус оказал ей большую честь, доверив нести инструмент. За пояс Тэлии была заткнута пастушья свирель, которую старый Герольд подарил ей несколько дней назад. Когда раздался приветственный шум, глаза Джедуса распахнулись и словно засветились изнутри; казалось, он даже стал выше ростом. Их обоих встречали тепло и задушевно, поскольку Тэлия, сама того не зная, уже давно снискала симпатию слуг стойкостью, с которой противилась одиночеству и жалости к самой себе. Джедус также был общим любимцем дворцовой челяди — отчасти оттого, что никогда не требовал для себя никаких привилегий, хотя давным-давно заслужил право претендовать на особое обращение, отчасти оттого, что никогда не придерживался правил этикета — ни с вельможами, ни со слугами.

Вначале был пир, яства для которого готовились одновременно с теми, что подавались сейчас в Большой Зале; слуги поочередно прислуживали за столом друг другу. После еды настал черед

развлечений. Медрен сказал правду: они были безыскусными, но зато веселье было, возможно, более искренним, чем выходило у придворных. Несколько музыкантов-самоучек заиграли простенькие деревенские танцы, и собравшиеся пустились в пляс. Плясали на все лады. Крошечная Тэлия не раз взлетала в воздух, оторванная от пола не в меру рьяным кавалером. Выступали также самодеятельные фокусники и жонглеры; представление вызывало тем большее веселье, чем более сомнительно выглядели результаты их трюков.

Когда наконец публика притомилась настолько, что ей захотелось перенести свое внимание на какой-нибудь более тихий предмет, настала очередь Тэлии с Джедусом.

Сначала Джедус играл один; казалось, его умелые пальцы сплели над собравшимися чары безмолвия. Пока он играл, во всей огромной зале не раздавалось ни звука, кроме потрескивания огня в очаге. Тишина, которая держалась еще несколько долгих мгновений после того, как смолкли струны арфы, явилась искренней и неподдельной данью таланту старого Герольда-музыканта.

Прежде чем кто-либо нарушил молчание, Джедус слегка подтолкнул локтем свою юную протезу, и Тэлия заиграла на свирели мелодии, которым научилась за время долгих, холодных ночевки в поле, когда наступал ее черед сторожить овец в пору окота. Сами по себе мотивы пастушьих песен были немудреными, но, оттененные пением арфы Джедуса, приобрели неожиданную сложность и совершенно новое звучание. Когда они смолкли, снова последовала сначала красноречивая тишина, а потом — бурные восторженные рукоплескания. У Тэлии разыграло сердце при виде сияющего, оживленного лица Джедуса. В этот момент она поняла: счастье, что они приняли приглашение и пришли сюда.

Потом Джедус играл, а Тэлия пела то, что он выбрал из старого песенника — шутивную балладу, которую он помнил еще с лет своей юности, под названием «То была темная бурная ночь». Неудержимый хохот, грохнувший, когда прозвучала последняя строчка про лютню, был таким искренним, что Тэлия зарделась от удовольствия. Теперь и она знала, каким хмелем кружат голову похвалы слушателей.

Затем они с Джедусом исполнили на заказ все песни и мелодии, какие только знали, пока Тэлия не обнаружила, что начинает клевать носом, а Джедус не признался, что у него устали пальцы. Тэлия помогла старому Герольду дойти до комнаты; как она добралась до собственной кровати, она помнила смутно. Прежде чем провалиться в сон, девочка успела подумать только, что нынешний Праздник Середины Зимы был, без сомнения, самым лучшим в ее жизни.

Глава седьмая

Вскоре после Кануна Середины Зимы во всей Коллегии и Круге Герольдов не нашлось бы друзей ближе, чем Тэлия и старый Герольд Джедус. Даже когда возобновились занятия, Тэлия всегда находила время для урока музыки и каждый вечер упражнялась в музицировании. Джедус, по-видимому, получал от общества своей ученицы такое же удовольствие, какое и она — от его, и даже то, что неизвестные мучители вскоре после конца каникул возобновили травлю Тэлии, не смогло убить в ее сердце эту радость. Иногда девочке приходило в голову, что если бы не Джедус и не Ролан, она бы не раз уже подумала о том, чтобы сдаться и убежать, хотя Тэлия не представляла, куда бы она могла податься. Без этих двух опор, поддерживавших ее, она страдала бы еще сильнее, чем в самые черные дни в Усадьбе.

Сигнал о том, что «они» все еще преследуют ее, пришел в форме очередной анонимной записки. Клочок бумаги обнаружился среди книг Тэлии как раз перед уроком музыки, и девочке оказалось нелегко привести себя в приличный вид после бури слез, которую эта записка вызвала.

Не стоило и надеяться скрыть от Джедуса, что она встревожена и расстроена: покрасневшие глаза мгновенно ее выдали. Джедус стал настаивать, ласково, но твердо, чтобы Тэлия рассказала ему, что случилось.

— Ты же знаешь, что я ни за что не скажу и не сделаю ничего против твоей воли, малышка... — голос старого Герольда был негромок, но в нем звучала повелительная нотка. Неуверенный в себе, настороженный ребенок, сменивший ту веселую Тэлию, которую он узнал и полюбил, совсем не понравился Джедусу. — Но ведь ты несчастлива, а раз несчастлива ты, плохо и мне. Я хотел бы, чтобы ты рассказала мне, почему — и кто или что тому причиной. Ты ведь, наверно, уже знаешь, что можешь мне доверять?

Тэлия медленно кивнула, сцепив руки на коленях.

— Тогда скажи, в чем заключается проблема. Может, я даже смогу помочь.

Тэлии не хотелось открываться Джедусу, но оказалось, что она не в силах устоять перед его добрым взглядом.

— В-в-вы должны пообещать мне, хорошо? Что вы никому об этом не скажете.

Джедусу пришлось пообещать — лишь бы не лишиться ее доверия; ведь он был единственным, кому доверяла девочка. Но обещание он дал с огромной неохотой.

— Если это единственное средство, чтобы ты мне рассказала — хорошо. Обещаю.

— В-вот какое дело... — начала она и постепенно рассказала Джедусу все — но только о толчках и злых проделках; о записках она умолчала. Тэлия боялась, что это настолько дико и невероятно, что даже Джедус не поверит.

Он почувствовал, что Тэлия чего-то не договаривает, и встревожился.

Однако, будучи связан обещанием, Джедус мало что мог сделать — разве что поддержать, подбодрить и дать какие-то советы. Старый Герольд надеялся, что этого окажется достаточно.

— Никуда не ходи одна — ну, это тебе уже известно. Но старайся находиться только рядом с теми людьми, которых знаешь: Шерил, Скифом, Джери. Ни один из этой троицы никогда не стал бы вредить тебе. И — вот хорошая мысль — старайся постоянно находиться в поле зрения кого-то из учителей. Сомневаюсь, чтобы даже самые ушлые хулиганы осмелились учинить что-нибудь на глазах у Герольда. И вот что, малышка... — Джедус ласково тронул рукой ее подбородок, получив в ответ слабую улыбку. — У тебя всегда есть я. Здесь никто не посмеет попробовать сделать что-нибудь против тебя, а если тебе понадобится с кем-то поплакать за компанию... ну, так у меня просто уйма носовых платков!

За эти слова он был вознагражден тихим смешком, а когда они начали урок, Джедус почувствовал, что его старания окупились сполна.

— Заводи друзей, детка, — настойчиво сказал он Тэлии на прощание, — Другие ученики-Герольды тебя не укусят. И вредить они тебе тоже не станут, а чем больше у тебя будет друзей, тем лучше ты будешь

защищена. А теперь подумай — ты когда-нибудь видела или слышала, чтобы хоть кто-то из них нарочно сделал или сказал что-то жестокое?

— Нет, — пришлось признать Тэлии.

— Я знаю, что твоя жизнь в Усадьбе была нелегкой; знаю, что люди часто намеренно причиняли тебе боль. В Коллегии все по-другому. Ты доверяешь мне — а теперь я тебе говорю, чтобы ты доверяла и им тоже. Уже одно то, что ты станешь частью группы, сделает тебя более трудной мишенью для выходок этих мерзавцев.

Джедус оказался прав — Тэлия действительно стала не такой легкой мишенью. Частота зловредных проделок ее недругов немедленно начала сокращаться.

Кроме того, хотя Джедуса и связывало обещание хранить молчание не говорить, ему помогло то, что некоторые из учителей и старших студентов — среди них Керен, Терен и Шерил — решили, что творится что-то странное и малоприятное, и у них вошло в привычку бдительно наблюдать за Тэлией. В особенности Керен уже давно приняла это решение, и, когда Тэлия вновь начала проявлять признаки подавленности, взялась слоняться поблизости от ребенка, стараясь делать это как можно более демонстративно. Мучители Тэлии скоро обнаружили, что даже прятать среди ее вещей записки, не будучи замеченными, стало почти невозможно — а быть замеченными отнюдь не входило в их планы. Не прошло и месяца, как они, по-видимому, отступились; к Тэлии вернулась жизнерадостность, и Джедус мысленно издал глубокий вздох облегчения.

Никто из них не догадывался, что назревает нечто посерьезнее, чем просто мелкие пакости.

Как Коллегия, так и Круг ошибочно предположили, что подозрения, вызванные смертью Таламира, достаточно напугали враждебную Герольдам клику, чтобы та отказалась от каких-либо серьезных попыток изгнать королевство от нового Личного Герольда Королевы. В действительности все было наоборот. На травлю Тэлии благородных недорослей подстрекали родители некоторых из высокородных «невключенных» студентов — придворные, которые лишились бы всего в случае, если бы Элспет спасли от нее самой и она стала бы не только предполагаемой, но и фактической наследницей престола.

Эти старшие заговорщики уже давно решили, как поступить с Тэлией. Если вынудить ее покинуть Коллегию окажется невозможно, от нее придется избавиться — любыми средствами, какие подвернутся под руку.

Поскольку стало ясно, что выжить ее не удастся, следующим шагом было перейти к более решительным и решающим мерам.

Для того, чтобы привести свой замысел в исполнение, они выжидали только момента, когда Тэлия совершит ошибку и останется одна. Долгожданный случай представился в самый морозный день года.

Небо, тусклое, свинцово-серое, покрывали тучи. Снег скрипел под ногами, а холод от земли пробирался даже сквозь толстые сапоги из овчины, надетые на три пары шерстяных чулок. Дул сильный порывистый ветер, и Тэлия решила пойти из класса в тренировочный зал более длинной дорогой, мимо конюшен, где можно было хоть как-то укрыться от свирепых укусов ветра.

Когда она повернула за угол, по привычке задумавшись о чем-то далеком от сегодняшнего дня, ее внезапно окружили несколько Синих. Выражение их лиц было далеко не дружеским.

Не успела Тэлия опомниться, как они схватили ее, пытаясь скрутить руки и ноги.

Тэлия была ошеломлена лишь на одно краткое мгновение, затем стала отбиваться, используя все умение, приобретенное на под руководством Альбериха. Мастер боевых искусств учил ее борьбе, в которой разрешены все приемы; Тэлия лягалась, дергала противников за волосы, кусалась без зазрения совести — и придушенные крики боли свидетельствовали о том, что она набирает очки, хотя нападающих и защищала громоздкая зимняя одежда. Как ни странно, создавалось впечатление, что Синие на самом деле не собираются причинять ей вреда, что в их намерения входит лишь зачем-то обездвигить Тэлию.

Тэлия воспользовалась этой нерешительностью противников и рванулась в просвет между двумя из них, оставив свой плащ в руках третьего.

Ей почти удалось проскочить, но тут сзади кто-то бросил ей под ноги вожжи; Тэлия запуталась, споткнулась и вниз головой полетела в яму с навозом. Ее свежее, мягкое содержимое было разведено водой. Тэлия, с ног до головы облепленная зловонной жижей, беспомощно забарахталась; ее начало рвать.

— О, бедненькая маленькая дурочка! Она сделала бяку, — проворковала одна из девушек медовым голосом. — Как это для нее ужасно!

— Возможно, ей подумалось, что она дома, — отозвался мальчишечий голос, пока Тэлия пыталась стереть нечистоты с лица и глаз. — Лучше давайте почистим ее — сама она наверняка не знает, как это делается.

Они вытащили Тэлию из ямы, схватили, прежде чем она успела вырваться, сбили с ног и засунули в рот какую-то тряпку прежде, когда она открыла рот, чтобы позвать на помощь. Потом стали по очереди захватывать пригоршнями навоз и ляпать ей на волосы и размазывать по лицу, словно в отместку за повреждения, которые Тэлии удалось, отбиваясь, нанести им. Затем выволокли ее наружу, где на ледяном ветру эта дрянь застыла коркой, так что Тэлия не могла разлепить глаз и ничего не видела. Она все еще не могла перевести дыхание после удара, который свалил ее с ног. Казалось, ей не удастся больше втянуть в легкие ни глотка воздуха. Воздух представлялся сейчас Тэлии самой важной вещью на свете.

Ее наполовину несли, наполовину волокли куда-то; удары о булыжник мощеного двора оставляли на ней многочисленные синяки и ссадины. Тэлия не могла думать ни о чем, кроме попыток восстановить дыхание; она понятия не имела, ни что они намерены делать дальше, ни куда ее тащат. Казалось, ее уже проволокли полпути до Границы!

Потом Тэлия почувствовала, что дорога пошла в гору, и начала смутно догадываться, что с ней собираются сделать. Она в ужасе забилась в руках своих мучителей.

— Отправляйся в ванночку, козочка! — пропел ненавистный мужской голос.

Тэлия, извиваясь, пыталась вывернуться и лягалась изо всех сил, но все напрасно. Враги были больше, сильнее и гораздо многочисленнее. Тэлия добилась только того, что их захват немного соскользнул, она сильно треснулась затылком о каменную мостовую и была ненадолго оглушена. Это дало ее противникам желанную передышку; Тэлия почувствовала, что ее подбрасывают в воздух, а затем ударились о ледяную поверхность реки с силой, вышибившей последние остатки воздуха из ее легких.

Вода сомкнулась над ее головой; Тэлия забарахталась, пытаясь всплыть и одновременно вытаскивая изо рта затыкающую его тряпку — затем только, чтобы наглотаться воды: она слишком рано попыталась вдохнуть. Когда она наконец вынырнула, даваясь, задыхаясь и кашляя на ледяном ветру, то услышала, как чей-то удаляющийся голос прокричал издалека:

— Прощай, дуреха. Передай от нас привет Таламиру!

Только на прошлой неделе здесь погиб один бесшабашный сорвиголова, который, желая блеснуть удалью, попытался перейти реку не по мосту, а по льду. Тэлия неистово забилась, припомнив, что в ледяной воде он протянул всего несколько секунд. Она попыталась выползти на лед — тот оказался достаточно прочным и не обламывался под ее тяжестью — но никак не могла ухватиться за скользкую кромку: окоченевшие пальцы раз за разом срывались. Промокшая одежда, особенно тяжелые, пропитавшиеся водой овчинные сапоги, тянули ко дну, течение неумолимо оттаскивало все дальше от берега. Тэлия почувствовала, как немеют руки и ноги.

Она не могла уже удерживать голову над водой, не могла и набрать достаточно воздуха, чтобы позвать на помощь. Ее рассудок взвыл в слепом страхе смерти.

Потом, словно дар богов, воздух раскололо трубное ржание, и что-то огромное и тяжелое врезалось в реку рядом с ней. Сильные зубы ухватили Тэлию за воротник и подтащили поближе к широкой, теплой, белой спине, которая, словно по волшебству, выросла подле нее.

— Ролан! — задыхаясь, выдавила Тэлия; она попыталась заставить пальцы повиноваться и схватиться за гриву или хвост Спутника; тот старался развернуться так, чтобы принять на себя как можно большую часть ее веса.

На мгновение показалось даже, что это может удаться.

Потом пальцы Тэлии разжались, и она начала соскальзывать с Ролана, увлекаемая безжалостной тяжестью одежды и силой течения. Мысли застывали, скованные холодом, неумолимым, как вода вокруг. Последняя слабая попытка удержаться на спине Спутника — и тьма сомкнулась в мозгу Тэлии так же, как вода сомкнулась над ее головой. Ее легкие вновь наполнились водой, но девочку это уже не волновало.

Что-то рвануло Тэлию за воротник; ее голова высунулась на поверхность, и упрямая искорка жизни заставила ее еще раз начать кашлять и давиться на нестерпимо ледяном воздухе.

Потом ее грубо поволокли по льду, и множество рук протянулось, чтобы втянуть ее на берег, где ее мяти, тискали и колотили до тех пор, пока она не выкашляла из легких всю воду. Ее завернули во что-то тяжелое и заставили выпить огненной жидкости, от которой на глаза навернулись слезы и перехватило дыхание. Внезапно вернувшийся слух заполнил гомон сердитых, испуганных голосов. В глазах у Тэлии чуть прояснилось, искры, которые сменили черноту, когда ее начали мять и колотить, исчезли, и она увидела вокруг встревоженные лица учителей и соучеников. Спасена...

Тэлия потеряла сознание.

Она стала приходить в себя, когда кто-то поднял ее и передал на руки всаднику. Они подлетели галопом к ступеням Коллегии. Всадник, не выпуская свою ношу из рук, спрыгнул с седла и легко, без усилий взбежал по лестнице к дверям спального отделения

Ее пронесли через полный пара тамбур в умывальную, где навстречу Тэлии протянулись другие руки, которые быстро и умело освободили ее от мокрой вонючей одежды. Спустя миг девочка вновь очутилась по шею в воде, только на этот раз вода была обжигающе горячей — блаженное ощущение для ее застывшего, одеревеневшего тела.

Тепло вновь полностью привело Тэлию в чувство — чему способствовало и то, что ее тут же принялись яростно растирать и отмывать едким мылом сразу три человека.

— Чт... — закашлялась Тэлия: горло было, казалось, освежено, — Что случилось?

— Это мы и сами хотели бы знать, — ответила Джери, остервенело намыливая ей волосы. — УХ! И в волосах полно навоза! Ролан услышал твой зов о помощи; он переполошил других Спутников, а те подняли на ноги своих Герольдов. Потом он бросился за тобой сам. Владыка Света! Видела бы ты Коллегию — она смахивала на гнездо разъяренных ос! Люди выскакивали отовсюду! Большинство из нас добралось до берега реки как раз вовремя, чтобы увидеть, как ты соскальзываешь со спины Ролана и уходишь под воду. Керен на какую-то долю секунды опередила всех остальных и нырнула за тобой прямо с седла, а сразу за ней — Шерил. Им удалось тебя вытащить... Когда я поняла, что ты жива, то поскакала сюда, чтобы разыскать Домоправительницу и приготовить все необходимое, чтобы тебя отогреть. После того, как тебя откачали, Терен привез тебя сюда. Эта бадья грязная. Надо сменить. Нет, — пресекла она попытку Тэлии приподняться, — сиди смирно, мы уж сами как-нибудь. У тебя на голове огромная шишка. Вдруг у тебя закружится голова, и ты упадешь?

Тэлию подняли и перенесли в новую бадью; хотя и в ней вода была такой же горячей, девочке все еще казалось, что она промерзла до костей.

— А они... в порядке? — с трудом выдавила она.

— Кто? Шерил и Керен? С ними все отлично. Ты что, забыла? Они же с Вечнотуманного Озера. Им не впервой спасать людей из-под льда. К тому же их тоже ждали двое всадников, чтобы отвезти сюда. Сейчас обе отмокают в бадьях с горячей водой, точно так же, как и ты.

— Да? — Тэлия подняла голову — комната закружилась у нее перед глазами — и попыталась оглядеться по сторонам. Умывальная казалась странно перевернутой, словно в зеркальном отражении.

— Что случилось с комнатой? — похоже, язык не хотел толком ей повиноваться.

— Ты в умывальной мальчишек, глупенькая, — хихикнула Джери, — Сюда было ближе. Осмотрись хорошенько — второй такой возможности может не представиться.

— Тс-с, — беззлобно одернула ее Гэйта. — Тэлия, я думаю, грязь мы с тебя смыли. Как ты себя чувствуешь?

— Все еще х-холодно.

Казалось, внутри нее ледяная сердцевина, до которой тепло не доходит. Джери и Гэйта вылили часть воды и добавили еще, погорячее. Спустя какое-то время Тэлия наконец почувствовала, что перестает трястись. Сведенные от холода мышцы начали понемногу расслабляться. Тут Тэлии в голову пришла еще одна мысль, и она попыталась сесть прямо.

— Ролан!

— С ним все в полнейшем порядке, — Джери и Домоправительница вцепились в нее и удержали на месте. — Чтобы ему повредить, надо что-нибудь почище, чем холодное купание!

— Труднее всего было вытаскивать его обратно на берег, не боясь, он даже не замерз и чрезвычайно горд собой, — сказала третья участница группы, до сих пор молчавшая. — Полагаю, у него есть на это полное право, поскольку обычно считается, что на этом этапе ваша связь со Спутником еще недостаточно прочна, чтобы вы могли позвать друг друга, даже в панике. Тебе очень повезло, что в вашем с Роланом случае это оказалось не так.

У Тэлии все плыло перед глазами, но в конце концов она смогла как следует рассмотреть эту третью женщину, та наклонилась к ней поближе, чтобы удобнее было разговаривать. Она оказалась незнакомой пепельной блондинкой с квадратным подбородком, одетой в дорожную форму Герольдов; на кожаном рукаве была вышита серебряная стрела — знак специального курьера.

— Сожалею, что нас не представили друг другу, как положено, Тэлия, — улыбнулась она. — Я — Герольд Ильза. Возможно, Керен упоминала обо мне?

Тэлия кивнула и тут же пожалела об этом. Голову расколола адская боль, в глазах еще больше все поплыло.

— Керен... собиралась... ждать вас... — выговорила она с трудом.

Ильза заметила помутившийся взгляд Тэлии, ее остановившиеся зрачки и спросила быстро:

— Есть проблемы, котенок?

— Я не очень... хорошо вижу. И голова болит.

— Вы можете определить, что с ней? — вполголоса спросила Герольда Гэйта.

Ильза слегка нахмурилась.

— Ну, я не Целитель, но технику осмотра знаю. Сиди спокойно, котенок, — обратилась она к Тэлии. — Больно тебе не будет, но в голове может возникнуть странное ощущение.

Она поймала плавающий взгляд Тэлии и заглянула глубоко ей в глаза. Мозг Тэлии ощутил нечто вроде легкого прикосновения. Чувство действительно оказалось очень странным.

Завладев вниманием Тэлии, Ильза легонько, еле касаясь, положила одну руку ей на лоб и приступила к зондированию сознания.

Одновременно она непринужденно разговаривала с девочкой, зная, что спокойный тон не даст Тэлии чересчур встревожиться, если та что-то почувствует.

— Я только-только въехала в ворота, когда поднялась тревога. У Керен с ее Спутником самая крепкая связь, которую я когда-либо встречала. Они оба уже неслись к реке прежде, чем моей Феларе удалось объяснить мне, что случилось несчастье. Мы поскакали следом, но не смогли даже сохранить первоначальный разрыв. Мысленная связь Керен с ее братом почти столь же сильна, и она, должно быть, сказала ему, что делать, даже прежде, чем мы достигли берега, потому что Терен прискакал с одеялами и веревками сразу после того, как она нырнула. Я знала, что Керен и Дантрис молодцы, но никогда не видела, чтобы кто-то двигался так, как они — я даже не думала, что можно взлететь в воздух, словно камень из пращи, и нырнуть в воду со спины Спутника на полном галопе!

Говоря, Ильза одновременно «читала» девочку, как это делали Целители, с которыми ей доводилось работать. Поскольку Ильза не получила формального обучения, как Целитель, у нее ушло на это немало времени — и она невольно вступила с пациенткой в более тесный контакт, чем намеревалась.

Голова Тэлии действительно пошла кругом: ощущение внешнего прикосновения стало еще сильнее, и она начала видеть самые что ни на есть странные вещи. Картины появлялись перед ней вспышками, смущающими и сбивающими с толку, словно увиденные глазами кого-то другого — и то, что видела Тэлия, касалось Керен и этой незнакомки — и весьма интимно. К тому же все было очень перегружено обортонами сложных эмоций...

От смущения Тэлия покраснела, как рак. Ильза и Керен — давние любовницы?! Она ведь даже не знает этой женщины; с какой стати ей в голову лезут такие дикие фантазии? Ошеломленная и сконфуженная, она подняла глаза на Ильзу.

Поняв, что именно воспринимает ребенок, Ильза поспешно разорвала контакт между ними и уставилась на Тэлию широко раскрытыми глазами. Сначала мысленный зов своему Спутнику, а теперь еще это! Ильза знала, что обладает одним из сильнейших щитов во всем Круге, и все же этот необученный ребенок с легкостью прочел то, до чего смог бы докопаться только мастер.

Допустим, щиты Ильзы могли быть немного опущены — она ведь проводила «считывание», — но для того, чтобы воспользоваться этим обстоятельством, понадобился бы опытный телепат. Да, за скромной внешностью этой девочки безусловно скрывались поразительные способности.

— Сотрясение мозга, — сказала Ильза остальным, — а если она уже была простужена до того, как упала в воду, то сейчас может начаться серьезное осложнение. Думаю, нам лучше уложить ее в теплую постель и позвать настоящего Целителя, чтобы он ею занялся.

«А мне лучше как можно скорее переброситься словечком с Керен! — подумала она про себя. — Если у этого бедного ребенка начнется жар, невозможно предсказать, что она может прочесть. Любой, кто будет дежурить возле девочки, должен иметь превосходные щиты — для ее же блага.»

Втроем они заботливо помогли Тэлии выбраться из бадьи, вытерли и укутали в самую теплую из ее ночных рубашек. Ходить ей не позволили; ее передали с рук на руки Терену, который отнес Тэлию в ее комнату, уложил в постель и укрыл несколькими одеялами. В постель заранее положили грелки, и Тэлия была рада этому, поскольку, стоило ей очутиться за дверями наполненной горячим паром умывальной, как воздух стал казаться очень холодным, и к тому времени, когда они добрались до ее комнаты, ее уже всю трясло.

Тэлия с трудом воспринимала происходящее. Казалось, ее только что завернули в одеяла, как вдруг выяснилось, что возле нее стоит человек, возникший из ниоткуда, словно по волшебству.

У незнакомца было лицо херувима, безбородое и до не правдоподобия юное; он был облачен в зеленые одежды Целителя. Он держал ладонь в какой-то доле дюйма от лба Тэлии и сосредоточенно хмурился.

Голова Тэлии между тем разболелась по-настоящему. Чувство было такое, будто кто-то с маху втыкал в ее череп обнаженные кинжалы. Все остальное тело тоже начало болеть; когда Тэлия вдыхала, в груди раздавался скрежет. Страшно хотелось закашляться, но она сдерживалась, зная, что это только вызовет новый взрыв боли в голове.

Юный Целитель убрал руку и сказал кому-то, кого не видно было из-за двери:

— Сотрясение — безусловно, хотя череп, похоже, не проломлен. И вы наверняка заметили жар — воспаление легких представляется весьма вероятным.

Его собеседник что-то шепотом ответил, и Целитель наклонился так, что его лицо оказалось на одном уровне с глазами Тэлии.

— Некоторое время ты будешь очень больной юной барышней, детка, — спокойно сказал он ей. — Все излечимо при наличии времени и терпения, но хворать будет не очень приятно. Могу я рассчитывать на твоё содействие?

— Вы хотите, чтобы я пила лекарства, да? — прошептала Тэлия, невольно скривившись. — Настой из ивовой коры?

— Боюсь, это еще не самая большая пакость из того, чем мы будем тебя потчевать, — сказал Целитель со смешком. — Сможешь сейчас проглотить первую порцию?

Тэлия кивнула самую чуточку, осторожно, чтобы голова снова не начала разламываться. Целитель несколько мгновений повозился у очага и вернулся с чашкой, в которой дымился какой-то зеленый и гнусный на вид отвар.

Он поднес чашку к губам Тэлии и поддержал ее голову, пока она пила. Тэлия как можно быстрее проглотила зелье, стараясь не почувствовать вкуса. Что бы это ни было, снадобье оказалось намного сильнее, чем настой из ивовой коры, которым пользовала простывших детей Келдар, поскольку Тэлия обнаружила, что боль в голове начинает ослабевать. Утих и бывший ее озноб. В скором времени она уже крепко спала.

Когда Тэлия проснулась, в комнате горел очаг и свечи. В тених подле ее кровати кто-то сидел; тихие звуки арфы сказали Тэлии, кто это.

— Герольд Джедус? — прошептала она: говорить она не могла — слишком ободренным и воспаленным было горло.

— Что так официально, дружок? — спросил старик, отставляя арфу и наклоняясь, чтобы положить руку на горячий лоб Тэлии. — Как ты себя чувствуешь?

— Устала. Холодно. Голова болит. Все болит!

— Есть хочешь?

— Пить, — просипела она. — Почему вы здесь?

— Ну, что касается пить, то делу можно помочь, если ты пожелаешь выпить еще одно из злодейских зелий Девана. А что до того, почему я здесь, то это довольно просто. Пока ты болеешь, тебе нужен кто-то, кто бы тебе помогал, а у меня есть уйма времени для моего друга Тэлии. — Джедус протянул ей кружку с зеленым снадобьем, которое она уже пила раньше, одобрительно кивнул, когда Тэлия как можно быстрее опрокинула ее содержимое в себя, забрал опустевшую кружку и вручил взамен другую, с бульоном. — Приглядывать за тобой мы будем по очереди, так что обо мне не беспокойся, и не удивляйся, если увидишь Ильзу или Керен. А, Деван! Она проснулась, как вы и предсказывали.

В поле зрения Тэлии, бесшумно ступая, вошел все тот же Целитель и улыбнулся ей.

— Ты крепкая малышка, верно? Иногда в том, чтобы быть уроженцем Приграничья, как мы с тобой, имеются свои положительные стороны.

Тэлия по-совиному моргала на него поверх своей кружки.

— Сколько еще... болеть? — прохрипела она.

— Несколько недель; возможно, дольше. И тебе сначала станет хуже, а потом уж лучше. Хороший я утешитель, верно?

Тэлии удалось выжать слабую улыбку.

— Лучше уж правда.

— Я так и подумал, что ты, вероятно, предпочтешь ее. Когда жар усилится, тебе могут начать мерещиться разные вещи. С тобой рядом всегда будет кто-нибудь, так что не тревожься. Что, начинает клонить в сон?

— Угу, — подтвердила она.

— Допивай это и отдыхай. Оставляю тебя в надежных руках Герольда Джедуса.

И Давай вышел так же тихо, как и появился.

— Еще чего-нибудь хочешь, малышка? — спросил Джедус; в его голосе явственно сквозило облегчение.

Тэлия рассеянно отметила, что уверенность Целителя прогнала какую-то мучившую Джедуса тревогу. Он взял пустую кружку из отяжелевших пальцев Тэлии.

— Поиграете мне? — прошептала она.

— Одно твоё слово, — отозвался Герольд, необычайно польщенный и удивленный просьбой.

Тэлия уплыла в сон под тихие переборы струн.

Проснувшись она в смятении от боли и каких-то тягостных, отвратительных снов; кто-то — возможно, Ильза — успокоил ее и уговорил выпить еще лекарства и бульона.

Еще множество раз Тэлия в полусне послушно проглатывала питье, которое подносили к ее губам, позволяла отводить себя в умывальную и уборную и обратно. В остальном Тэлия не осознавала окружающего. Она попеременно то горела в жару, то стучала зубами в ознобе. В ее снах крепковеры и люди из Коллегии перемешались и совершали самые нелепые поступки.

Когда сны становились страшными, кто-нибудь всегда прогонял их — игрой на арфе или ласковым прикосновением рук.

Наконец в один прекрасный день Тэлия очнулась полностью и увидела, что в окно ее комнаты льется солнечный свет. Жутко болела голова; Тэлия пощупала затылок и сморщилась от боли, когда пальцы наткнулись на шишку.

— Болит, да? — сочувственно сказал резкий голос со стороны стоящего подле кровати кресла. Осторожно повернув голову, Тэлия увидела, что пост, который на ее памяти в последний раз занимал Джедус, теперь приняла Керен. Она непринужденно развалилась в кресле Тэлии, положив ноги на стоящий рядом столик.

И еще у нее на коленях лежал вынутый из ножен меч.

— С вами все в порядке! — прохрипела Тэлия с облегчением.

Керен вздернула в ее направлении бровь.

— Ты забываешь, маленький кентавр: я нырнула по собственной воле. Стало быть, мое погружение было чуточку более контролируемым, чем твоё. Знаешь, тебе чертовски повезло, что ты здесь. Когда ты перестала держаться за Ролана, тебя затянуло прямо под лед. Я еле смогла дотянуться. На три пальца дальше — и мы не нашли бы тебя до самой весенней оттепели.

Казалось, Тэлия снова видит вещи чужими глазами — и не только видит, но и чувствует. Она ощутила жуткий страх — чужой страх — и увидела себя, как ее затягивает под толстую корку льда, покрывающего большую часть реки. И еще она увидела то, что за этим последовало.

— Вы нырнули под лед вслед за мной... — сказала она в благоговейном ужасе, — Вы же могли погибнуть!

Керен чуть не поперхнулась.

— Сети Владычицы, Ильза была права! Мне лучше следить за своими мыслями, когда я вблизи тебя, детка. Мы можем поделиться друг с другом большим, чем нам обоим бы хотелось! Чтобы сменить тему — да, раз уж ты знаешь, это было чертовски опасное дело. Нам обоим повезло, что за спиной у меня оказалась Шерил. Когда я тебя зацепила, она смогла вытащить нас обоих из-под льда. Правда, помогло то, что у меня хватило ума сорвать с седла Ильзы запасную веревку и обвязаться ей по пути к реке. Когда Шерил увидела веревку, которая тянулась за мной из-под льда, она ухватила за конец. Хорошо, что ей доводилось самой спасать людей, провалившихся в полыньи.

— Она тоже цела?

— О, она не такая жилистая старая змеюка, как я; она подхватила простуду. Можешь ее не жалеть: поскольку тебя мы поместили вне пределов досягаемости, остальные ученики принялись наперебой вокруг нее суетиться. Шерил — их героиня; они уложили ее в постель и безотлучно дежурили у нее в ногах и у изголовья до тех пор, пока у нее даже насморк не прошел.

— Что вы имеете в виду — поместили вне пределов досягаемости? Зачем? И зачем вы вынули меч. О

чем вы умалчиваете?

Керен сокрушенно покрутила головой.

— Ты выглядишь такой наивной... невинной, беспомощной... но, даже полумертвая от сотрясения мозга и воспаления легких, ты мало что упускаешь, правда? Ах, малышка, нет смысла пытаться скрыть это от тебя. Мы тебя охраняем. Тех, кто бросил тебя в реку, поймали: в Крыле Слуг у тебя есть друзья, которые засекли их, когда они входили, перемазанные в навозе. Они клялись, что это была только «шутка» — хороша шуточка! — и все, что королева могла сделать в соответствии с законом, это прогнать их от двора и Коллегии. Формально, поскольку не нашлось никаких свидетелей, которые опровергли бы их слова, она ничего другого не могла предпринять. Ну, я лично сняла бы им головы с плеч, — Тэлия почувствовала гнев, который таился за ласковым выражением лица Керен, — или, скорее, содрала шкуры; но я не королева, а по закону она смогла сделать только это. Поскольку тебе удалось пережить их «шуточку», она не могла даже наложить на мерзавцев Заклятье Правды.

— Один из них велел мне передать от них привет Таламиру... это было перед тем, как появился Ролан, — сказала Тэлия.

Керен присвистнула, и Тэлия почувствовала, как закипает в ней негодование.

— Проклятье! Жаль, что мы не смогли рассказать Совету об этом, когда этой шайке предъявляли обвинение! Ну, да им и так никто не поверил, поэтому Ильза, Джедус и я по очереди охраняем тебя; Мерио сам готовит для тебя всю еду, а Терен приносит ее сюда прямо из его рук.

— И Джедус? — Тэлия с сомнением взглянула на меч на коленях Керен.

— Не впадай в заблуждение, считая, что, раз у него не хватает ноги, то он беспомощен, милочка. Все то время, что Джедус находился здесь, под рукой у него лежал арбалет, а внутри этой его тросточки спрятан клинок. Всякого, кто попробовал бы напасть на него, ждал бы большущий сюрприз.

— Неужели все так серьезно? — спросила Тэлия, начиная испытывать нешуточный страх.

— Опасность достаточно реальна, чтобы принять несколько простых мер предосторожности. Мы и так теряем достаточно членов Круга, и не намерены потерять тебя по беспечности. — Керен помолчала, а потом добавила (полу-сердито, полу-обиженно). — И в следующий раз, детка, говори кому-нибудь, если что-то не так! Мы могли бы избежать всего этого... может быть, поймать тех, кто грыз тебе хвост, кто бы они ни были. Проклятье, Герольды всегда держатся друг за друга! Ты что, думала, мы тебе не поверим?

— Я... да... — проговорила Тэлия и ужаснулась: язык опять ее предал. К еще большему ужасу девочки, по ее щекам медленно потекли слезы, и она не в силах была их сдержать.

Спустя мгновение Керен вскочила с кресла и очутилась подле Тэлии, прижимая ее голову к своему твердому плечу; гнев немедленно сменился сочувствием и раскаянием.

— Детка, родненькая, я не хотела тебя расстроить. Ты нужна нам, мы любим тебя — нас бы просто убило, если бы мы тебя потеряли. Тебе нужно научиться доверять нам. Мы — твоя семья. Нет, мы больше, чем семья. И мы никогда, ни за что тебя не покинем. Что бы ни случилось.

— Простите... я не... — всхлипывала Тэлия, пытаясь снова взять себя в руки и отодвигаясь от Керен.

— Не нет, а да. Тебе пора выплеснуть это наружу, — приказала Керен. — Плачь, сколько хочется. Если мой брат прав — а обычно он прав — то в том, что касается плача, тебе нужно очень многое наверстать.

Невозможно было устоять перед этой искренней заботой и пониманием. Барьеры, уже ослабленные дружбой с Джедусом, рухнули и рассыпались, и Тэлия благодарно прижалась к плечу Керен. Керен обнимала ее, словно собственного ребенка, давая выплакаться. Тэлия плакала долго, до полного изнеможения.

— Полегчало? — спросила Керен, когда высохли последние слезы.

Тэлия слабо улыбнулась.

— Вроде.

— Если не считать того, что теперь у тебя болит голова и жжет глаза. В следующий раз не давай горю

так долго накапливаться. В конце концов, для того и существуют друзья — помогать в случае неприятностей. А теперь о твоей «новой» способности читать мысли...

— Так это правда? Значит, я действительно чувствую то, что чувствуете вы? И вы с Ильзой... — Тэлия в смущении осеклась. — Но откуда это у меня взялось? Раньше я такого не умела!

— Ты по-прежнему принимаешь от меня? О черт! — Керен слегка нахмурилась, сосредоточиваясь, и Тэлию внезапно перестали пронизывать приходящие извне разнообразные эмоции. — Так лучше? Хорошо. О, ты правда читаешь мысли, можешь не сомневаться, причем читаешь обескураживающе безошибочно. Только члены Круга знают обо мне и Ильзе: мы не смогли бы скрыть от них наши отношения, даже если бы захотели — ведь вокруг нас сплошь Одаренные. Мы с Ильзой связаны на всю жизнь; ты, наверно, не слышала, что такое любовь-судьба, а?

— Как у Ваниэля и Стефена? Или Солнцепевца и Танцующей-В-Тени?

Керен поглядела на Тэлию в полном изумлении. Хотя с другой стороны, учитывая склонность девочки к сказкам, то, что она все-таки слышала о любви-судьбе, было не так уж удивительно. Такого рода связь, редко встречающаяся среди Герольдов и еще реже — среди обычных людей, являлась узами очень особого рода, чем-то неизмеримо большим, чем просто физическая связь.

— Не так драматично, но да, как у Ваниэля и Стефена. Ну, я полагаю, что твой Дар преждевременно пробудился либо от удара по голове, либо от сильного душевного потрясения. Так иногда случается. Если бы ты не была Личным Герольдом Королевы, мы бы еще несколько лет и не помышляли о том, чтобы обучать тебя, как им пользоваться, но ты — особый случай. А сама ты хочешь, этому научиться?

— Пожалуйста... только не еще один предмет... — жалобно сказала Тэлия..

Керен не удержалась от смешка.

— Тогда ладно, милая, оставим все как есть. Может быть, когда у тебя заживет голова, твои новые способности исчезнут; мне случалось видеть такое прежде. Но если они начнут тебе мешать, скажи одному из нас, хорошо? — Она замолчала и задумчиво посмотрела на Тэлию. — А тебя не беспокоит то, что ты узнала... насчет Ильзы и меня?

— Нет, — ответила Тэлия с некоторым удивлением. — А разве должно? Я имею в виду... в Усадьбах множество... э... — она снова покраснела, — «особых подруг».

— Да ну? — Керен приподняла бровь. — Вот уж никогда бы не подумала, ваши крепковеры же такие твердокаменные. Хотя, полагаю, это не лишено смысла... вся эта куча Младших Жен, и чертовски немногие из них выходят замуж по любви. — Она заметно расслабилась. — Не стану отрицать, я рада услышать это от тебя. Ты во многом придерживаешься старых взглядов, милая; я начинаю считать тебя не столько ученицей, сколько своим другом, и мне бы страшно не хотелось, чтобы что-нибудь стало препятствием для нашей дружбы.

— Я? Ваш друг? — Тэлия была явно поражена.

— Удивлена? Джедус тоже считает тебя своим другом, а он ни перед кем не раскрывался вот уже много лет. В тебе есть что-то, что я затрудняюсь точно определить... Иногда ты кажешься настолько старше своего возраста! Может, это оттого, что ты Личный Герольд Королевы. Видит Владычица, я не настолько стара, чтобы знать Таламира пареньком. Но ты кажешься человеком, которого я знаю и кому доверяю уже много лет. Как младшая сестра. Быть может, столь же близкая, как мой брат-близнец — что чертовски странно, учитывая, что у меня есть племянница и племянник примерно твоего возраста, но с ними все совсем иначе. И я не единственная, кто так к тебе относится. Как я сказала, есть еще Джедус и Шерил, и Скиф, и, вероятно, еще кто-то.

Тэлия с удивлением переваривала эту новую для себя мысль.

— Ну, хватит об этом, — Керен потрясла головой. — Как там твоя черепушка?

— Ужасно.

Керен встала и ласково, умелыми пальцами исследовала шишку.

— Милочка, тебе здорово повезло: угоди они чуть пониже, или же в висок, и ты была бы без сознания

или парализована, когда ударилась об воду. Ты бы ушла на дно как топор, даже кругов бы не осталось, и мы бы так никогда и не узнали, что с тобой случилось. Как ты думаешь, сможешь проглотить еще немного этого гнусного зеленого пойла? Оно, во всяком случае, снимает боль.

Тэлия с трудом кивнула, и Керен принесла ей кружку варева, а потом вернулась в свою прежнюю позицию в кресле: ноги задраны на стол, меч на коленях.

— Сколько занятий я пропустила?

— Ничего такого, что ты не сможешь быстро нагнать, тем более, что ты будешь освобождена от дежурств и нежных ласк Альбериха до тех пор, пока полностью не оправившись. Если будут какие-то нелады со зрением, мы будем читать тебе вслух, и каждый в Коллегии рвется одолжить тебе свои записи. Ну как, сойдет?

Тэлия как раз собиралась ответить, когда где-то поблизости раздались глубокие, мрачные удары колокола.

При первом же ударе Керен резко вскинула голову и застыла.

— Проклятье, — сказала она тихо, но с горечью. — О, проклятье.

— В чем дело? — Тэлии не понравилось напряжение и боль на лице Керен. — Что случилось?

— Это Колокол Смерти, — Керен невидяще уставилась в окно, не замечая текущих по щекам слез. — Он звонит, когда умирает Герольд. Значит, ублюдки добрались до еще одного из нас. О, боги, почему им должен был оказаться бедняга Бельтрен?

Глава восьмая

Спустя несколько минут после того, как зазвучали угрюмые удары колокола, кто-то постучал в дверь комнаты Тэлии. Прежде чем Керен успела откликнуться, внутрь просунулась голова Скифа.

Керен опустила клинок, который уже нацелила на вход.

— Керен... — с запинкой сказал Скиф, — меня прислал ваш брат. Он подумал, что вы, может быть, захотите побыть вместе с остальными. Я могу посидеть с Тэлией.

Керен с видимым усилием овладела собой.

— Ты уверен? Я знаю, что ты воображаешь себя крутым, малыш...

Тэлия даже не заметила, чтобы Скиф шевельнул рукой, но внезапно в стену, меньше чем в дюйме от носа Керен, что-то со стуком ударилось. Обе удивленно уставились на дрожащую рукоять метательного ножа, глубоко вошедшего в деревянную панель.

— Ха! — только и сказала Керен.

— Если бы на вашем орлином носу сидела муха, я мог бы снять ее, не задев вас, — серьезно, без тени обычного хвастовства сказал Скиф. — Я знаю, что во всем остальном мне еще учиться и учиться, но в этом меня не переплюнуть даже Альбериху.

Он поднял правую руку, в которой был зажат нож под пару первому.

— Каждый, кто попробует ворваться сюда, получит в глотку шесть дюймов стали.

— Поверю тебе на слово, — сказала Керен, поднимаясь и вкладывая меч в ножны. — Но ты можешь об этом пожалеть, поскольку я, вероятно, устрою, чтобы отныне ты тоже дежурил при Тэлии.

— Тоже мне угроза. Я и сам вызывался, но Ильза не захотела принимать меня всерьез.

— Ну, а я принимаю. — Керен прошла мимо, поманив его в комнату. — И, малыш... Спасибо. У тебя доброе сердце.

Скиф только пожал плечами и вытащил нож из стены.

— Что происходит? — хрипло прошептала Тэлия, когда дверь за Керен затворилась. — Что за Колокол Смерти?

Скиф уселся на ее стол, закинув ногу на ногу; его лицо хранило непривычно серьезное выражение.

— Даже не знаю, с чего начать.

— С Колокола.

— Ладно. Я не знаю, что тебе известно, поэтому начну с самого начала. Когда-то в роще на Спутниковом Поле стояла маленькая часовня; ее построил король Вальдемар. Там была колокольня, но колокол на ней появился только перед самой его смертью. Точнее, его повесили как раз накануне того дня, когда умер король, но веревки, чтобы звонить, еще не привязали, языка тоже не было. Поэтому можешь себе представить, каково было изумление людей, когда на следующее утро перед рассветом зазвонил какой-то незнакомый колокол. Вышли посмотреть, что происходит, и увидели то, что увидела бы ты, если бы вышла сейчас на Поле: все Спутники собрались вокруг колокольни и смотрели на нее. А когда люди вернулись во дворец, то узнали то, что уже знали Герольды — что Вальдемар умер. Часовни давно нет, но колокольня все еще стоит — и каждый раз, когда умирает Герольд, звонит Колокол Смерти.

— А Керен?

— Каждый Герольд знает, когда умирает другой, и умер он естественной смертью или его убили. Ты вроде как начинаешь чувствовать это, обычно примерно на третьем году здесь — а если твой Дар силен, то и раньше; ко мне это еще не пришло. Мне говорили, что от этого больно так, словно умирает часть тебя самого; те, у кого наиболее сильный Дар, могут даже уловить подробности того, как это произошло. А Полные Герольды, те с первым же ударом Колокола всегда знают, кто погиб, и немного о том, как. Большинству из них легче, если они на некоторое время собираются вместе, особенно если умирает кто-то,

кого они близко знали. Поэтому Терен и послал меня — Бельтрен был однокашником Керен.

Тэлия не знала, что сказать в ответ. Они со Скифом долго хмуро смотрели в окно, слушая удары Колокола: холодный, тяжелый, рыдающий звон.

Несколько дней до Коллегии не доходило никаких вестей о том, какая участь в действительности постигла Бельтрена. Когда же известие пришло, оно было нерадостным. Кто-то или что-то напало на него из засады и сбросило и Бельтрена, и его Спутника с края обрыва. Не было никакого ключа к тому, кто убийца — и если королева и знала, что стало причиной нападения, она никому об этом не обмолвилась.

С каждым уходящим днем обстановка в Коллегии становилась все более тягостной и скорбной. Благодаря своей новообретенной чувствительности Тэлия болезненно ощущала ее, а слабость, одолевавшая ее в ходе выздоровления, делала это бремя еще тяжелей.

Скиф (Керен выполнила свою «угрозу», и он теперь тоже дежурил в комнате Тэлии в очередь с тремя взрослыми) изо всех сил старался развеселить подругу, рассказывая ходящие в Коллегии сплетни и всякие нелепые истории, но даже он не мог полностью ослабить действие, которое оказывала на Тэлию скорбь окружающих.

Наконец королева отдала приказы — и Герольды, повинувшись им, полетели, как стрелы, которыми их прозвали. Тэлия так никогда и не узнала подробностей, но убийца был пойман — хотя даже известие, что он найден и осужден королевой и Советом, нисколько не развеяло атмосферу боли, так как погибшего Бельтрена высоко ценили все без исключения члены Круга.

Несколькими неделями позже вся Коллегия и все члены Круга при дворе собрались на поминальную службу. Как это слишком часто случалось с Герольдами, даже тела, чтобы похоронить, не было, и молебен служили возле одинокого обелиска, хранящего имена всех Герольдов, отдавших жизнь за монарха и королевство.

Тэлии еще только-только разрешили вставать с постели, но что-то заставило ее попросить Целителя, Девана, позволить ей присутствовать на траурной церемонии. Настойчивость просьбы произвела впечатление на Девана: его подопечная явно чувствовала, что ей совершенно необходимо пойти на молебен. Молодой Целитель махнул рукой на собственный здравый смысл и дал разрешение. Тэлия еще никому не признавалась, как сильно на нее действует скорбь окружающих; она надеялась, что Керен была права и ее восприимчивость притупится. А поскольку ей не раз говорили о ее чересчур живом воображении, девочка не могла быть всецело уверенной в том, в какой степени это реально, а в какой, возможно, только мерещится ей.

Вся церемония воспринималась ею как-то нечетко; казалось, все размыто захлестнувшим ее чувством тоски и утраты. Тэлия отстояла службу, словно окутанная туманом боли, однако теперь она больше не сомневалась, что это не плод самовнушения.

Когда собравшиеся начали расходиться, источник воспринимаемой ею муки стал четче и наконец определился.

Им оказалась королева.

Тэлия не подходила близко к Селенэй с того первого дня в Коллегии; она не посмела бы побеспокоить ее, если бы душевное смятение королевы не притягивало ее с такой непреодолимой силой. Стараясь ступать как можно тише, Тэлия робко приблизилась к ней.

— Ваше величество! — окликнула она неуверенно. — Это я, Тэлия.

— Я послала его на смерть, — произнесла Селенэй, словно в ответ на какой-то внутренний вопрос. — Я знала, на что его посылаю, и все равно послала. Я убила его так же верно, как если бы собственными руками столкнула его с того обрыва.

Боль и самобичевание в словах королевы словно нажали на какую-то пружину внутри Тэлии, задели нечто, что побудило ее ответить:

— Почему вы пытаетесь убедить себя, что Бельтрен не знал, какая опасность ему грозит? — спросила

она, зная, что говорит чистую правду, но не представляя, откуда ей это известно. — Он полностью отдавал себе в этом отчет, и, несмотря на это, поехал. Конечно, он не ожидал, что погибнет, но знал, что такая вероятность существует. Ваше величество, мы все знаем, что это может случиться, и в любую минуту. У вас тоже не было выбора — ведь было абсолютно необходимо послать туда кого-нибудь?

— Да, — неохотно ответила Селенэй.

— И разве Бельтрен не был лучшим — а, быть может, и единственным — из Герольдов, кто мог выполнить эту задачу?

— Он был единственным Герольдом, который мог надеяться убедить тамошних жителей дать нужные мне сведения. Бельтрен три года работал там моим агентом, и его знали и доверяли.

— А разве ему не удалось переслать вам эти сведения. Могла ли им быть какая-нибудь замена?

— То, что он прислал мне, поможет нам избежать войны, — вздохнула Селенэй. — Даже среди правителей шантаж иногда творит чудеса, и я с легким сердцем буду шантажировать Релнетара, если это заставит его держаться в пределах своих границ и удержит от нападения на Вальдемар. Видит Владычица, я испробовала все другие способы добиться этого...

— Значит, у вас совершенно не было выбора: вы действовали на благо всего вашего народа. Это — то решение, которое можете принять вы, и только вы. Ваше величество, на занятиях по ориентации мне простыми и ясными словами сказали, что для любого Герольда существует большая вероятность погибнуть прежде, чем ему придется задуматься об уходе в отставку по старости. Это говорят всем — но это не остановило никого из тех, кто собирался стать Герольдом. Это — то, что мы должны делать, точно так же, как принятие трудных решений — ваша обязанность. А за всем этим, думаю, кроется одно: мы все должны выбирать и поступать так, как считаем правильным, вы — как королева, мы — как ваши Герольды. Я знаю, что если бы Бельтрен мог сейчас, в эту минуту, стоять здесь, он сказал бы вам, что вы сделали единственно правильный выбор.

Королева, не отрываясь, смотрела на Тэлию; ее глаза блестели от слез, но Тэлия чувствовала, что сжигавшая ее внутренняя мука утихает.

— Детка, — сказала Селенэй медленно, — ты сама едва не погибла из-за моих действий — вернее, бездействия. Неужели ты можешь стоять здесь и утверждать, что была бы рада умереть?

— Нет, — честно призналась Тэлия. — Я ужасно боялась... Мне не хотелось умирать, и сейчас не хочется, но если это случится — значит, случится. Я сделала свой выбор, решив стать Герольдом, и даже если бы знала, что завтра умру, все равно бы не передумала.

— Ох, Тэлия... девочка... — Королева села, почти упала, на край памятника, и Тэлия робко дотронулась до нее, потом присела рядом и обняла одной рукой за плечи; она чувствовала себя странно и немного неловко, но тем не менее что-то словно подталкивало ее изнутри. По-видимому, она поступила правильно, потому что Селенэй внезапно обмякла и заплакала, хоть ненадолго позволив себе роскошь опереться на кого-то еще, кроме собственной внутренней силы.

— Ты же совсем ребенок — когда ты успела стать такой мудрой? — наконец сказала королева, успокаиваясь. — Ты еще и года не провела в Коллегии, и все же ты — истинный Личный Герольд Королевы. Думаю, Таламир похвалил бы тебя... — Она грациозно поднялась; лицо ее снова стало невозмутимой маской. Тэлия чувствовала, что, хотя королева по-прежнему скорбит, бремя вины перестало давить ей на плечи.

— Но ты еще нездорова, маленькая, и, я вижу, твои сиделки уже тебя разыскивают. А я должна встретиться с посланцем Карса и выписывать вокруг него дипломатические вензеля, пока он не убедится окончательно, что у меня есть доказательства двойной игры его господина. Спасибо тебе, Личный Герольд Королевы.

Она повернулась и быстро пошла назад во дворец, разминувшись на полпути с Тереном и Керен.

— Когда ты не вернулась вместе с остальными, мы начали беспокоиться, — принялся почти отчитывать Тэлию Терен. — Целитель Деван хочет снова уложить тебя в постель.

— Ты выглядишь так, словно тебя пропустили через мясорубку, милочка, — заметила Керен. — Что случилось?

— Королева... Она была такая несчастная, такая виноватая. Я это почувствовала и просто обязана была что-то сделать...

— Поэтому ты пошла поговорить с ней, — Керен удовлетворенно кивнула своему брату-близнецу. — Казалось, все нужные слова сами льются с языка, верно?

— Как вы догадались?

— Милочка, вот поэтому-то ты — Личным Герольд Королевы, а мы, остальные, — обычные Герольды. Дедушка часто жаловался, что никогда не знает заранее, что скажет королю, но то, что он говорил, всегда оказывалось как раз тем, что нужно. Доверяй своему чутью.

— Дедушка? — в полном недоумении переспросила Тэлия.

— Таламир был нашим дедом, — пояснил Терен. — Думаю, втайне он надеялся, что один из нас станет его преемником.

— Ну, я лично на это не надеялась, — твердо заявила Керен. — После того, как я насмотрелась на то, в каком аду он жил, я бы ни за какие коврижки не захотела этой должности. Я тебе не завидую, Тэлия, нисколько не завидую.

— Согласен, — кивнул Терен. — Тэлия, у тебя такой вид, словно ты еле стоишь на ногах. Теперь-то, когда, ты выполнила свой долг, с тобой все будет в порядке?

— Думаю... думаю, да, — ответила она медленно: теперь, когда невероятный груз скорби остальных Герольдов понемногу рассеивался, ей действительно стало лучше.

— Тогда давай-ка отведем тебя обратно в комнату, а я потолкую с Элкартом. Уж что-что, а как закрываться так, чтобы не взваливать на себя больше чужих переживаний, чем тебе по силам, мы тебе показать должны. Если твой Дар не исчез до сих пор, то он и не исчезнет, — сказала Керен, и ее брат согласно кивнул.

Керен сидела с Тэлией, пока не появился Элкарт, потом оставила их одних. Тэлия осторожно уселась на краешек стула, сосредоточиваясь на том, что скажет ей Элкарт, боясь упустить что-то особенно важное. Она начинала думать, что ей больше не выдержать присутствия чужих чувств и мыслей внутри себя. Если есть способ прекратить это, она от всей души хочет ему научиться!

Но это «прикрытие», или «щит», оказался очень простой штукой — что очень порадовало Тэлию.

— Думай о стене, — сказал ей Элкарт. — Стене, которая окружает тебя со всех сторон и стоит между тобой и всеми остальными. Увидь ее и почувствуй — и поверь, что ничто и никто не сможет добраться до тебя сквозь нее.

Тэлия сосредоточилась изо всех сил, и впервые за много дней к ней пришло блаженное чувство освобождения от натиска окружающих переживаний. По мере того, как слабел их напор, ее уверенность в «щите» все возрастала — а в ответ все крепче становился щит. Наконец Элкарт убедился, что ничто не может проникнуть сквозь построенную ею стену, и предоставил Тэлию самой себе.

— Однако никогда не бойся опустить щит, — предупредил ее декан, — Особенно, если подозреваешь какую-то опасность: твой Дар способен предупредить тебя раньше, чем все остальные чувства.

Тэлия задумчиво кивнула: ей подумалось, что, если бы она в свое время смогла определить, насколько велика на самом деле злоба ее мучителей, это могло послужить достаточным предупреждением. Она попросила бы защиты задолго до того, как события подошли к завершению, едва не ставшему для нее роковым.

Несколько дней спустя Целитель объявил, что она здорова, и Тэлия вернулась к своим обычным занятиям. Внешне ее жизнь пошла почти так же, как прежде, однако в ней произошли некоторые глубинные изменения.

Первая перемена касалась ее связи с Роланом: теперь она стала намного сильнее и не шла ни в какое сравнение с тем, что было до падения в реку.

Тэлия обнаружила это вскоре после того, как научилась защищаться от переживаний других.

Она сидела в тихом уголке Библиотеки; она только что дочитала книгу и закрыла ее с чувством удовлетворения, поскольку повесть закончилась на радостной ноте. До следующего занятия оставалось слишком мало времени, чтобы браться за новую книгу, поэтому Тэлия решила просто посидеть с закрытыми глазами, позволив мыслям блуждать где им вздумается. Конечно же, они вскоре начали блуждать вокруг Ролана.

Внезапно Тэлия увидела угол Спутникова Поля, но картина выглядела странно искаженной и плоской. Взгляд прямо вперед не получался — там, похоже, располагалось слепое пятно, а боковое зрение сдвоилось; кроме того она, казалось, стала выше ростом. Появилось легкое чувство дезориентации, которое Тэлия привыкла связывать с моментами, когда она проникала в воспоминания других и видела происходящее их глазами...

Потом пришло удивление, а следом — всплеск любви и приветия. Именно тогда Тэлия и поняла, что вошла в мысли Ролана.

С этого момента ей достаточно было только подумать о нем, чтобы точно узнать, где он и что делает, а если она закрывала глаза, то могла даже видеть то, что видит Спутник. Мысли и образы — но не слова — постоянно текли от одного к другому и обратно. Теперь их связывало чувство столь глубокое, что превосходило все, что, насколько Тэлия знала, когда-либо вкладывалось в слово «любовь», и она понимала, почему Герольды и их Спутники так редко переживают друг друга, когда смерть разрывает связывавшие их узы.

Вскоре после этого в ее отношениях с королевой тоже произошел крутой перелом.

Селенэй покинула заседание Совета и удалилась, как в убежище, в еще голый сад — туда, где, учитывая, что зима еще не до конца миновала, ее вряд ли могли побеспокоить. Тэлия обнаружила, что ее с непреодолимой силой тянет в тот же сад; увидев королеву, меряющую шагами дорожки, она поняла, почему.

— Ваше величество! — окликнула она негромко.

Селенэй заслонила глаза от слабого полуденного солнца и улыбнулась, узнав своего Личного Герольда.

— Еще одна любительница запустения? А я-то думала, что я — единственная, кому нравится гулять в мертвых садах.

— Но в них скрыта возможность расцвета. Нужно только разглядеть то, что будет тут весной, — заметила Тэлия, приноравливаясь к шагам королевы. — Сад не столько мертв и заброшен, сколько дремлет. Дело только в том, чтобы увидеть возможности.

— Увидеть возможности... отдаленные, а не сиюминутные, — Селенэй погрузилась в глубокую задумчивость, потом ее лицо начало светлеть прямо на глазах. — Да! Это именно то, что нужно! Маленькая, ты снова помогла мне — и я должна вернуться на Совет. Спасибо тебе...

Она торопливо пошла прочь, оставив Тэлию гадать, что же она такого сделала.

Но время шло, и такого рода происшествия становились все более обычным делом. И, когда зима сменилась весной, чаще уже не Тэлия искала королеву, а наоборот. Время от времени Селенэй отправлялась на розыски своего Личного Герольда; они обычно прогуливались вместе, — иногда часами, иногда всего несколько секунд. Тэлия находила слова, которые, как она знала, нужно было услышать королеве, и Селенэй уходила, успокоенная и полная сил. Тэлия подчас испытывала замешательство: казалось, что в ней живут два человека. Один — обычная Тэлия, не более мудрая, чем любой из ее ровесников-подростков, а другой — какое-то невероятно знающее и древнее существо, которое проявлялось только в присутствии королевы.

Приняв на себя таким образом обязанности Личного Герольда Королевы, Тэлия вспомнила и о других.

Очевидной причиной того, что Ролан Избрал ее, явилось то, что она, возможно, тот самый человек, который сможет перевоспитать Отродье, — и все же за все время, проведенное в Коллегии, она видела Элспет лишь однажды, и то в день своего приезда. Правда, до сих пор Тэлия была слишком занята, стараясь освоиться в Коллегии, и у нее не оставалось ни времени, ни душевных сил на то, чтобы заниматься избалованным ребенком. Однако теперь положение изменилось. В отношении Предполагаемой Наследницы определенно настала пора что-то предпринимать. ***

— Боги! Что за кислая физиономия! — воскликнул Скиф, плюхнувшись на стул рядом с Тэлией и заработав несколько косых взглядов от сидящих поблизости учеников-Герольдов, в Библиотеке галдеть не полагалось. — В чем дело? Или это секрет? — продолжал он уже вполголоса.

— Дело в Отродье. Мне положено что-то делать с принцессой, а я даже близко к ней подойти не могу! — мрачно, с отвращением к самой себе ответила Тэлия.

— Ах, вот как? А что тебя не пускает?

— Ее няня... я думаю. Иностранка, Хулда — старой я не видела. Но я не могу ничего доказать. Она с виду такая приветливая, добросовестная — просто излучает уважение и желание помочь, но стоит мне попробовать подойти к ребенку, как Хулда тут как тут, и сразу выясняется, что Элспет абсолютно необходимо что-то делать именно в этот самый момент. И все выглядит очень убедительно, не придерешься. Вот только повторяется это уж слишком часто.

— «Один раз — случайность, два — совпадение, — процитировал Скиф поговорку, — но три — уже умысел.» Как, до стадии умысла дело уже дошло?

— Давно дошло. Но я не вижу, как это доказать, и не понимаю, что к чему...

Скиф вскочил на ноги и щелкнул ее пальцем по носу.

— Доказательства предоставь добывать старому доброму Гадюке Скифу. А что касается выяснения того, что тут к чему, то, думаю, Герольд Джедус может оказаться самым лучшим источником сведений. Он безвылазно торчит здесь, в Коллегии, с конца Тедрельских войн; слуги рассказывают ему все, а у него в придачу еще Дар чтения мыслей. Если кто и сможет отыскать безвозвратно утерянные части головоломки, так это он. Так что спроси его — ты же видишься с ним каждый вечер.

— Я и не подумала о Джедусе, — откликнулась Тэлия, начиная улыбаться. — Но, Скиф, это не может впутать тебя в неприятности?

— Только если меня поймают — а на этот случай у меня будет приготовлена хорошая байка. А ты лучше не забудь, если что, мне подыграть!

— Но...

— Вот еще, «но»! Жизнь в Коллегии чересчур уж спокойная. Нечему взволновать мою кровь. Кроме того, я, знаешь ли, не собираюсь ничего делать задаром. С вас причитается, милая барышня.

— Скиф, — опрометчиво сказала Тэлия, — Если ты сможешь помочь мне доказать то, что я подозреваю, проси чего хочешь!

— Спасибо, — осклабился он, поднимая кустистые брови с видом, который сам он считал похотливым и который на самом деле был скорее нелепым. — Именно так я и сделаю!

Тэлии удалось пощадить его чувства, сдержав хохот, пока он самодовольно скакал прочь.

— Няня Элспет? — Джедус был настолько поражен вопросом Тэлии, что даже поставил на пол Сударыню. — Тэлия, с какой стати, во имя Девяти, старой Мелиди не хотеть подпускать тебя к Элспет?

— Это не Мелиди, а другая, — ответила Тэлия, — Хулда. На самом деле, похоже, Мелиди вообще мало что делает; она только вяжет да клюет носом. Похоже, в детской всем управляет Хулда.

— Это представляет дело в совершенно ином свете, — задумчиво пробормотал Джедус. — Детка, что ты знаешь о нынешней ситуации — вернее сказать, ее предыстории?

— Ничего... ну, почти что ничего. Селенэй сказала мне, что ее брак с отцом Элспет оказался

неудачным, и что она думает, что дурной нрав Элспет во многом результат того, что она пренебрегала материнскими обязанностями. И, поскольку никто о нем не упоминает, я предположила, что ее муж либо умер, либо исчез... или его изгнали. Вот, пожалуй, и все.

— Хм. В таком случае, мне лучше рассказать тебе все, начиная с Тедрельской войны. Именно тогда и убили отца Селенэй.

— Это случилось самое меньшее лет пятнадцать назад, разве нет?

— Около того. Так вот: Каре хотел одолеть нас, не объявляя нам войны. Они сговорились с целой народностью — Наемниками Тедрела — чтобы те сделали за них эту грязную работу. Короля убили как раз тогда, когда мы выиграли последнюю битву — и окажись я чуть проворнее, он был бы жив и сейчас... — Джедус вздохнул, и его лицо отразило вновь охватившее его на мгновение чувство вины — Что ж, я не успел. Когда разразилась война, Селенэй как раз только-только закончила стажировку; ее должным порядком короновали, она окончательно очистила королевство от остатков тедрельцев и взялась за правление. Как и следовало ожидать, все коронованные особы и вельможи, имевшие младших сыновей, от которых им хотелось избавиться, прислали их к нашему двору. Одним из таких сыновей-визитеров и был принц Карата — Нелан.

— Судя по имени, он мог быть родом только из Ретвеллана.

Джедус улыбнулся.

— Они обожают зубодробительные имена и названия, не правда ли? Он и впрямь был оттуда. Кроме того, он был почти не правдоподобно красив, образован, умен — Селенэй моментально влюбилась в него без памяти, и никто не мог сказать ничего, что заставило бы ее изменить свое мнение о принце. Они поженились меньше чем через месяц после его приезда. Вскоре после этого начались неприятности.

— А отчего могли начаться неприятности?

— Потому что принц хотел того, что Селенэй никогда, согласно закону, не смогла бы ему дать: трона. Будь он Избран, он стал бы не просто консортом, а равным ей соправителем, но ни один Спутник даже смотреть в его сторону не желал. Как я припоминаю, Карио, Спутник Селенэй, даже как-то лягнул его. Принц привез с собой целую ораву безземельных, но титулованных друзей, а у нас, видит Владыка, достаточно невостребованных земель, так что Селенэй пожаловала им поместья. И он не понимал, почему она не может так же легко дать ему положение, по меньшей мере равное ее собственному.

— Но почему он не понимал? Я хочу сказать, каждому известно, что закон есть закон.

— Если не считать того, что за пределами нашего королевства слово монарха часто и есть закон. Принц не хотел или не мог смириться с тем, что здесь это не так. Когда он не смог получить желаемое добром, он начал думать, как взять это силой, ошибочно полагая, что имеет на это право.

Тэлия недоверчиво покачала головой.

— Так или иначе, он со своими дружками, а также и с некоторыми из наших собственных людей начали измышлять способ отстранить Селенэй и посадить принца на ее место. А чтобы усыпить все подозрения, он помирился с Селенэй и выписал из дома няню, чтобы та помогала Мелиди присматривать за Элспет. Не думаю, чтобы в его намерения входило убить Селенэй — я действительно считаю, что он намеревался только держать ее под стражей, пока она не согласится отречься в его пользу или же в пользу Элспет, назначив его регентом. Но я знаю наверняка, что его приятели были куда более жестоки. Они замыслили убийство, и намеревались совершить его, когда Селенэй одна, без сопровождающих, поедет на прогулку на Карио. И их план мог удался — если бы не Дар Альбериха.

— У Альбериха есть Дар? Я и не догадывалась...

Джедус кивнул.

— Альберих не похож на остальных Герольдов, верно?

— Да, — призналась Тэлия. — Он не носит Белое. Я почти никогда не вижу его Кантора, с Альберихом или без него. И еще этот акцент, и то, как он себя ведет: он такой странный... и вообще, откуда он? Мне никто никогда не говорил.

— Из Карса, — к ее удивлению, ответил Джедус. — Вот почему от Герольда ты никогда не услышишь старинную поговорку, что «из Карса доброго не жди — только непогоду да разбойников». Альберих был капитаном их армии — самым молодым капитаном за всю историю; по крайней мере, так я слышал. К несчастью для него — но не для нас — его Дар очень могуч, хотя действует не всегда. Он и явился причиной того, что Альберих слишком часто выходил сухим из воды и казался гораздо более осведомленным, чем ему полагалось, особенно по части будущих событий. Из-за этого его собственные люди — его рота — ополчились на него, объявив колдуном.

Его загнали в амбар и подожгли, и тут ему на выручку сквозь огонь прискакал Кантор. Ну, это другая история, и ты должна как-нибудь попросить Альбериха рассказать ее тебе; главное же в ней то, что Дар Альбериха — Ясновидение. Не объясняя причин, он настоял на том, чтобы сопровождать Селенэй на прогулке вместе с дюжиной своих лучших учеников. Все нападавшие были убиты; среди них оказался и принц. По официальной версии он с друзьями погиб в результате несчастного случая на охоте.

— Полагаю, это отчасти верно. Они ведь действительно охотились на Селенэй.

Джедус сделал гримасу.

— У тебя мрачное чувство юмора, дитя.

— Но разве его собственный народ ничего не сказал, услышав такую не правдоподобную историю?

— Может, и сказал бы, если бы обстоятельства не переменились. Дело в том, что их король тем временем умер, и на престол взошел брат принца, а они не питали ни малейшей любви друг к другу. Новый король знал, что из себя представляет его властолюбивый родственничек, и был только рад, что скандал удалось так тихо замять. Ну, после этого Селенэй была очень занята розыском тех заговорщиков, кто не участвовал в самой засаде — и, по правде сказать, я до сих пор думаю, что нашли не всех. Теперь я скажу тебе то, что заподозрил некоторое время назад: Таламира действительно убили потому, что он собирался предложить Совету отправить Элспет на воспитание к кому-то из его дальних родственников. Родственники эти — мелкие дворяне, живущие очень обособленно. Они не стали бы терпеть всякие глупости со стороны ребенка, а их обособленность — порука тому, что у Элспет не было бы никакой возможности сбежать. Но они — народ упрямый, и уговорить их взять Отродье мог лишь один Таламир, так что, когда он умер, от плана отказались. Но все это случилось позже — после того, как Селенэй была очень занята и уделяла Элспет слишком мало времени. Еще два года назад никто из нас и не подозревал, что надвигаются неприятности; просто в один прекрасный день мы смотрим — а ласковый, послушный ребенок превратился в Отродье.

— А какое отношение все это имеет к Хулде?

— Вот этого я тебе сказать не могу; я пребывал в убеждении, что главная в детской — Мелиди, но, судя по тому, что ты говоришь, похоже, что это не так. Это в высшей степени тревожно, поскольку я поспорил бы на любые деньги, что прежде Мелиди не уступала никому, вплоть до Альбериха включительно! Я не могу себе представить, чтобы она отдала все на откуп иностранке.

— Значит, что-то в корне изменилось, — задумчиво сказала Тэлия. — И похоже, что это мне придется выяснять, что именно.

— Боюсь, что так, детка, — вздохнул Джедус при виде решимости в ее глазах. — Боюсь, что так.

Еще одна перемена в жизни Тэлии касалась ее отношений с другими студентами. До сих пор они считали, что сдержанность Тэлии объясняется ее стремлением к одиночеству, и уважали ее желание. Теперь же, узнав, что все объясняется просто робостью, они изо всех сил старались вовлечь Тэлию в свои сплетни и розыгрыши.

Во время работы в швейной мастерской Тэлии не приходилось больше прятаться за ворохом драной одежды. Перелом произошел как-то днем, когда в комнате работали одни девушки.

В этот момент мишенью для шуток служила Нерисса и ее последняя любовная победа. Она сносила их довольно добродушно, но в конце концов устала от подтрунивания подруг. Нерисса оглянулась в поисках подходящей жертвы, на которую можно было бы переключить общее внимание, и взгляд ее упал

на Тэлию.

— Ах, как смешно! И вообще это уже старая новость, — ответила она на очередную остроту. — Кроме того, среди нас есть кое-кто, кому удалось подцепить парня, поймать которого намного труднее, чем Баэрна.

— Кто? — хором грянули остальные при этом разоблачении.

— Как? — глаза Нериссы искрились озорством. — Вы хотите сказать, что никто из вас ничего не заметил? Светлые Гавани, вы, должно быть, тупее, чем я думала. Я полагала, что хоть кто-то еще заметил, что в последнее время наш Скиф питает к Тэлии отнюдь не братские чувства!

— О, правда? — Шери обернулась и поглядела на Тэлию, которая залилась жарким румянцем. — А я-то думала, ты мне друг, Тэлия! Уж мне-то могла бы сказать!

Тэлия покраснела еще больше и, запинаясь, пробормотала что-то протестующее.

— Ух ты... — поддразнивала ее Шери. — Как страстно! По мне так даже слишком страстно.

Нескоро Тэлии удалось перестать краснеть и начать платить за насмешки той же монетой. Но с тех пор ее отношения в другими студентами стали гораздо более непринужденными.

Завтрак, обед и ужин тоже были временем, когда Тэлия могла забыть о поисках способов подобраться к Элспет. На кухне всегда устраивалось изрядное количество розыгрышей; Мери строго следил за тем, чтобы руки у его помощников всегда были заняты и они не могли ничего учудить, но рты на замок он им запереть не мог. Излюбленной жертвой являлся сам Мери, а тем, кто должен попытаться одурачить его, теперь обычно избиралась Тэлия.

— Вы ничего не забыли, Мери?

— Я? Я! Тэлия, ты наверняка ошибаешься.

— Не знаю, Мери, — встречал кто-нибудь из остальных. — По-моему, недостает солонки...

— Клянусь Книгой! Так и есть! Куда я мог подеять эту проклятую штуковину? — Повар в притворном ужасе бросался на поиски, уголком глаза наблюдая, как ребята, широко ухмыляясь, передают солонку из рук в руки. Наконец она снова достигала Тэлии, и та, улучив момент, когда Мери отвернется, ставила ее на середину стола.

— Ха! — кричал повар, набрасываясь на солонку, словно коршун. — Ну, я же знаю, что здесь я уже смотрел... — Он подозрительно уставлялся на Тэлию, которая с невинным видом пожимала плечами.

— Домовые, — бормотал себе под нос Мери под сдавленное хихиканье подручных. — Должно быть, в моей кухне поселились домовые. Куда катится это заведение?

Пять минут спустя он брал реванш.

— Ты уверена, дорогая Тэлия, что достаточно искусна в кухонных делах и стряпне? — спросил он, например, после того, как подъемник с драгоценной солонкой ушел наверх.

— Я... думаю, что да.

— А можешь ли ты утверждать, что знаешь, как приготовить почти любое обычное у тебя дома, у крепковеров, блюдо? — настаивал Мери.

— Безусловно, — ответила Тэлия, не задумываясь.

— Вот хорошо! Тогда ты, конечно, можешь показать мне, что делать вот с этим, — Он бросил перед ней огромный, искривленный, узловатый корень.

Тэлия, которая никогда прежде ничего подобного не видела, закашлялась и попыталась потянуть время; усмешка Мери становилась все шире, а все остальные дежурные по кухне откровенно хихикали.

Наконец (поскольку стало ясно, что повар не собирается их кормить, пока Тэлия не сознается в своем невежестве или не скажет ему, как это готовить) она признала себя побежденной.

Меро с ухмылкой убрал злополучный корень, поставив взамен поднос с их обедом.

— Так что же это вообще? — спросил Гриффон.

— Нарост шиповника, — расхохотался Меро. — Сомневаюсь, чтобы Тэлия смогла состряпать из него что-нибудь, что пришлось бы по вкусу человеку... но, может, ей удалось бы приготовить изысканное блюдо для термита!

Сами по себе трапезы становились главными событиями дня. У Тэлии теперь было постоянное место за вторым столом, между Шерил и Джери, напротив Скифа, Гриффона и Керен. К нескончаемому веселью девочек и их учительницы, оба, и Гриффон, и Скиф, всячески старались ухаживать за Тэлией: Гриффон — изображая из себя старшего брата, Скиф же — явно испытывая чувства совсем иного рода, хотя он и пытался подражать Гриффону. Гриффона его потуги нисколько не обманывали.

— Смотри, ты, — вполголоса рычал он, — Обращайся с моей Тэлией по-хорошему, не то я сброшу тебя в реку в твоём лучшем наряде!

Шерил и остальные слышали эту «нежную» угрозу, и их лица кривились от сдерживаемого смеха.

Скиф расквитался с Гриффonom, обчистив его карманы так ловко, что более рослый мальчишка ничего не заметил.

— Ещё зелени, братец? — поинтересовался он невинно, пододвигая к Гриффону тарелку с его имуществом.

Тэлию пришлось спасать — она чуть не задохнулась насмерть, пытаясь не расхохотаться при виде ошалелого выражения на лице Гриффона.

В тот же вечер в умывальной, где девушки принимали ванну перед сном, Тэлия стала жертвой самого немилосердного поддразнивания.

— Ах, Тэлия... — Джери забрала волосы на макушку и глупо улыбалась, изображая Скифа. — Не хочешь ли... грибка? Возьми два! Возьми сотню!

— Ах, спасибо, спасибо, нет, дорогой, дорогой мой Скиф! — Шерил застенчиво захлопала на «Скифа» ресницами, — Я бы скорее предпочла... огурчик.

— Уж ясное дело предпочла бы, правда? — отвечал «Скиф», плотоядно глядя на нее.

К этому времени настоящая Тэлия разрывалась между смехом и смущением.

— Не знаю, откуда у вас такие грязные мыслишки, — заявила она, набрасываясь на насмешниц с куском мыла и мочалкой, — Но их явно пора как следует отмыть!

На этом представление прервалось, превратившись в состязание по маканию и плесканию, в результате которого промокли все имевшиеся в умывальной полотенца, что, в свою очередь, навлекло на всех трех гнев Домоправительницы.

— Тсс! — зашипел кто-то на Тэлию из-за кустов, растущих у входа в сад. Она подпрыгнула, слишком живо припомнив мучения предыдущих месяцев, но сразу успокоилась, узнав голос Скифа.

— Какого лешего ты здесь делаешь? — спросила она, опустившись на четвереньки и разглядев приятеля, прячущегося в подобии туннеля между двумя рядами живой изгороди.

— Что обещал, то и делаю — шпиону за Отродьем. Я хочу тебе кое-что показать. Лезь сюда и ползи за мной!

Тэлия поглядела на него с некоторым сомнением, потом поняла, что он совершенно серьезен, и послушалась. Некоторое время они ползли по колючему туннелю; наконец Скиф остановился — так внезапно, что Тэлия чуть на него не налетела. Сделав ей знак молчать, мальчишка осторожно развел ветки с одной стороны прохода — ровно настолько, чтобы они оба могли выглянуть наружу.

Элспет и две ее няни, Хулда и Мелиди, находились не больше чем в нескольких шагах от них. Скиф и Тэлия могли без труда слышать их разговор.

— О нет, дорогая, — мягко говорила Хулда, — Об этом совершенно не может быть речи. Ты занимаешь слишком высокое положение, чтобы водиться с детьми лорда Делфора. В конце концов, ты же наследница престола.

Тэлия сердито закусила губу, увидев, что Элспет понуро опустила голову. Старая Мелиди, по-видимому, ненадолго очнулась от своей полудремы. Морщинистое лицо слегка нахмурилось; казалось, Мелиди изо всех сил пытается что-то припомнить.

— Хулда, это... — начала она медленно. — Это просто, кажется, как-то не правильно...

— Что кажется не правильным, дорогая? — спросила Хулда с наигранной ласковостью.

— Элспет не может... нельзя...

— ., ожидать, что ей известны такие вещи. Я знаю. Ну, не беспокойтесь ни о чем. Просто выпейте свое лекарство, как милая душечка, а я обо всем позабочусь. — Хулда налила в маленькую рюмку какой-то красной, липкой на вид жидкости и чуть ли не силой всунула в руку Мелиди. Старушка отказалась от попыток собраться с мыслями и послушно выпила. Вскоре она снова заснула.

Скиф знаком показал, что пора уходить, и они по-прежнему на четвереньках, пятась, поползли обратно по туннелю.

— Вот это я и хотел, чтобы ты увидела, — сказал он, когда они вылезли из живой изгороди на приличном расстоянии от этой части сада. — Стой спокойно, у тебя ветки в волосах. — Он начал осторожно вытаскивать их.

— И у тебя. И листья. Должно быть, она опаивает Мелиди и держит ее в таком состоянии постоянно. Ведьма! Но прежде всего, как могла старушка дойти до того, чтобы позволить себя опаивать?

— Тут ты меня подловила: лично я ума не приложу. Спроси Джедуса, может, он знает. Хочешь, чтобы я продолжал наблюдение?

— Если ты не против. Мне нужно знать, делает она это по собственному почину или же по чьему-нибудь указанию. И мне нужно знать, что еще она говорит ребенку.

— О, я не против: это забавно! Вроде как в старое доброе время, только теперь мне не грозит потерять руку или постоянно голодать, — усмехнулся Скиф.

— Ох, Скиф... — Тэлия запнулась, не зная, что еще сказать. Потом, расхрабрившись, наклонилась, повинувшись внезапному порыву, легонько поцеловала его в щеку, покраснела и стремглав кинулась прочь.

Скиф изумленно уставился ей вслед, потом поднял руку и потрогал то место, которое она поцеловала.

Джедус ничего не знал о здоровье Мелиди, но направил Тэлию к одной из Целительниц, которая могла что-то знать.

— Мелиди действительно болела около двух лет назад, — задумчиво отозвалась та. — Тебе известно, что такое «мозговой шторм»?

— Это не когда старый человек внезапно не может двигаться и говорить... может быть, даже надолго теряет сознание... а потом медленно поправляется?

Целительница кивнула.

— Именно это и случилось с Мелиди. Казалось, по крайней мере мне, что она полностью выздоровела. Но я могла ошибаться. Видит Владычица, мы не непогрешимы.

— Возможно, вы не ошибались или, может быть, болезнь сказала на ней таким образом, который вы заметить не могли, — ответила Тэлия очень взрослым тоном, неожиданным при ее детской внешности, и глаза Целительницы расширились от удивления. — После того, как Келдар перевезла свою мать в нашу Усадьбу, у той случился мозговой шторм. Она выглядела совершенно здоровой — если не считать того, что

нужно было очень внимательно следить, что ей говоришь, потому что она верила всему, что бы ей ни сказали, какой бы нелепицей это ни было. Возможно, как раз это и случилось с Мелиди.

«А если так, — подумала Тэлия мрачно, — она стала для Хулдм легкой добычей.»

— Что же до лекарства, которое у тебя на глазах давала ей Хулда, то я никогда не прописывала Мелили ничего похожего, но это может быть каким-то народным средством, или же ей это велел принимать кто-нибудь из других Целителей. Если хочешь, я могу проверить...

Тэлия запоздало поняла, что это, возможно, не самая удачная мысль. Она не хотела, чтобы Хулда была предупреждена, если воспитательница в самом деле в чем-то замешана, и не хотела ее смутить, если она невиновна.

— Нет, спасибо, все в порядке. Вероятно, это народное средство. В самом деле, сейчас я припоминаю, что оно очень похоже на тот сироп, который Келдар давала своей матери от боли в суставах.

Целительница улыбнулась с явным облегчением.

— У Мелиди действительно артрит, а мы, к сожалению, мало что можем для нее сделать, разве что постараться облегчить боль. Лекарство вполне может оказаться одним из наших. Раз так, я рада, что другая няня, по-видимому, заботится о Мелиди. Могу я еще чем-нибудь тебе помочь?

— Нет... благодарю вас, — ответила Тэлия. — Вы ответили на все вопросы, которые меня волновали.

«Но, — подумала она, медленно идя обратно в свою комнату, — после ваших ответов вопросов стало еще больше.»

Глава девятая

— О если бы я только могла попасть в прошлое.

— Если бы ты только могла что? — переспросил Скиф, поднимая глаза от книги, которую читал.

Тэлия сидела на подоконнике его открытого окна, глядя наружу, на залитые лунным светом деревья, и думая явно не об уроках.

— Я говорю, если бы только я могла попасть в прошлое, — повторила она. — Я бы полруки отдала, чтобы узнать, не имел ли кто-нибудь еще, кроме отца Элспет, отношение к появлению Хулды — особенно если учесть, что она прибыла уже после его смерти. Но единственный способ выяснить это — вернуться обратно в прошлое.

— Н-не совсем...

На лице Скифа появилось сосредоточенное выражение, и Тэлия подождала, пока он додумает мысль до конца.

— Существуют иммиграционные записи — там есть все обо всех, кто приезжает из-за границы. Если у Хулды имелись какие-то другие покровители, они должны быть там упомянуты. И мне кажется, в законе об иммигрантах говорится, что если они хотят жить здесь постоянно, они должны представить троих поручителей. Одним, наверно, был принц, вторым — Селенэй, но вот третий может оказаться очень интересным...

— Где хранятся эти записи? До них можно как-нибудь добраться? — голос Тэлии дрожал от возбуждения.

— Они хранятся прямо тут, во дворце, в кабинете начальника городской стражи. Вести эти записи — одна из его обязанностей. Но вот как до них добраться... — Скиф скорчил рожу. — Для нас это невозможно — по крайней мере, открыто. Ну, ты бы могла, но тебе пришлось бы употребить власть Личного Герольда Королевы, и Хулда наверняка прослышала бы об этом.

— Да, так не годится, — согласилась Тэлия. — Стало быть, открыто мы добраться до них не можем, но?

— Но я мог бы до них добраться. Не такое уж это большое дело, только...

— Только вот Книга тоже хранится там, — закончила Тэлия за него. — Ну, у тебя же уже почти год не было записей в Книге провинностей, верно?

— Черт, правда! Из-за тебя я был слишком занят! — ухмыльнулся Скиф; потом усмешка увяла. — И все равно, если бы меня поймали, то решили бы, что я залез туда, чтобы подделывать записи в Книге. Орталлен меня терпеть не может; я ему как репей под хвостом.

— Я, видите ли, не оказываю ему должного уважения, я не веду себя как сознательный Герольд-Ученик. Он бы с радостью ухватился за возможность подложить мне свинью. — Скиф посмотрел на встревоженное лицо Тэлии, и усмешка снова засверкала. — О, черт, да что он, вообще, может мне сделать? Запретит выходить за пределы Коллегии? Да я с тех пор, как тебя встретил, почти никуда и не выхожу! Клянусь богами, я проверну это дело! ***

Что-то было неладно... очень неладно. Скиф не задерживался... еще нет... но у Тэлии внезапно появилось чувство, что он попал в большую беду, и самому ему не справиться. А нынешним вечером он как раз собирался залезть в эти иммиграционные записи...

Хотя у нее не было четкого представления о том, что она намерена делать, Тэлия обнаружила, что сломя голову бежит по залам Коллегии, а потом — по залам самого дворца. Только достигнув той его части, где жила Селенэй, она остановилась, подождала, пока восстановится дыхание, а затем уж робко приблизилась к дверям в личные покои королевы. На часах стоял знакомый Страж; он přátельски подмигнул Тэлии и вошел внутрь, чтобы доложить о ее приходе. Тэлия услышала неясный гул голосов, затем часовой снова отворил дверь и махнул ей, чтобы заходила.

Тэлия с дрожью втянула в себя воздух, помолилась про себя, чтобы что-нибудь научило ее, как

поступать, и вошла. За ее спиной бесшумно закрылась дверь.

Селенэй сидела за своим рабочим столом, покрасневшая и, по-видимому, чем-то взволнованная. Перед ней стояли Элкарт, Керен и Герольд Сенешаля, Кирилл; их спины, словно ширма, заслоняли от Тэлии нечто, находившееся за ними. Между Селенэй и Герольдами стоял лорд Орталлен. У Тэлии упало сердце. Значит, действительно Скиф. Она должна его спасти. Его поймали, и дело повернулось хуже, чем он думал. Но как его выручить?

— Ваше величество... — услышала она собственный голос, — Я... я должна признаться вам в одной вещи.

Селенэй, казалось, была в нерешительности, и Тэлия продолжила:

— Я... я попросила Скифа кое-что для меня сделать. Это было... не совсем... законно.

Королева ждала продолжения, и Тэлия торопливо закончила:

— Я хотела, чтобы он достал для меня перепись крепковеров.

— Перепись крепковеров? — переспросила озадаченная Селенэй. — Но зачем?

Тэлия понятия не имела, откуда взялась эта идея, но она, похоже, оказалась удачной. Ей противна была самая мысль о лжи, но и правды она тоже сказать не осмеливалась.

— Я... Я хотела убедиться, что меня в ней больше нет. — К собственному удивлению, Тэлия почувствовала, что у нее защипало глаза от подступивших жгучих слез обиды. — Я оказалась им не нужна — ну и мне они тоже не нужны, никто, никогда! Скиф сказал, что когда я заслужу Белое, Твердыня может потребовать снижения подати, а я не хочу, чтобы они его получили!

Теперь она уже на самом деле плакала, покрасневшая от гнева, сама веря каждому своему слову. Селенэй, просветлев, с облегчением улыбалась; Элкарт выглядел ошеломленным, Керен торжествовала, невозмутимый Кирилл казался слегка позабавленным, а Орталлен... Тэлию поразило выражение его лица. На миг оно стало как у человека, у которого обманом вырвали то, что, казалось, он уже держал в руках. Потом оно разгладилось и снова стало таким же, как всегда — холодной, бесстрастной маской, за которую, как ни старайся, Тэлия проникнуть не могла.

— Видите, Орталлен, я же вам говорил, что должно быть какое-то простое объяснение, — говорил тем временем Элкарт; Герольды расступились, и Тэлия ничуть не удивилась, увидев того, кого они от нее заслоняли.

Скиф, бледный и напряженный, сидел на стуле так, словно его к нему приклеили.

— Тогда почему мальчик не захотел сам сказать нам об этом?

— Потому что я тоже не хотел впутывать Тэлию в неприятности! — грубо сказал Скиф. — Я же говорил вам, что пришел не за Книгой, так какое ваше дело, что мне было нужно? Вы-то не начальник городской стражи!

— Скиф, — мягко сказал Кирилл. — Может, лорд Орталлен и не начальник городской стражи, но он имеет право на некоторое уважение с твоей стороны.

— Да, сударь, — пробубнил Скиф и упрямо уставился себе под ноги.

— Ну что ж, теперь, когда это дело, похоже, прояснилось, не позволим ли мы злоумышленникам удалиться? — чуть улыбнулась Селенэй. — Тэлия, в следующий раз, когда тебе что-то понадобится в записях, просто попроси Кирилла или меня. И мы позаботимся о том, чтобы ты больше не значилась в переписи как крепковер, раз ты этого не хочешь. Однако... я все еще не понимаю, почему ты в первую очередь не обратилась ко мне.

По тому, как натянулась кожа у нее на лице, Тэлия поняла, что из пунцовой стала белой.

— Я... это было эгоистично. Не по-Герольдски. Я не хотела, чтобы кто-нибудь еще узнал...

Элкарт пересек разделявшее их пространство и обнял ее за плечи.

— Это только по-человечески, маленькая — а твоя родня не заслуживает от тебя ни одного доброго

слова после того, как они с тобой обошлись. Скиф, — Декан протянул мальчику руку; тот медленно встал, подошел к Тэлии и взял ее за руку, с вызовом глядя на Орталлена. — Почему бы вам с Тэлией не пойти обратно к себе в комнаты? У вас был нелегкий вечер. Больше так не делайте, ребята, но... ну, мы понимаем. А теперь идите.

Скиф чуть ли не выволок Тэлию из комнаты.

— Благие боги... как, черт возьми, ты додумалась? Ты была великолепна! Даже я начал тебе верить! И как ты узнала, что я влип по уши?

— Не знаю — меня просто вроде как осенило, — ответила Тэлия, — Просто знала, что ты попался, и все тут. Что случилось? Как тебя поймали?

— Чистое невезение, — сокрушенно сказал Скиф, немного замедляя свой стремительный бег через залы. — Селенэй понадобились какие-то данные переписи, и Орталлен пришел за ними. Он увидел свет в кабинете начальника стражи и сцапал меня на месте преступления. Благие боги, какого дурака я сваял! Ничего бы не случилось, если бы я хоть немного прислушивался к звукам в коридоре!

— Что он хотел с тобой сделать?

— Он пытался добиться для меня «задержки». Сделать так, чтобы меня исключили, он не мог, пока Симри от меня не откажется, но... ну, он старался добиться, чтобы на ближайшие четыре года меня отправили чистить войсковые конюшни — «пока я не пойму, что значит честный труд», как он выразился.

— А он что... мог этого добиться?

— К сожалению, да. У меня слишком много замечаний в Книге. На сей счет в Коллегии есть какое-то темное правило, и Орталлен где-то его откопал. Если бы я не знал, что такое невозможно, я бы подумал, что он нарочно искал способа избавиться от меня.

— Тогда тебе лучше перестать помогать мне...

К этому времени они дошли уже до дверей комнаты Тэлии.

— Будь я проклят, если перестану! Такая досада — я ведь как раз дошел до записи о Хулде! Ну, нам просто придется бросить эту затею и снова начать за ней следить. Но чтобы я позволил такой ерунде меня напугать? Как бы не так!

Скиф остановился, быстро прижал Тэлию к себе, потом подтолкнул ее к двери.

— Давай, поспи немного. Судя по твоему виду, тебе бы это очень не помешало, а у меня такое чувство, словно меня палками били!

Как-то вечером Тэлия в одиночестве сидела за книгами в своей комнате, как вдруг в дверь тихонько постучали. Она отворила и увидела на пороге черное, похожее на дьявола чудище.

Тэлия хотела закричать, но не успела: чудище сноровисто зажало ей рот рукой, затащило обратно в комнату и пинком закрыло за собой дверь.

— Ш-ш! Не ори, это я, Скиф! — хриплым шепотом увещевало оно Тэлию.

Выждав, гость осторожно убрал ладонь с ее рта, готовый снова пришлепнуть ее, если Тэлия закричит.

Кричать она не стала; только уставилась на приятеля круглыми, как блюдца, глазами.

— Скиф... Ты что творишь? — выговорила она наконец. — Хочешь, чтобы я умерла со страху? Почему ты в таком виде?

— А ты как думаешь? В запретных частях дворца в Сером не ползаешь, а для Белого я еще чересчур молодая, будет неубедительно. Ну же, отдышись и успокойся, потому что сегодня вечером ты — идешь со мной.

— Я? Но...

— Не спорь, лучше надевай. — Скиф сунул ей облегающие рубашку и штаны темно-бурого, почти черного цвета. — Хорошо, что у нас почти одинаковый размер. И не спрашивай, где и зачем я их взял,

потому что все равно сказать не могу. — Он терпеливо ждал, пока Тэлия натягивала на себя странный наряд, затем протянул ей ящичек с жирной черной сажей. — Вотри это повсюду, где видна кожа, и смотри, ничего не пропусти — даже шею сзади!

Он подошел к окну, распахнул его настежь и посмотрел вниз.

— Хорошо. Нам даже не придется спускаться на землю.

Вытащив веревку, Скиф обвязал ею Тэлию вокруг пояса.

— А теперь иди за мной — и в точности повторяй все мои движения.

Последовавшее за этим путешествие Тэлия позднее предпочитала не вспоминать. Перебираясь от окна к окну, Скиф прошел вдоль всего крыла Коллегии, а затем вдоль фасада самого дворца. Тэлия была горячо благодарна судьбе за то, что большую часть здания опоясывал узкий карниз, поскольку сильно сомневалась, что удержалась бы на стене, не будь его. Наконец Скиф остановился напротив какого-то затемненного окна. Пока он осторожно заглядывал внутрь сквозь щели в ставне, Тэлия изо всех сил цеплялась за стену, стараясь не думать о бездне за своей спиной.

Казалось, Скифа удовлетворило увиденное, поскольку он достал что-то из сумки на поясе и принялся колдовать над щелью между ставнями. Вскоре створки распахнулись, и Скиф забрался внутрь, Тэлия — за ним.

Комнатой, в которой они очутились, очевидно, никто не пользовался: она была совершенно голой, даже без мебели. Скиф подвел Тэлию к встроенному шкафу, открыл его и ощупал заднюю стенку. Тэлия услышала скрип дерева, и в стене обнаружились два отверстия.

Сквозь них блеснул свет, идущий с другой стороны. Тэлия тут же припала глазом к одной из дырок, но Скиф подергал ее за руку.

Она обернулась, и Скиф сунул ей в руку обычный стакан, знаками показывая, что стакан нужно приставить к стене и прижаться к нему ухом. Тэлия послушалась и обнаружила, что ей слышно каждое слово, произносимое в другой комнате — слабо, но отчетливо.

— .., итак, в этом случае маловероятно, чтобы ребенок был Избран, а тем более признан Наследницей. Вы хорошо справляетесь, действительно очень хорошо, — с удовлетворением произнес еле слышимый баритон. — Незачем говорить, что мы весьма вами довольны.

— Мой господин очень милостив, — Тэлия видела второго собеседника, Хулду, но первого ей не было видно, а стакан слишком искажал звуки, чтобы она могла узнать его по голосу. — Следует ли мне продолжать в том же духе?

— Предпринимал ли ребенок-Герольд новые попытки приблизиться к Элспет?

— Нет, мой господин. По-видимому, она обескуражена.

— И все же, — первый говоривший помолчал в задумчивости, — мы не можем рисковать. Я предлагаю вам продолжать практику рассказывания «сказок на сон грядущий» — вы знаете, что я имею в виду.

— Если мой господин говорит о тех, в которых рассказывается о Спутниках, уносящих неосторожных детей навстречу ужасной участи, мой господин может быть спокоен: я буду продолжать.

— Превосходно. Вот новый запас снадобья для няньки и ваше обычное жалованье.

Тэлия услышала звяканье монет в одном или двух кошельках, полученных Хулдой.

— К тому времени, когда это дело закончится, вы будете богатой женщиной, Хулда, — сказал первый; потом послышались его удаляющиеся шаги.

— О, я рассчитываю на это, мой господин, — ядовито сказала Хулда, обращаясь к закрывшейся двери. Потом повернулась и покинула комнату через другую дверь.

Тэлия была слишком занята мыслями об увиденном и услышанном, чтобы беспокоиться об обратном пути.

Когда они добрались до ее комнаты, Тэлия схватила полотенце и принялась яростно соскребать с себя сажу.

— Ты это впервые видишь? — спросила она, оттирая лицо.

— Третий. Первый раз вышло случайно: я шел за этой ведьмой, и пришлось нырнуть в ту, другую комнату, чтобы от нее спрятаться; в шкафу я нашел закрытые заплатой щели. Во второй раз я предположил, что они встречаются регулярно. Я оказался прав. Знаешь, есть кое-что еще... нет, это слишком не правдоподобно.

— Что?

— Ну, пару раз Мелиди начинала отказываться от зелья, которым опаивает ей эта ведьма, и... ну, та делала что-то такое, не знаю, что, но только Мелиди сразу замолкала и все выпивала. Если бы я не знал, что это невозможно, я бы поклялся, что она пользуется настоящей магией, знаешь, старой, как в легендах, чтобы удержать власть над умом Мелиди.

— Возможно, она обладает зачатками какого-то Дара.

— Да... да, наверно ты права.

— Вот, надевай. Мне великовата, значит тебе может прийти в пору. — Тэлия сунула Скифу комплект студенческой формы.

— Зачем? — изумленно спросил тот.

— Потому что как только мы переоденемся, мы сразу же идем к Джедусу.

Когда они подошли к его комнате, оказалось, что Джедус уже спит. При обычных обстоятельствах Тэлия ни за что не посмела бы побеспокоить старика, но сейчас она чувствовала, что ситуация дает право его разбудить. Скиф бесшумно открыл дверь, и оба проскользнули внутрь.

Не успели ребята сделать и двух шагов, как Джедус проснулся и сел на постели; в руке его блеснул непонятно откуда взявшийся кинжал.

Старому Герольду уже несколько ночей спалось беспокойно, и он вернулся к привычке прежних лет: спать с кинжалом под подушкой. Скиф и Тэлия не пересекли еще и половины спальни, как нож уже очутился в его руке. Увидев двоих полосатых от сажки учеников, замерших на середине шага, Джедус удивленно заморгал.

— Тэлия! — ее присутствие его ошеломило; от Скифа, с его любовью к розыгрышам, он еще мог бы этого ожидать — Почему...

— Пожалуйста, Герольд Джедус, простите, но у нас чрезвычайное происшествие.

Джедус стряхнул с себя остатки сна и прислонился к стене, натянув одеяло на плечи.

— Тогда ладно... я слишком хорошо тебя знаю, чтобы подумать, что ты преувеличиваешь. Раздуйте огонь, зажгите свечи и расскажите мне, что случилось.

Он выслушал обоих: Тэлия заставила Скифа самому рассказать свою часть истории. Не успели еще ребята поведать и четверти узанного, как Джедус понял, что происшествие безусловно соответствует статусу «чрезвычайного». К тому времени, как они закончили, ему стало просто дурно.

— Если бы я не знал вас обоих, я поклялся бы, что вы просто сочиняете, — сказал старик под конец. — И мне почти хотелось бы, чтобы так оно и было.

— Сударь, — произнесла Тэлия после долгого молчания; ее лицо осунулось от усталости. — Что мне делать?

— Тебе, детка? Ничего, — Джедус потянулся к ним, обхватил за плечи и притянул к себе, благодарный ребятам за сообразительность и отвагу. — Тэлия, Скиф, вы оба сделали гораздо больше, чем удалось кому-либо из старших; я доволен и горд вами обоими. Но сейчас вам нужно предоставить мне позаботиться обо всем остальном. Среди тех, с кем нужно переговорить об этом деле, есть такие, кто выслушает взрослого, но не станет и слушать, если то же самое расскажет подросток. Надеюсь, вы

позволите мне говорить за вас?

Скиф шумно перевел дыхание.

— Позволим ли? Святые звезды, я боялся, что вы заставите меня самого рассказывать все это Кириллу и Селенэй! А после того, как меня застучали, когда я охотился за теми записями, доверие ко мне сейчас, боюсь, не слишком велико. О нет, Герольд, я предпочитаю, чтобы не мне пришлось приносить дурные вести. Если вы не возражаете, я лучше отправлюсь в ванну, а потом на боковую.

— А ты, Тэлия?

— Пожалуйста... если вы согласны, — она посмотрела на Джедуса глазами, полными страшной усталости и мольбы. — Я бы не знала, что сказать. Есть столько вопросов, на которые мы не можем дать ответа. Прежде всего, мы не знаем, кто такой этот «господин», а если лорд Орталлен начнет на меня кричать, я... я боюсь, что могу расплакаться.

— Тогда идите оба. Можете предоставить все мне.

Скиф и Тэлия поднялись и нетвердыми шагами вышли из комнаты. Джедус посидел мгновение в задумчивости, потом дернул за шнурок звонка, вызывая слугу.

— Медрен, мне нужно, чтобы ты разбудил Селенэй, попросил ее прийти ко мне в комнату и сказал, что это крайне срочно. Потом передай то же самое Сенешалю, Герольду Кириллу и Герольду Элкарту. Разведи огонь поярче, принеси вина и еды. — На мгновение он задумчиво уставился в пространство. — У меня такое ощущение, что нам предстоит очень долгая ночь.

На следующий день о Хулде уже не было ни слуху, ни духу; впрочем, Тэлии и не хотелось ничего о ней слышать. Она была рада только передать это дело в руки взрослых. Вечером, в сумерках, нежное весеннее благоухание цветущих деревьев выманило ее в сад: теперь, после изгнания ее мучителей, можно было без опаски бродить по окрестностям в любое время суток. Тэлия вдыхала дурманный аромат цветов хиканта, как вдруг услышала приглушенные всхлипывания, доносящиеся из одного из садовых гротов, после наступления темноты служивших излюбленным местом свиданий местных парочек.

Сначала Тэлия подумала, что это, должно быть, рыдает отвергнутый влюбленный или еще какой-нибудь бедолага, но когда рыдания усилились, ей почудилось, что плачет ребенок. Тэлия почувствовала, что ее тянет выяснить, кто это; ощущение было сродни тому, что привело ее тогда зимой к бродившей по голому саду королеве.

Тэлия вспомнила, что ей советовали доверять своему чутью, и послушалась этого внезапного побуждения. Ступая как можно бесшумнее, она приблизилась к гроту и заглянула внутрь. На мху лицом вниз лежала Наследница Престола и рыдала так горько, словно у нее разрывалось сердце.

Тэлия вошла и села возле девочки.

— Теперь ты уже не похожа на рыбу, — сказала она легким тоном, но стараясь, чтобы голос прозвучал сочувственно. — Скорее на водопад. Что стряслось?

— Он-н-ни от-т-тослали Хулду, — прорыдала девочка.

— Кто это «они», и почему ее отослали? — спросила Тэлия, еще не зная результатов устроенного Джедусом совещания.

— М-м-моя мать и это гадкий Кирилл, и я не знаю почему... она была моим единственным, единственным другом, больше никто меня не любит!

— Мне очень тебя жалко. Быть совсем одинокой ужасно. Я знаю это: когда я была в твоём возрасте, мою лучшую подругу выдали за отвратительного старика и отослали прочь, и я больше ни разу ее не видела.

Рыдания смолкли.

— Ты плакала? — бесхитростно поинтересовалась девочка.

— Плакала, когда оставалась одна, но при других не смела. Старшие говорили мне, что грешно

плакать о чем-то столь незначительном. Думаю, с их стороны это было очень не правильно, потому что иногда от слез становится легче. Тебе сейчас чуточку полегчало?

— Немножко, — признала девочка. — Как тебя зовут?

— Тэлия. А тебя?

Девочка надменно задрала подбородок.

— Ты должна звать меня «ваше высочество».

— Еще нет, не должна. На самом деле ты не наследница; сначала нужно, чтобы у тебя появился Спутник и ты доказала, что можешь быть Герольдом.

— Не наследница? Но... но Хулда говорила иначе!

— Но это правда, спроси любого. Возможно, она не знала... а может быть, лгала тебе.

— Зачем ей мне лгать? — девочка выглядела огорошенной.

— Ну, я могу предположить по крайней мере одну причину. Потому, что она не хотела, чтобы ты подружилась с другими ребятами, хотела устроить так, чтобы быть твоим единственным другом. Поэтому она убедила тебя, что ты более важная персона, чем ты есть на самом деле — и ты так допекла всех окружающих, что все от тебя отвернулось.

— А откуда мне знать, что ты не лжешь? — воинственно спросила девочка.

— Я Герольд — или буду им через несколько лет, а Герольдам не разрешается лгать.

Девочка переварила услышанное — и лицо у нее стало таким, словно ей оно пришлось крайне не по вкусу.

— Она... значит, она, наверно, все это время мне лгала. Наверно, она даже лгала, что она мне друг! — у Элспет задрожали губы; похоже было, что она вот-вот снова разрыдается. — Тогда... значит, у меня вообще нет друзей!

Слезы хлынули ручьем, и Тэлия невольно привлекла девочку к себе; та не сопротивлялась. Тэлия успокаивающе гладила ее по голове, пока принцесса снова не наплакалась до изнеможения, а затем, когда рыдания утихли, вытщила платок, чтобы вытереть ей нос и покрасневшие глаза.

— Сейчас у тебя друзей нет, но это не значит, что ты не можешь ни с кем подружиться, — сказала она девочке. — Если хочешь, я буду твоим другом, но ты должна обещать мне одну вещь.

— Сначала скажи, что именно я должна обещать, — потребовала девочка подозрительно — что сказала Тэлии о том, как «няня Хулда» обращалась с ребенком, больше, чем сотня отчетов.

— Обещание очень простое, но сдержать его будет страшно трудно. Я не уверена, что ты сможешь... — Тэлия позволила, чтобы в ее голос закралась нотка сомнения.

— Я смогу! Я знаю, что смогу! Только скажи, что!

— Оно состоит из двух частей. Первая часть такая: что бы я тебе ни сказала, ты не станешь на меня злиться, пока не пойдешь и не подумаешь над тем, что я сказала. Вторая часть — ты опять-таки не станешь на меня злиться, если только то, что я скажу, не будет не правильным и ты не сможешь этого доказать.

— Обещаю! Обещаю! — не раздумывая сказала девочка.

— Раз ты теперь мой друг, ты разве не скажешь мне своего имени?

Девочка покраснела от стыда.

— Обещаешь, что не будешь смеяться?

— Обещаю; но я и так не стала бы смеяться.

— Хулда смеялась. Она говорила, что это глупое имя, — девочка уставилась на свои коленки. — Элспет.

— У Хулды не было причин смеяться; у тебя очень красивое имя. Красивее, чем Тэлия.

— Хулда сказала, что только крестьянок зовут Элспет.

Тэлия начала подозревать, что в самом скором времени слова «Хулда сказала» окажутся у нее в печенках.

— Это не правда. Я точно знаю. В нашем королевстве три королевы носили имя Элспет: Элспет Миротворица, Элспет Мудрая и Элспет Искусница. Тебе нелегко будет быть достойной имени Элспет. Особенно если ты хочешь быть человеком, который может заслужить себе Спутника и стать Наследницей.

Элспет казалась встревоженной и испуганной.

— Я... я не знаю, как... — сказала она слабым голосом. — И Спутники... они... я боюсь их. Ты можешь... помочь мне? Пожалуйста? — последние слова она произнесла уже шепотом.

— Ну, сперва ты могла бы начать с того, что стала бы обращаться с людьми лучше, чем сейчас — причем я имею в виду всех, и высокородных, и простолюдинов. Если у тебя получится, у тебя появится и больше друзей, и это будут настоящие друзья, которым нравится иметь с тобой дело, а не люди, которые ведут себя по-дружески только потому, что думают, что ты можешь им что-то дать.

— Я хорошо обращаюсь с людьми! — возразила Элспет.

— Да ну? — Тэлия скривила рот и придала лицу хмурое, неприятное выражение, изобразив Отродье в его худшие минуты. — Если это называется хорошо обращаться с людьми, не хотелось бы мне, чтобы ты на меня разозлилась! Ты что, правда думаешь, что кто-нибудь захочет подружиться с таким человеком?

— Н-нет, — пристыжено сказала Элспет.

— Если ты хочешь измениться, ты должна начать думать, что говоришь и делаешь, прежде, чем скажешь или сделаешь это. Думай о том, как бы тебе понравилось, если бы кто-нибудь повел себя с тобой подобным образом. — Тэлия порывисто потянулась к ней и крепко обняла несчастного ребенка. — Я-то вижу, что здесь сидит очень славная особа по имени Элспет, но очень многим видно только Отродье, а не то, что прячется за ним. Знаешь, тебя ведь так прозвали.

— Разве моя мама не может сделать меня наследницей? Хулда говорила, что может.

— Закон гласит, что кроме прочего наследник должен быть Герольдом, и даже королева не может превысить закон. Если ты не остережешься, этот титул получит Джери. Она такого же хорошего происхождения, и уже Избрана.

Ранимый ребенок, который проглянул из глаз Элспет, совершенно покорила сердце Тэлии.

— Ты правда поможешь мне?

— Я уже обещала, что помогу. Я же твой друг, помнишь? А друзья для того и существуют, чтобы помогать друг другу.

«Владыка Света, во что же это я впуталась?» — часто спрашивала себя Тэлия в течение нескольких следующих недель. Она обнаружила, что по меньшей мере три раза на дню бежит с уроков и дежурств в королевскую детскую и обратно. Теперь она чаще завтракала с Элспет, чем в Коллегии. После обеда (который в Коллегии подавался гораздо раньше, чем при дворе) она приходила снова. Вечером, после ужина, пока Элспет не возвращалась в свои покои, Тэлия могла немного побыть с Джедусом; когда появлялась Элспет, они шли погулять в сад, пока не приходило время ложиться спать.

Хулда исчезла из дворца прежде, чем Селенэй успела приказать взять ее под стражу для дознания. Кто-то — предположительно кто-то из членов Совета — предупредил ее, и «няня» сумела вовремя скрыться. Тэлии некогда было гадать, что случилось с этой женщиной: она была слишком занята, стараясь перевоспитать Отродье.

Это была непрерывная тяжелая битва.

Элспет устраивала припадки ярости из-за малейшего пустяка: то молоко слишком холодное, то ванна слишком горячая, то подушка слишком мягкая, а то ей не нравится цвет выбранного для нее платья.

Первые два раза, когда она показала норов, Тэлия стерпела, надеясь, что если не обращать внимания, Элспет перестанет безобразничать. К сожалению, она ошибалась.

На третий раз Тэлия попыталась ее приструнить. Началось все с того, что одна из горничных, причесывая девочку, нечаянно дернула ее за волосы. Та схватила щетку для волос и, не задумываясь, ударила ею служанку.

Тэлия взяла у нее щетку и протянула ее горничной.

— Дайте ей сдачи, — приказала она.

— Но... барышня, не могу... — запинаясь, сказала девушка.

— Ответственность я беру на себя. Дайте ей сдачи. Так же сильно, как она ударила вас.

К полному изумлению Элспет, горничная дала ей крепкого шлепка щеткой по попе.

Элспет открыла рот, чтобы завопить, от всей души закатить грандиозный скандал — то, что раньше всегда вынуждало других сделать так, как ей хочется.

Тэлия спокойно взяла стакан с водой и выплеснула ей в лицо.

— А теперь вот что, — сказала Тэлия, пока девочка шипела и отплевывалась. — Здесь будут новые правила все, — что ты сделаешь другому, ты получишь обратно. Раз ты не можешь научиться сначала думать, а потом делать, придется пожинать плоды. В конце концов, она не нарочно дернула тебя за волосы.

Она повернулась к горничной.

— Я уверена, что у вас есть и другие дела, кроме как прислуживать этой маленькой строптивой дряни.

Служанка отлично уловила намек: ее отпускают! Ее глаза весело заблестели. Ей явно не терпелось рассказать остальным о новых порядках.

— Да, госпожа, — сказала она и исчезла.

— А теперь, раз нельзя полагаться на то, что ты не злоупотребишь привилегией иметь горничную, тебе придется самой расчесывать свои волосы — а также и заботиться обо всем остальном. — Тэлия вручила щетку разинувшей рот от изумления Элспет и вышла.

Таким образом, Элспет пришлось перебиваться без помощи слуг.

Она выглядела как чучело, знала это и мучилась от этого. Слуги, по приказу королевы, не давали себе труда скрывать свою радость по поводу нового положения вещей; не стеснялись они и показать, что, по их мнению, Элспет только получает по заслугам. Придворные вели себя еще хуже: они улыбались и делали вид, будто ничего не случилось, но Элспет чувствовала, что про себя они смеются над ней. Тэлия продолжала проводить с ней время и помогала ей с волосами и одеждой — но только после вежливой просьбы. Это был совершенно неожиданный и неприятный поворот событий.

В качестве ответного хода Элспет разнесла детскую с целью доказать, что ей наплевать. Она провела очень приятное утро, опрокидывая мебель, сдирая с кровати простыни и одеяла и сваливая их кучей в середине комнаты, ломая игрушки и разбрасывая куски повсюду. Она сидела посреди всего этого разгрома, слегка запыхавшаяся и очень довольная, когда пришла Тэлия.

Та хладнокровно окинула взглядом руины детской.

— Что ж, — сказала она, — Полагаю, ты понимаешь, что детская останется в таком состоянии, пока ты в ней не приберешь.

Элспет разинула рот: она ожидала, что Тэлия рассердится. Потом до нее начал доходить смысл сказанного.

— Н-н-но где же я буду спать?

— Либо на полу посреди комнаты, либо на голом матрасе, дело твое. И то, и другое лучше, чем та постель, которую когда-либо имел Скиф, когда жил на улице, или я, когда стерегла овец. Если уж на то пошло, это лучшая постель, чем достается мне и сейчас, когда меня назначают в ночное, следить за

ожеребом.

Элспет начала заплакала; Тэлия смотрела на нее совершенно бесстрастно. Когда слезы не принесли успеха, Элспет схватила деревянный кубик и в сердцах запустила его Тэлии в голову.

Это так произвело впечатление — но не то, на которое рассчитывала Элспет. Тэлия легко увернулась от снаряда и, сжав губы, надвинулась на девочку. Прежде чем Элспет поняла, что происходит, Тэлия подняла ее за шкуру, отвесила три звонких, жгучих шлепка по попе и усадила обратно.

— В следующий раз, — предупредила она прежде, чем оскорбленная Элспет успела взвыть уже во всю мочь и заглушить ее слова, — шлепков будет шесть.

Затем она покинула комнату (хотя остановилась неподалеку, чего Элспет не знала), закрыв за собой дверь. Элспет доплакалась чуть не до рвоты, отказалась от ужина и уснула в ворохе одеял посередине комнаты.

Тэлия отлично знала, что одна пропущенная еда ребенку не повредит, однако сочла своим долгом явиться на следующее утро с обильным завтраком на подносе, держась так, словно ничего не произошло. Она помогла изрядно притихшей девочке искупаться и одеться и впервые за три дня расчесала ее спутанные волосы. Все шло хорошо до обеда, когда Элспет пожелала узнать, когда кто-нибудь уберет в ее комнате.

— В ней будет убрано тогда, когда ты сама это сделаешь, и не раньше, — непреклонно ответила Тэлия.

Это повлекло за собой новый припадок, еще одну брошенную в нее игрушку и обещанные шесть шлепков. Когда Тэлия уходила на дневные занятия, Элспет все еще плакала в углу.

По прошествии трех таких дней Тэлия, придя в детскую после ужина, увидела Элспет, безуспешно пытающуюся распутать клубок тяжелых одеял. Она уже поставила — более или менее на место — ту мебель, которую смогла поднять. Ни слова не говоря, Тэлия помогла девочке поставить остальную, вместе с ней собрала сломанные игрушки и разложила обратно по полкам. В эту ночь Элспет впервые за неделю спала в своей постели, а Тэлия держала ее за руку и пела ей, пока она не заснула.

Следующие сражения разразились из-за сломанных игрушек.

Когда игрушки, которые Элспет расколошматила, не оказались «волшебным образом» замененными, как это всегда случалось прежде, девочка захотела знать, почему?

— Очевидно, что ты не дорожила ими, поэтому новых ты не получишь, — сказала ей Тэлия. — Если тебе нужны игрушки, тебе придется самой починить сломанные.

За этим последовало повторение предыдущей недели — хотя на сей раз у Элспет хватило благоразумия ничего в Тэлию не бросать. Однако она снова рыдала до тех пор, пока не довела себя до рвоты, и к исходу пятого дня Тэлия смертельно устала от своей тактики. Она сочла, что пора положить этому конец, — поэтому взяла девочку, притащила ее в умывальную комнату и сунула в бадью с холодной водой.

— Ты доводила себя до тошноты, — сказала она как можно мягче, пока Элспет задыхалась и отплевывалась. — Раз ты не пожелала остановиться сама, я решила, что будет лучше, если тебя остановлю я.

Элспет позаботилась о том, чтобы никогда больше не плакать до рвоты, хотя на сей раз она продержалась еще целых две недели. Когда же они истекли, Тэлия увидела ее сидящей с кисточкой для клея в одной руке и сломанным игрушечным фургоном — в другой. К волосам, лицу и рукам принцессы прилипли кусочки бумаги, она с ног до головы вымазалась в клее, а на лице застыло совершенно жалкое выражение.

Одна медленная, непритворная слеза сползла по ее щеке, когда она поглядела снизу вверх на Тэлию.

— Я... я не знаю, как починить его, — сказала она тихо. — Я старалась., я правда, правда старалась... но он все равно не чинится!

Тэлия взяла у нее из рук игрушку и кисточку, а потом крепко обняла и поцеловала, забыв про клей.

— Давай я тебе помогу. Тебе с самого начала нужно было всего-навсего попросить меня.

На то, чтобы починить сломанные игрушки, ушла большая часть месяца, а некоторые оказались испорченными безвозвратно. Тэлия не предложила заменить их; Элспет устроила по этому поводу несколько сцен, но по сравнению с прежними представлениями они выглядели в лучшем случае вяло. Она начинала понимать, что в обществе Тэлии гораздо лучше находиться, когда она, Элспет, не устраивает тарарама. Тут Тэлия решила, что девочке пора начинать учиться.

После первого дня визга и воплей — только воплей, без какого-либо рукоприкладства или разрушений (по крайней мере этому-то Элспет научилась), Тэлия договорилась в Коллегии, что в течение недели не будет посещать утренние занятия.

К концу этой недели она чувствовала себя так, будто объезжала диких лошадей, зато Элспет смирилась с необходимостью учиться, и ей это даже начало (против воли) нравиться.

Постепенно количество хороших дней стало у Элспет превышать число плохих; по мере этого в ее жизнь возвращалось все больше и больше удобств. Вернулись слуги (она обращалась с ними словно со стеклянными, явно боясь, что они могут исчезнуть снова, если она хотя бы повысит на них голос); заменены были игрушки — сначала, одна за другой и без единого слова, те, что оказались непоправимо испорчены, затем те, что были сломаны, а потом неумело починены. Все, кроме одной куклы — той, которой Элспет оторвала руки и ноги, а Тэлия пришила обратно. Когда Элспет заметила, что испорченные игрушки заменяют, она стала держать эту куклу при себе и брать ее на ночь в постель. Тэлия улыбнулась про себя, растроганная — и кукла осталась.

Шаг вперед был сделан.

Теперь требовалось справиться еще с одной проблемой. Девочка действительно испытывала ужас перед Спутниками; они снились ей в кошмарах, и ее невозможно было уговорить пойти куда-либо, если это место находилось неподалеку от Поля.

Тэлия постаралась уничтожить последствия страшных сказок Хулды, рассказывая Элспет ходящие по Коллегии забавные истории и сплетни, в которых Спутники фигурировали не реже, чем ученики. Как только она сочла это возможным, она стала брать Элспет гулять перед сном, и с каждой прогулкой они как бы ненароком подходили все ближе и ближе к Спутникову Полю. Наконец она привела Элспет прямо на Поле, а Ролан следовал за ними на приличном расстоянии. Шли дни, девочка привыкла к его присутствию, и Тэлия попросила Спутника подойти поближе. Наконец настал день торжества, когда она посадила Элспет ему на спину. Их совместная короткая поездка излечила девочку от последних кошмаров и истерик и дала в руки Тэлии удобную награду за хорошее поведение, поскольку Элспет так же безоглядно влюбилась в Спутников, как прежде их боялась.

После этого наступили чудесные дни — дни, когда Элспет была ласковой, спокойной, когда ее общество доставляло удовольствие. А порой случались и несчастные дни, когда она опять превращалась в Отродье.

В такие дни на нее накатывали приступы ярости, она оскорбляла слуг (хотя никогда больше не поднимала на них руки), всячески обзывала Тэлию и громила свою детскую просто ради удовольствия ломать и крушить. До какого-то момента Тэлия это терпела, потом делала ей три предупреждения. Если и третье не помогало, Королевское Отродье получало королевскую же трепку и на некоторое время предоставлялось самому себе, пока сама не разыскивала Тэлию, чтобы попросить прощения.

Постепенно хорошие дни получили над плохими уже заметный перевес, и вскоре стало возможным привести девочку в чувство, просто напомнив ей о том, что она, кажется, опять начинает вести себя как «отродье».

Тэлия была измотана, но чувствовала себя вознагражденной за свои усилия. В возмещение

невероятного количества времени, которое она тратила на девочку, ее на какой-то срок освободили сначала от дежурств, а затем и от обязанностей по наблюдению за ожеребом. По мере того как Отродье все больше и больше превращалось в Элспет, Тэлия снова начала исполнять эти обязанности. Когда Элспет стала больше интересоваться Спутниками и меньше их бояться, идея наблюдения за ожеребом (что летом являлось далеко не обременительной обязанностью, хотя зимой могло быть — и зачастую было — чистым кошмаром) захватила ее.

Спутники-кобылы не жеребились с такой же легкостью, как обычные лошади; когда подходило время, рядом с теми, кто Избрал, конечно, находился их Герольд или ученик, но еще не Избравшим некому было помочь. Если случались осложнения, зачастую минуты решали, будут ли жить кобыла или жеребенок. Конечно, Керен делала все, что было в ее силах, но она не могла находиться повсюду, да и ей самой тоже требовался сон. Поэтому, когда еще не Избравшая кобыла готовилась ожеребиться, одной из обязанностей учеников являлось безотлучно проводить возле нее ночи. Черед Тэлии выпал как раз после летнего равноденствия, и Элспет так горячо умоляла ее позволить подежурить с ней, что Тэлия смягчилась и уступила.

Она не рассчитывала, что из этого что-нибудь выйдет — да и сама кобыла, судя по тому, что Тэлия смогла узнать от Ролана, полагала, что ее срок жеребиться настанет еще, самое раннее, через неделю. Но, ко всеобщему удивлению, незадолго до полуночи кобыла разбудила Тэлию и ее маленькую подручную, настойчиво толкая их носом; роды уже шли полным ходом.

Именно Элспет побежала за Керен, когда опытному глазу Тэлии стало видно, что жеребенок идет не правильно; Элспет гладила морду кобылы и ворковала ей что-то ласково (и это существу, от которого несколько месяцев назад она бы в ужасе убежала), в то время как Керен и Тэлия переворачивали жеребенка.

И именно Элспет помогла потом трясущемуся маленькому жеребчику подняться на ноги и помогла обтереть его суровым полотенцем. Когда малыш принялся сосать, кобыла передала Керен какое-то сообщение; Керен ухмыльнулась, осторожно выдернула из ее хвоста несколько волос, и сонная, но счастливая Элспет получила сплетенные тут же, на месте, кольцо и браслет в качестве «благодарственного подарка от его мамы».

Она немедленно их надела и отказывалась снимать — и с тех пор не раз бывало, что когда Тэлия ожидала от нее вспышки ярости, она видела, как девочка гладит браслет, делает глубокий вдох и берет себя в руки. Та ночь ознаменовала настоящий перелом.

Наконец, уже спустя довольно много времени после летнего равноденствия, Элспет подошла к своей матери и попросила (так вежливо, что Селенэй только рот открыла от удивления) попросила разрешения пойти посмотреть на Тэлию во время ее дневных занятий.

— А ты спросила Тэлию, хочет ли она иметь зрителей? — спросила королева свою преобразившуюся дочь.

— Да, госпожа матушка. Она сказала, что на утренние занятия тоже можно прийти, но тогда у меня были другие уроки, поэтому я подумала, что это будет не самая удачная мысль. Но днем я должна присутствовать на тренировке бойцов и верховой езде, так что все равно, если я буду делать это со студентами Коллегии, не правда ли? И... я устала заниматься одна. Пожалуйста!

Королева дала позволение и, когда девочка ушла, повернулась к Тэлии (которая пришла с Элспет, но во время беседы молчала).

— Глазам и ушам своим не верю! — воскликнула она. — Неужели это тот самый ребенок, который терроризировал этой зимой своих слуг? Ты совершила чудо!

— Элспет совершила чудо, — поправила Тэлия. — Мне нужно было лишь сделать так, чтобы она захотела измениться. Думаю, нам всем повезло, что эта тварь, Хулда, только меньше двух лет располагала действительно полной свободой действий. Если бы она заполучила Элспет в более раннем возрасте, не думаю, что кому-нибудь удалось добиться многого в ее перевоспитании.

— Тогда я благодарю всех богов за то, что ты поняла, что за этой переменой в Элспет стояла Хулда.

Я-то знала только, что дочь постепенно начала становиться все непослушнее и неприятнее. Я даже не могла больше брать ее с собой на прогулки верхом: стоило Карио к ней приблизиться, как у нее начиналась истерика... истерика, которую могла успокоить только Хулда, — задумчиво сказала Селенэй. — Невероятно, как умно Хулда все это проделывала. Мы-то думали, что ее вина лишь в том, что она внушает ребенку чересчур раздутое представление о ее значительности. Хулда утверждала, что это только этап, что скоро у Элспет это пройдет. А у меня имелись собственные проблемы в общении с дочерью. С каждым днем она становилась все больше и больше похожа на своего отца, и из-за этого мне иногда было очень трудно иметь с ней дело. Я никогда не могла быть уверенной, разумно ли я сужу о ее поведении, или мое суждение основано на неприязни к человеку, которого она напоминает. Таламир предложил отдать ее на воспитание: это достаточно обычная вещь и не могло вызвать никаких кривотолков. Бедный старик, он просто чувствовал, что не в состоянии справиться с таким маленьким ребенком. Потом, когда мы подумали, что вот оно, решение вопроса, его убили.

Тэлия закусила губу.

— Значит, теперь вы знаете это наверняка?

— Среди оставленных Хулдой вещей мы нашли склянку с довольно сильным сердечным лекарством. В малых количествах оно целебно, но стоит выпить слишком много, и сердце не выдержит напряжения и разорвется — именно так, как случилось с Таламиром. Бедный Таламир, казалось, мы все время тянулись друг к другу через разделяющую нас пропасть лет... и так по-настоящему и не встретились. Я знаю, что он старался ради меня изо всех сил, но ситуация слишком смущала его, и он всегда чувствовал себя неуютно в роли моего поверенного. И он был слишком рыцарствен, чтобы устроить мне хорошую взбучку даже тогда, когда я явно того заслуживала — хотя бы словесную.

— Ну, я-то вас уж точно не могу отшлепать! — резко сказала Тэлия, слегка рассерженная тем, что королева начала предаваться жалости к себе.

— Да ну? — расхохоталась Селенэй. — А по мне так это прозвучало как увесистый словесный шлепок!

Тэлия покраснела.

— Я... я прошу прощения. Я не имею права так с вами говорить.

— Как раз наоборот. Ты имеешь на это полное право; такое же право, какое имел Таламир, но не воспользовался им. — Селенэй поглядела на девочку, слегка склонив голову набок. — Знаешь, все сказки утверждают, что мудрость Личного Герольда Королевы не имеет возрастного барьера, а я начинаю думать, что в сказках ничего зря не говорится. Ты настолько же мой Герольд, насколько была бы, будь ты вдвое старше, и не только мой, но и Элспет. И поверь мне, малышка, я рассчитываю, что мне никогда не придется обходиться без тебя!

Глава десятая

Несколько дней спустя в разговоре между Тэлией и королевой вновь всплыла та же тема.

— Мало того, что Хулда исчезла, — сказала Селенэй, не просто раздосадованная — по-настоящему разгневанная тем, что позволила этой женщине ускользнуть в буквальном смысле слова у нее из-под носа — Я хотела, чтобы кто-нибудь наложил на нее Заклятие Правды и допросил о «господине», хотя не думаю, чтобы она смогла многое нам рассказать. Но Кирилл обнаружил, что иммиграционные записи, касающиеся ее, тоже пропали!

— Светлые Гавани! Тогда мы, возможно, никогда не узнаем, на кого она работала. По словам Скифа, человек, с которым она говорила, всегда был в маске и капюшоне; Скиф даже сомневается, что сама Хулда знала, кто он. — Тэлия была встревожена — встревожена сильнее, чем ей хотелось признать. — Есть ли вероятность, что она доставит нам какие-нибудь новые хлопоты?

— Сомневаюсь. В конце концов, что она смогла сделать? Даже Мелиди выздоравливает... Насколько это возможно.

— Я очень рада это слышать, — сказала Тэлия со вздохом облегчения. — Значит, что бы из себя не представляло то снадобье, длительных последствий оно иметь не будет?

— Целители говорят, что нет. И не могу передать, как я тебе признательна и рада, что ты, похоже, излечила Элспет от страха перед Спутниками.

— Весьма примечательно, что страх исчез одновременно с Хулдой, — сухо заметила Тэлия. — Чтобы излечить девочку, потребовалось всего лишь несколько визитов к Ролану и другим. Теперь она их обожает.

— Я заметила, — лукаво усмехнулась Селенэй. — Особенно после того, как Элспет неожиданно решила, что снова хочет участвовать в моих полуденных прогулках с Карио. Это наводит меня на одну мысль. Я знаю, что ты занята, и теперь больше, чем когда-либо, но не смогла бы ты уделять мне около часа в неделю?

Тэлия вздохнула.

— Как-нибудь выкрою. А что?

— Я хотела бы, чтобы ты заняла место Таламира в Совете.

Тэлия поперхнулась.

— Что! Сейчас? Почему?

— А почему бы и нет? Рано или поздно тебе придется его занять. Я бы хотела, чтобы ты привыкла к тамошним интригам и козням, а советники привыкли видеть тебя в Зале Совета. Тебе совершенно необязательно что-нибудь говорить на заседаниях, но ты можешь заметить что-то, что ускользнуло от меня, что-то, что было бы полезно знать.

— Что же я могла бы заметить?

— Возможно, ничего... а может, и очень многое. Кроме того, это даст тебе некоторую защиту. То, что ты будешь сидеть за столом Совета, очень ясно покажет, что я не намерена смотреть сквозь пальцы на попытки повредить тебе только потому, что ты еще не «настоящий» Герольд.

— Могу я поставить условие?

— Разумеется.

— Я бы хотела, чтобы со мной ходила Элспет; так она не будет чувствовать себя заброшенной, а кроме того, собственными глазами убедится, что править — это работа. Думаю, это подействует лучше всяких слов.

— Согласна... и самой мне это бы и в голову не пришло.

— Не правда, — запротестовала Тэлия.

— Нет, правда, и ты это знаешь. И раз уж ты выступаешь в качестве Личного Герольда Королевы, ты

могла бы и звать меня по имени. Я начинаю уставать от «высочеств» и «величеств». Для тебя я просто Селенэй.

— Слушаюсь, ва.. Селенэй, — ответила Тэлия, отвечая улыбкой на улыбку королевы.

— Следующее заседание Совета состоится через два дня, в полдень, сразу после обеда. Увидимся на Совете?

Элспет явилась к Тэлии на занятие по владению оружием у Альбрехта безукоризненно точно, и с тех пор не пропускала ни одного. Девочку, по-видимому, зачаровали различные стили боя, которым обучал студентов Мастер боевых искусств. Остальные ученики, заранее предупрежденные о приходе Элспет, приступили к своим обычным занятиям, преодолевая легкую скованность.

Вскоре они начали то и дело приостанавливаться, чтобы кивнуть ей или перекинуться несколькими дружескими словами, пытаясь держать себя так, словно Элспет — всего лишь еще одна ученица.

В самом скором времени им уже ничего не нужно было пытаться изобразить. Казалось естественным воспринимать Элспет как одну из своих.

Неделю или две Элспет оставалась молчаливой наблюдательницей. Потом у Альбериха, очевидно, появилась идея, которую он решил опробовать. В типичной для Альбериха манере он сделал это, не предупредив Тэлию.

Он как раз закончил работать с Тэлией, когда его взгляд как бы случайно — хотя Тэлия отлично знала, что в том, что касается уроков, Альберих ничего не делает случайно — упал на Элспет.

— Ты, ребенок! — пролаял он — Поди сюда!

Тэлия увидела, как подбородок Элспет окаменел, а нос пошел вверх — верный знак, что она готовится выдать образчик прежнего своего поведения. Ей удалось перехватить взгляд девочки и скорчить рожу, которую Элспет стала звать Королевской Кошмарной Миной. Элспет прыснула, потрогала свой браслет; вся ее надменность испарилась, и она с похвальной покорностью подошла к Альбериху.

— Смотрите все, — сказал он, вручая девочке короткий учебный клинок — В этом возрасте она еще не приобрела дурных привычек, поэтому ей не нужно переучиваться. Она гибче акробата и сможет научиться быстрее, чем любые трое из вас вместе взятые. Имя, ребенок?

— Элспет, господин учитель.

Альберих показал ей одно из простейших упражнений.

— Можешь это сделать?

Меж бровей девочки появилась тоненькая морщинка, и Элспет постаралась как можно лучше воспроизвести движения Мастера. Альберих сделал несколько незначительных исправлений, потом еще несколько раз прогнал девочку через то же упражнение, последний — на полной скорости.

— Вот, видели? Вот что вы стараетесь имитировать — живой и восприимчивый ум и тело ребенка. И смотрите...

Он внезапно атаковал Элспет так, что естественной защитой с ее стороны было применить как раз тот прием, которому он только что ее научил. Элспет выполнила его так безупречно, что остальные студенты невольно заплодировали.

— В этом возрасте раз выучил — никогда не забудешь. Старайтесь подражать ей.

По команде Альбериха ученики вернулись к работе в парах. Он знаком подозвал к себе Тэлию.

— Ты отвечаешь вот за эту? — спросил он, словно не имел ни малейшего понятия о том, кто такая Элспет.

— Да, господин учитель, — почтительно ответила Тэлия.

— Я бы хотел включить ее в группу. Это можно устроить?

— Очень легко. Элспет, ты хотела бы учиться владеть оружием, а не только смотреть на упражнения?

— О да! — пылко, с сияющими глазами ответила девочка. — Только...

— Да? — подбодрил ее Альберих.

— Вы не будете бить меня слишком сильно, пожалуйста, господин учитель? Не так, как вы ударили Гриффона.

Альберих рассмеялся — зрелище, которое Тэлии доводилось видеть нечасто.

— Я отмеряю наказание по толщине черепа моих студентов, ребенок. У Гриффона очень толстый череп.

Гриффон, стоявший достаточно близко и слышавший каждое слово, ухмыльнулся и подмигнул Элспет.

— Думаю, — продолжал Альберих, — что у тебя не такой толстый череп, поэтому тебя я буду бить только слегка. А теперь мы могли бы начать с того, чему я тебя только что научил.

Глядя на них, Тэлия поняла, что Альберих только что помог нанести Отродью смертельный удар.

Отныне осталась только Элспет.

С тех пор, хоть у нее иногда и случались краткие сбои, девочка была в состоянии без особого усилия придерживаться хорошего поведения. За жаркие летние дни она быстро превратилась в любимицу всей Коллегии, хотя ей никогда не грозило быть избалованной, поскольку все слишком хорошо помнили, что из себя представляло Отродье.

Вместо того, чтобы просто наблюдать, она стала сама вызываться помочь. На стрельбах из лука она подносила воду и стрелы для замены сломанных, на упражнениях с оружием — мел и сухие полотенца. Она всячески старалась помочь чистить Спутников и амунизию, причем не только Ролана и его сбрую, а бросалась помогать всякому, кто случался поблизости. Когда в «их» послеполуденные часы Тэлии выпадал черед отбывать трудовую повинность, Элспет настаивала на том, чтобы делать свою долю работы; повар Мерио даже стал предвидеть ее появление на кухне и всегда готовил для своих подручных особое угощение, когда на кухне дежурили совместно Тэлия и Элспет. Дошло до того, что Элспет начала находить некоторую прелесть в шотпке: раньше она не представляла, как чинится рваная одежда. Впрочем, с иглой она управлялась не очень хорошо — не хватало терпения для столь нудной работы — и предпочитала делать что-нибудь более подвижное, вроде раскладывания одежды на стопки «все еще годится», «только для работы на улице» и «безнадежна» — ее собственные названия, которые скоро переняли все остальные. «Безнадежную» любили особенно: предполагаемый починщик разыгрывал над провинившейся вещью скорбные сцены. Это превратилось в постоянную игру, и все участники получали от нее массу удовольствия.

К тому времени, когда листья начали желтеть, никто уже не мог представить себе Коллегию без Элспет, носящейся взад-вперед вместе с учениками.

Однажды холодным днем, когда в окно Тэлии бились последние иссохшие листья, в ее дверь негромко постучали. Тэлия отворила, на пороге стояла Шерил... в Белом.

На мгновение Тэлия лишилась дара речи, потом крепко, изо всех сил обняла подругу, восклицая прерывающимся голосом:

— Ты добилась! Добилась!

Шерил тоже обняла свою бывшую подопечную; по ее щеке скатилась слеза — слеза радости.

— Полагаю, что да, — сказала она, когда Тэлия наконец выпустила ее. — Ты первая, кто об этом узнал, не считая Элкарта.

— Правда? О, Шери... Не знаю, что и сказать... это замечательно! Я так за тебя рада! Когда ты отправляешься на стажировку?

— На будущей неделе, — ответила та; внезапно она, казалось, сильно смутилась, — И у меня была еще одна причина прийти... поскольку я тебе вроде наставницы... ну... я должна кое о чем тебе рассказать

перед тем, как уехать.

— Продолжай, — ответила Тэлия, гадая, почему ее подруга так застенялась.

— Ну... что ты думаешь... о мальчиках?

— Я никогда особо о них не думала, — отвечала Тэлия.

— Я хочу сказать, тебе они нравятся? Кажется, тебе... очень нравится Скиф.

— Я не такая, как Керен, если ты это имеешь в виду.

— Нет, не то, — досадливо поморщилась Шерил. — Ты знаешь... про детей... и все такое, верно?

— Можешь не сомневаться, учитывая, что перед тем, как я попала сюда, меня собирались выдать замуж! — слегка развеселившись, заверила ее Тэлия. — И, думаю, я помогла Керен принимать больше родов, чем выпадает кому-либо за один год пребывания в Коллегии и ночных на Спутниковом Поле! По-моему, кобылы нарочно меня дожидаются!

— Ну, а ты знаешь, как не заиметь детей? Я хочу сказать, ты, наверно, заметила, что беременного Герольда встретишь не часто, а нас вряд ли можно назвать целомудренной братией...

— «Да» на твой второй вопрос, — сказала Тэлия, невольно подумав о ночных мероприятиях в комнате ее соседки по коридору, Дестрии. — Но «нет» — на первый!

— У нас есть одно средство, его делают для нас Целители, — сказала Шерил, явно испытывая облегчение от того, что ей не придется просвещать подругу относительно суровой прозы жизни. — Такой порошок — его принимаешь каждый день, кроме тех, когда у тебя месячные. Он даже не противен, что, право же, удивительно, если учесть, каково на вкус большинство их снадобий. Его можно использовать и для того, чтобы смещать циклы, если это необходимо, — например, когда знаешь, что впереди у тебя ситуация, в которой иметь месячные будет крайне неудобно. Тогда просто раньше перестаешь принимать его или дольше продолжаешь. Я подумала, что будет лучше, если я расскажу тебе об этом, не то, возможно, не расскажет никто. Я знаю, что тебе он пока не требовался... но может скоро понадобится, если только блеск, который я заметила в глазах Скифа, что-нибудь означает.

— И ты помнила о том, чтобы сказать мне об этом, в день, когда получила Белое? — недоверчиво спросила Тэлия, пропустив мимо ушей замечание насчет Скифа. — Ох, Шери, чем я заслужила такого друга, как ты?

Порошок оказался таким же удобным, как маленькие тампоны, которыми Шерил научила ее пользоваться во время месячных вместо кусочков тряпки, и Тэлия была чрезвычайно признательна Шерил за то, что та о нем рассказала. Иметь возможность сдвигать цикл по своему усмотрению было замечательно само по себе — проверить его действенность в другом отношении Тэлии ни разу по-настоящему не представлялось возможности.

Судьба так часто сводила ее со Скифом, что Тэлия совсем перестала его дичиться, и безусловно давно уже отнесла к разряду «безопасных» представителей сильного пола. Помогло и то, что они были близки и по возрасту, и по росту; обычно шумливый Скиф в присутствии Тэлии и говорил, и вел себя не в пример сдержаннее, словно понимая, как легко может мужчина встревожить или напугать ее. Сначала они были просто друзьями — но теперь его влекло к Тэлии по-другому, как это ярко демонстрировало его поведение за столом. Поэтому то, что произошло между ними затем, вряд ли удивительно.

После того, как Тэлия едва не погибла в ледяной воде, Альберих приставил к ней Шерил, чтобы та научила Личного Герольда Королевы плавать так, как учат детей на Вечнотуманном Озере.

Последним деянием Шерил перед отъездом на стажировку стало нападение на Тэлию: когда они проходили по мосту, Шерил внезапно столкнула ее в воду в том самом месте, где ее топили в прошлый раз. Вода была почти так же холодна, как тогда, хотя лед образовал всего лишь тоненькую пленку в камышах. Шери стояла наготове, чтобы, если понадобится, вытащить Тэлию, но та выдержала импровизированный экзамен блестяще, — так сказать, с развевающимися знаменами и выбивающими дробь зубами.

Скиф встретил ее, когда она возвращалась к себе в комнату. Смеющаяся, трясущаяся от холода Тэлия

шла босиком, завернувшись в конскую попону; по полу за ней тянулся мокрый след.

— Святые звезды! — воскликнул Скиф потрясение. — Что случилось?

— Шери столкнула меня в реку... нет, погоди, — пресекла Тэлия порыв приятеля, бросившегося отплатить ни в чем не повинной Шерил той же монетой. — Ей приказал Альберих. Она обучала меня тому, что умеет сама, и нужен был надежный способ проверить, научилась я или нет.

— Ничего себе проверочка, — проворчал Скиф, потом, к удивлению Тэлии, поднял ее и понес на руках к ней в комнату.

— Тебя вообще никогда не оставляют в покое, верно? — бурчал он, помогая ей снять мокрую одежду и разводя огонь в очаге. — Святые звезды, ты делаешь вдвое больше работы, чем мы, остальные, и тебе никогда не дают передышки, а потом еще берут и творят вот такое...

Тэлия повернулась к нему и неожиданно оступилась. Скиф подхватил ее, и Тэлия внезапно обнаружила, что смотрит прямо в его карие глаза со скромного расстояния в два дюйма. Скиф застыл, потом воспользовался удобным случаем и поцеловал ее.

Спустя долгое мгновение они смущенно отодвинулись друг от друга.

— Э, Тэлия... — промямлил он.

— Ты нравишься мне, Скиф, — сказала она тихо, — Очень нравишься.

— Правда? — он залился краской. — Я... ты же знаешь, что нравишься мне.

— А тебе известно, кто моя соседка по коридору. Никто не заметит, если мы... ты понимаешь.

— Ты хочешь сказать... — Скиф едва мог поверить своим ушам. Или своему счастью. — Но на тебе же парадная форма, ты куда-то идешь. Может, сегодня вечером?

— У меня заседание Совета, но после него... увы, бедный Скиф...

Заседание Совета оказалось длинным и скучным, а Тэлия устала от устроенного Шерил «испытания водой» гораздо больше, чем думала.

Она вернулась к себе незадолго до прихода Скифа и присела на кровать, чтобы немного отдохнуть. Явившийся Скиф к своему большому огорчению обнаружил, что она крепко спит.

Он досадливо закусил губу; потом его лицо разгладилось. Он осторожно укрыл Тэлию одеялом и легонько поцеловал в щеку; она так умаялась за день, что даже не шелохнулась.

— Ничего, милая барышня, — прошептал Скиф. — Мы попробуем снова в другой раз.

— Светлые Гавани, маленькая, — воскликнул Джедус, увидев лицо Тэлии, когда она явилась с ежевечерним визитом. — Что тебя тревожит?

— Я... я не знаю точно, — неуверенно ответила она, — Но все ходят такие злые... я думала, что смогу от этого отгородиться, но у меня просто не получается...

— Тебе следовало сказать об этом раньше, — мягко пожурил ее Джедус, используя собственный Дар, чтобы усилить ее защиту. — Элкарт мог бы помочь тебе.

— Элкарт был занят, а все остальные настолько злы, что к ним не подступиться. Джедус, что со всеми стряслось? Я думала, Герольды никогда не злятся... я никогда ничего подобного не чувствовала!

— Это потому, что ты была совершенно не в состоянии ощутить настроение, царившее в Коллегии прошлой зимой, моя милая.

— Вы меняете тему, — резковато ответила Тэлия. — А если это затрагивает Селенэй или Элспет, мне нужно знать, что происходит.

Джедус колебался, потом вздохнул и пришел к выводу, что она права.

— Это довольно некрасивая история, — сказал он. — Есть такой молодой Герольд по имени Дирк, который без памяти влюбился в одну из придворных красоток. Это случается не так уж редко, особенно

когда Герольд впервые получает назначение ко двору или в Коллегию, но дама явно поощряла его чувства, пока он совершенно не потерял голову от любви. И все это время она только играла им... намеревалась использовать его для довольно низкой цели — добраться через него до одного его друга. Когда же все открылось, она наговорила Дирку очень жестоких вещей... намеренно сделала так, чтобы разрушить его довольно хрупкое «я» — и почти преуспела в этом. Она совершенно уничтожила его веру в себя; убедила парня, что он стоит меньше, чем шелудивая собака. Беднягу на некоторое время отослали домой: будем надеяться, что в кругу семьи и друзей он оправится. Я молюсь, чтобы было так. Дирк — славный малый и ценный Герольд и стоит пятидесяти таких, как она. Я знал его отца по Коллегии Бардов, и парнишка оказывал мне любезность, время от времени навещая меня, чтобы засвидетельствовать свое почтение. Злость, которую ты воспринимаешь, в значительной степени вызвана тем, что мы ни по закону, ни по правилам этики не можем подвергнуть эту особу наказанию, которого она в высшей степени заслуживает. И знай, детка, нам тоже случается сердиться, мы ведь только люди, а знать, что мы не можем отплатить за зло, которое причинили тому, кто нам дорог, потому что мы придерживаемся как духа, так и буквы закона — это больно.

Тэлия оставила Джедуса в глубокой задумчивости, гадая, станет ли она когда-либо достойной такой заботы.

За завтраком Скиф сунул Тэлии записку: «Сегодня вечером, у меня».

Она улыбнулась и еле заметно кивнула.

Но к тому времени, когда Скиф добрался до своей комнаты, и Тэлия, и предполагаемое рандеву вылетели у него из головы. Он был весь избит, покрыт синяками, у него болело все, от макушки до пяток, и единственное, о чем он мог думать — это удастся ли уговорить Эдрика или Дрейка притащить что-нибудь с кухни, чтобы ему не пришлось волочь свое измученное тело в трапезную.

Он удивленно захлопал глазами, увидев, что на столе его ждет миска с едой и горячий чай. Он заморгал снова, увидев сидящую на его кровати Тэлию.

— О, Владыка Света! Тэлия, я забыл.

— Я все знаю, — просто сказала она. — Но я подумала, что тебе не помешает еда и друг — а там посмотрим, не удастся ли с помощью этих двух вещей привести тебя в состояние, пригодное для прочего.

— Он живодер, этот Альберих, — простонал Скиф, медленно, морщась, опускаясь на стул и протягивая руку за чаем. — «Тебе пора иметь какие-то обязанности», говорит: «Ты будешь моим помощником», говорит: «У тебя останется меньше времени на лазанье по карманам и дурные привычки». Он не сказал, что собирается сделать меня спарринг-партнером для здоровенных скотов, которые уже получили Белое. Он не сказал, что я должен буду учить трех верзил, которые никогда не видели ничего замысловатее дубины. Святые звезды, Тэлия, посмотрела бы на ты этих троих. Они были крестьянами — по крайней мере, так мне сказали. Крестьяне! Тэлия, если бы ты спросила у одного из них дорогу, он бы, наверно, поднял соху, вола и все прочее, и показал тебе направление.

Тэлия что-то сочувственно шептала и растирала ему плечи.

— У меня болят места, про которые я даже не знал, что они у меня есть, — пожаловался Скиф, поглощая ужин с несвойственной ему медлительностью.

— Может, мне удастся помочь этой беде, — улыбнулась Тэлия, продолжая разминать его многочисленные ушибы и болячки.

До кровати было всего два шага; Тэлия сняла со Скифа большую часть одежды — и, не совсем нечаянно, с себя тоже. Раздобыла немного масла для растираний и разогрела до температуры тела, потом принялась втирать в больные места, чтобы размять узлы, образовавшиеся в его исколошмаченных и покрытых кровоподтеками мышцах. Скиф почувствовал, что начинает понемногу оживать под ее нежными прикосновениями, потом он сделал ошибку и закрыл глаза.

Тэлия поняла, что он безнадёжен, только когда услышала тихое посапывание.

Она вздохнула, слезла с кровати, закутала Скифа, как ребенка, и вернулась к себе в комнату.

На сей раз Тэлия весьма охотно осталась в Коллегии на праздник Середины Зимы, радуясь непривычной свободе читать, если хочется, хоть всю ночь напролет и возможности наслаждаться обществом Джедуса. Выяснилось, что в этом году Мери и Гэйта тоже остаются на праздники, равно как Керен и Ильза, и все шестеро часто сходились в комнате Джедуса для долгих бесед за горячим сидром.

Керен и Ильза брали Тэлию с собой на долгие верховые прогулки за город, на природу. Им даже несколько раз удалось уговорить Джедуса присоединиться к ним во время таких вылазок — первый за многие годы случай, когда он выбрался за пределы Коллегии. Они трое нашли замерзший пруд, покрытый черным льдом с гладкой, словно лучшее зеркало, поверхностью. Ильза и Джедус оставались возле разведенного на берегу костра, подшучивая над двумя подругами и бдительно присматривая за кроликом и овощами, жарящимися для пикника на снегу, а Керен учила Тэлию кататься на коньках. Прикрепив к сапогам сделанные из полированной стали бегунки, Керен скользила по поверхности пруда с изяществом парящего сокола.

Тэлия часто падала — по крайней мере, поначалу.

— Вы просто пытаетесь на мне отыграться, — обвинила она Керен. — Я ни разу не стерла себе седалище, когда ездил верхом, так вы стараетесь найти другой способ сделать так, чтобы мне было больно сидеть!

Керен только усмехнулась, помогла ей подняться на ноги и вновь поволокла вокруг пруда.

Постепенно Тэлия приноровилась держать равновесие, а потом и двигаться. К тому времени, когда они собрались домой, она уже получала от катания огромное удовольствие, даже если и походила, по собственному выражению, «скорее на гусыню, чем на сокола».

Они ездили к пруду почти через день, и к приходу самой Середины Зимы Тэлия стала уже настолько искусна, что могла кататься — хоть и неуверенно — спиной вперед.

Потом они снова участвовали в пирушке в Крыле Слуг, на этот раз вместе с четырьмя остальными. Так что и этот Праздник Середины Зимы прошел на редкость удачно.

Когда занятия возобновились, Тэлия добавила себе еще два предмета: юриспруденцию и иностранный язык, лишившись в результате свободного часа на библиотеку. Часто казалось, что в сутках просто не хватает времени, чтобы все успеть, но она как-то справлялась.

Ее связь с Роланом, пожалуй, продолжала укрепляться; теперь казалось, будто он постоянно присутствует где-то в глубине ее сознания. Тэлия уже знала, что это он являлся источником части мудрости, которая проникала, непрощеная, в ее ум, когда королева нуждалась в ней, и что именно Ролан руководил ею, когда пришлось спасать Скифа от «милостей» Орталлена. В конце концов, Ролан имел то преимущество, что жил в уме обладавшего огромными знаниями человека — предыдущего Личного Герольда королевы, Таламира — в течение всей его жизни в качестве Герольда, а теперь предоставил всю эту мудрость в распоряжение Тэлии. Однако по крайней мере часть ее принадлежала самой Тэлии: инстинктивное умение составлять правильное суждение, каковым обладал только Личный Герольд Государя.

Прежде чем она осознала, как много времени прошло, на деревьях уже вновь набухли почки. Появился новый выводок учеников, и Тэлия была поражена тем, какими юными выглядят эти ребята. Порой, смотря в зеркало, она точно так же поражалась, какой юной все еще выглядит сама — поскольку чувствовала себя так, словно ей должно быть на вид уже лет сто.

Некоторое облегчение весна все-таки принесла: Керен объявила, что научила ее всему, что умела. Уроки верховой езды, как таковые, закончились. Время от времени Тэлия помогала Керен обучать младших студентов, которые нуждались в индивидуальной работе, но в отличие от прежних занятий это не являлось постоянной, изматывающей необходимостью.

Теперь, когда Керен перестала быть Тэлии учительницей, их отношения переросли в невероятно тесную дружбу, более тесную даже, чем та, что когда-то связывала Тэлию с ее сестрой Врис. Не помешала

даже разница в возрасте (Керен была вдвое старше Тэлии). Стоило им начать разговаривать, как оказалось, что эта разница совершенно несущественна. Близость, которая зародилась в дни празднования Середины Зимы, стала расти и углубляться. Тэлия обнаружила, что Керен — единственный во всей Коллегии человек, которому она может свободно излить душу. Быть может, потому, что Керен очень сочувствовала ей, по опыту собственной семьи зная, какой груз ответственности лежит на плечах Личного Герольда Королевы. Возможность откровенно выговориться хоть перед кем-то сильно скрашивала Тэлии жизнь.

Что касается Керен, то Тэлия оказалась одной из немногих когда-либо встреченных ею людей, даже из числа Герольдов, кто был готов, не рассуждая, принять ее отношения с Ильзой и все, что это подразумевало. Когда Тэлия становилась кому-то другом, ее верность не могло поколебать ничто. Большинство Герольдов любило Керен и восхищалось ею, но многие чувствовали себя неловко и боялись слишком сблизиться с ней, словно ее наклонности были чем-то вроде пятна, которое могло лечь и на них. Тэлия оказалась одной из немногих, кто свободно и открыто отдал ей свое сердце и стал ей другом. А при том, что Ильза так часто отсутствовала, жизнь Керен до последнего времени была довольно одинокой — и Тэлия очень скрасила это одиночество своим существованием.

Тэлия узнала о своей подруге нечто новое, нечто, о чем мало кто догадывался. Под внешней силой и подтянутостью учителя верховой езды скрывалась хрупкость снежинки. Душевное равновесие Керен покоилось на трех китах: ее связи с Тереном, связи с Дантрисом, ее Спутником, и связи с Ильзой. Отчасти именно поэтому Круг, когда близнецы достигли среднего возраста, освободил обоих от полевой службы, назначив постоянными преподавателями при Коллегии (хотя главным доводом явилось то, что оба были мастерами в своей области — Керен в верховой езде, а Терен в обращении с детьми: у него был настоящий дар преподавания). Вероятность того, что с Дантрисом или с ее братом может здесь приключиться какое-то несчастье, была очень мала. Ильза получила назначение Специальным Курьером из-за необычайной выносливости ее Фелары, уступающей лишь Ролану — хотя верно и то, что должность гонца считалась менее опасной, чем многие другие (что опять-таки не явилось главным соображением). И все же Тэлия часто с неясным страхом думала о том, что если когда-нибудь что-нибудь случится с Ильзой, Керен вполне может ее не пережить.

Ночь была теплой; насекомые еще не появились, в небе висела полная луна. Обстановка совершенно идиллическая. Нашлось даже чудесное мягкое ложе из молодых папоротников, на котором они смогли расстелить плащи. Тэлия встретила Скифа абсолютно случайно, когда возвращалась с прогулки с Элспет по Спутникову Полю. По обоюдному молчаливому согласию они повернули обратно и нашли это идеальное место для свиданий...

— Удобно?

— Угу. И звезды...

— Роскошные. Я мог бы смотреть на них вечно.

— Я думала, — поддразнила его Тэлия, — что у тебя другое на уме!

— О да...

Но Скиф провел день, уворачиваясь от ударов Альбериха, а Тэлия встала задолго до рассвета.

Тэлия отвечала на его робкие, но нежные ласки. Она была одновременно взволнована и слегка испугана, но судя по тому, как действовал Скиф, она явно не казалась ему слишком неуклюжей. Она расслабилась впервые с самого раннего утра и почувствовала, как уходит напряжение из его плеч...

... и оба они одновременно уснули.

Проснулись они промокшие от росы; над головой щебетали птицы, солнце только-только начинало вставать.

— Страшно не хочется признавать, но.. — Начал Скиф со вздохом.

— Знаю. Похоже, у нас ничего не выйдет, верно?

— Похоже, что нет. Это или боги, или судьба, или бес противоречия.

— Или и то, и другое, и третье. Думаю, мы обречены быть просто добрыми друзьями. Что ж, нельзя сказать, что мы не пытались!

К большой радости Скифа, их одноклассники, по-видимому, совершенно не подозревали о том, что их свидания закончились ничем. Тэлия считалась очень неприступной; Скиф с изумлением обнаружил, что его престиж очень вырос, и немедленно постарался ему соответствовать.

По чистому совпадению Альберих на другой день освободил его от должности помощника и назначил вместо него Джери, так что у Скифа никогда больше не возникало проблем, погубивших его «роман» с Тэлией. Тэлия же просто спокойно улыбалась, когда ее дразнили Скифом, так что их секрет так и остался тайной.

В том году Колокол Смерти звонил четыре раза; Тэлия оказалась в новой для себя роли — новой и совершенно неожиданной.

Она присутствовала на похоронах первого из погибших за этот год. Осень еще только начиналась, и днем в воздухе все еще пахло летом, хотя ночи становились холоднее. После церемонии Тэлия пошла на Спутниково Поле и, не седлая, вскочила на Ролана. Против обыкновения, они не двинулись легкой рысцой наобум, куда глаза глядят; скорее казалось, что обоих что-то тянет в определенный уголок Поля.

Спутниково Поле не было просто ровным полем, как можно было предположить по его названию. Скорее оно представляло собой холмистый, частично покрытый лесом участок площадью несколько акров, на котором располагались конюшня для укрытия в непогоду, сенной сарай и амбар, где хранился корм для Спутников, а также сарай для сбруи, в действительности скорее не сарай, а основательное строение с двумя очагами в противоположных концах. Сердцем поля являлась Роща, откуда когда-то вышли первые Спутники и где стояла колокольня с Колоколом Смерти. Помимо открытых участков на Поле имелись также несколько питавшихся талой водой ручьев и заводей, и множество укромных, тенистых рощиц.

«Чувства» Тэлии привели ее к одному из таких уединенных уголков, крошечному озерцу на дне такой же крошечной долины, над которой образовали свод нависающие ветви покрытых золотой листвой ив. Там, уставившись отсутствующим взглядом в воду, сидел Герольд; его Спутник тревожно тыкался мордой ему в плечо.

Тэлия спешила и села рядом с молодым человеком.

— Вы не хотели бы поговорить об этом? — спросила она после долгого молчания.

Он кинул в воду кусок коры.

— Я нашел его... Герику, я имею в виду.

— Плохо?

— Не могу даже передать. Что бы ни убило его, оно не могло быть ни человеком, ни даже чем-то похожим на человека. А хуже всего то...

— Продолжайте.

— Он объезжал мой округ. Если бы я не сломал ногу, на его месте мог оказаться я. Может быть.

— Но вы так не думаете?

— Там, на Западной Границе, особенно в моем округе, творятся странные вещи. Я пытался предостеречь его, но он только рассмеялся и сказал, что я слишком долго пробыл в глуши и наслушался сказок. Быть может, если бы там оказался я... Не знаю.

Тэлия продолжала молчать, зная, что собеседник чего-то не договорил.

— Я больше не могу спать, — произнес Герольд наконец; лицо его и в самом деле выглядело изможденным. — Каждый раз, стоит мне закрыть глаза, как я вижу его лицо, то, каким я его нашел. Кровь... боль... Будь оно проклято во всех Двенадцати Преисподних! — он всадил кулак в землю рядом с собой. — Почему это должно было случиться с Герику? Почему. Я никогда не видел человека, более влюбленного в жизнь — почему ему пришлось умереть так.

— Хотела бы я знать ответ, но я его не знаю, — отозвалась Тэлия. — Думаю, мы получим ответы на все «почему» только тогда, когда сами встретим свою судьбу... — Ее голос замер; она искала слова, чтобы хоть как-то утешить Герольда. — Но если Герик любил жизнь так сильно, как вы говорите, он наверняка должен был пользоваться каждой ее минутой?

— Знаешь... ты права. Я частенько поддевал его за это; порой он только смеялся и говорил, что, поскольку он не знает, что ждет его за углом, он намерен взять все, что можно, от того, что у него есть в данный момент. Клянусь, иногда казалось, будто он старается прожить три человеческих жизни зараз. Как же, я помню случай, когда...

Он продолжал, нанизывая одно воспоминание на другое, временами совершенно забывая о присутствии Тэлии — кроме как о слушателе, перед которым он мог выговориться. Он остановился только тогда, когда у него пересохло в горле, и, вздрогнув, понял, что проговорил не меньше двух часов.

— Властелин Горы... что я тебе втолковывал? — сказал он, впервые заметив, что его слушательница — всего лишь девочка-подросток. — Слушай, прости меня. Как тебя зовут?

— Тэлия, — ответила она и улыбнулась, когда по его расширившимся глазам поняла, что он ее узнал. — Знаете, вам совершенно не за что извиняться. Я ведь только слушала, больше ничего... но теперь вы помните своего друга таким, каким он жил, а не таким, каким умер. Разве это не лучшие поминки?

— Да, — задумчиво сказал он, — Да. — Напряжение ушло с его лица, и Тэлия больше не чувствовала того терзающего, разрушительного горя, что привело ее сюда. Скорбь осталась, да... но не такая, что смогла бы одолеть человека и завладеть им полностью.

— Сейчас я должна идти, а вам нужно немного поспать, пока вы не заболели. — Она вспрыгнула на спину Ролану; Герольд поднял глаза и встретился с ней взглядом, в котором светилась благодарность.

— Спасибо тебе, Герольд Королевы, — только и сказал он, но тон его голоса сказал много больше.

Второй погибший в том году Герольд пал жертвой лавины, но его оставшуюся в живых возлюбленную пришлось убеждать, что он не рисковал собой по-глупому из-за того, что они перед этим поссорились. Беседа продолжалась всю ночь, и Тэлия явилась на первый урок такой измочаленной, что свежеиспеченный Герольд Нерисса, преподававшая этот курс, отправила ее обратно в постель и отменила все ее утренние занятия.

Третья гибель потребовала новой задушевной беседы с Селенэй, раздавленной горем на этот раз из-за того, что втравила юную и неопытную девушку-Герольда в то, с чем та заведомо не могла справиться — жестокую распрю между двумя принадлежащими к мелкой знати семействами на Востоке. Распря переросла в открытую войну, и, когда Герольд пыталась примирить враждующих, в нее угодила шальная стрела. Имей она побольше опыта, она не стала бы так подставляться.

Конечно, когда Селенэй отправляла Берил, она никак не могла знать, что вражда зашла так далеко — но сейчас, оглядываясь назад и отчетливо видя тогдашнюю ситуацию, она считала, что должна была догадаться.

Однако, когда сразу после праздника Середины Зимы Колокол Смерти зазвонил в четвертый раз, уже сама Тэлия отчаянно нуждалась в утешении... ибо умершим Герольдом оказался Джедус.

Однажды утром она проснулась перед рассветом и мгновенно поняла, что что-то неладно... что это связано с Джедусом, и бросилась в его комнату, задержавшись только для того, чтобы набросить плащ поверх ночной рубашки. Она едва не налетела на выходящего оттуда Целителя, и, встретившись с ним глазами, поняла все.

Кончина Джедуса была совершенно мирной, сказал он Тэлии; Старый Герольд и не подозревал о ее приближении, он просто не проснулся. Его Спутник скончался тоже — вероятно, одновременно с ним.

Ни то, ни другое нисколько не утешало.

Тэлия ушла к себе в комнату и села на край кровати, глядя на кресло, в котором Джедус провел столько ночей, охраняя ее во время ее болезни. Она мысленно повторяла все, что так и не успела ему

сказать — как много он для нее значил, сколь многому она у него научилась. Теперь было уже слишком поздно что-нибудь говорить... и слишком поздно его благодарить.

— Милая... я узнала... — возле нее стояла Керен; Тэлия даже не заметила, как она вошла. Пока они смотрели друг на друга, зазвонил Колокол Смерти.

Удары колокола словно освободили что-то: Тэлия начала беззвучно плакать. Керен, присев на краешек кровати, обняла ее, и они вместе заплакали по своему старому другу, который был так дорог им обоим.

Керен оказалась не единственной, кто подумал о Тэлии, едва новость распространилась по Коллегии. До Тэлии донесся слабый шорох; она подняла глаза и увидела, что в кресле напротив кровати сидит декан Элкарт.

— Дорогая моя, я должен сказать тебе две вещи, — с некоторым трудом произнес декан. — Джедус был моим старым другом; собственно, я когда-то стажировался под его руководством. Он назначил меня своим душеприказчиком. Он знал, что ему осталось жить недолго, и сказал мне, что когда... он хочет, чтобы ты взяла ее... — Элкарт молча протянул Тэлии футляр с Судариной.

Тэлия взяла его дрожащими руками и уставилась на арфу, не в силах говорить от слез: в горле стоял ком.

— Вторая вещь — это вот что: последние два года Джедус был счастливее, чем когда-либо с тех пор, как лишился ноги. Он не был хорошим преподавателем, когда дело касалось строгих академических предметов: у него просто не лежало к этому сердце. Занятия, которые мы ему поручали вести, нужны были только для того, чтобы как-то занять его, и Джедус это знал. Он все больше и больше погружался в прошлое и жил воспоминаниями о том времени, когда еще мог приносить пользу — пока не появилась ты. Ты помогла ему снова почувствовать себя полезным. А когда ты заболела... думаю, ты даже не представляешь, насколько то, что ты нуждалась в нем — чтобы охранять тебя, чтобы музыкой прогонять кошмары — вновь оживило Джедуса. А то, что он мог советовать и направлять тебя... это значило для него все.

— Он... знал? Знал, как он мне нужен?

— Конечно, знал: он владел Даром чтения мыслей. Как бы хорошо, по твоему мнению, ты ни закрывалась, когда привязан к кому-то так, как вы двое были привязаны друг к другу, что-то неизбежно просачивается, хочешь ты этого или нет. А когда ты стала обращаться к нему за советом и помощью, и когда именно к нему ты пришла с тем делом насчет Хулды... думаю, что он гордился этим больше, чем всем остальным, чего добился в жизни. Он часто говорил мне, что больше не жалеет о том, что у него нет семьи, потому что ты и друзья, которых он приобрел благодаря тебе, стали его семьей. Он был очень одинок, пока к его порогу не подошла ты, маленькая. А умер он довольным и счастливым.

Элкарт опустил голову и быстро провел рукой по глазам, не в силах больше говорить.

— Мне пора, — сказал он наконец и поднялся.

Тэлия поймала его за рукав.

— Спасибо... — прошептала она.

Он признательно стиснул ей руку и вышел.

Прошло несколько месяцев, прежде чем Тэлия смогла заставить себя прикоснуться к Сударине — но когда наконец смогла, то уже не забрасывала музицирования (хотя каждый раз, когда она играла, ее охватывала тоска по Джедусу).

Играя, она пыталась вспоминать Джедуса таким, каким увидела его в ту ночь в кресле возле ее постели — живым, бодрым, с арфой на коленях, заряженным арбалетом на полу под рукой и прислоненной рядом тростью со спрятанным внутри клинком, сменившей его старую палку.

Или недоверчивую и радостную улыбку, появившуюся на его лице, когда Тэлия попросила поиграть ей.

Или как он выглядел, когда говорил ей и Скифу, что они могут препоручить ему решение проблемы с

Хулдой: снова сильным, снова уверенным в себе... нужным.

И его смех и веселье в тот день Середины Зимы, когда Керен учила ее кататься на коньках.

Иногда это даже помогало. Но только иногда.

Глава одиннадцатая

Ох, зараза! Опаздываю! — выругалась про себя Тэлия, наконец-то заметив, сколько времени на солнечных часах в саду под ее окном. Она быстро собрала раскиданные по письменному столу записи, сложила их стопкой, кое-как подравняла и выскочила за дверь.

За те три года, что Тэлия провела в Коллегии, она узнала несколько способов срезать путь до учебных комнат; благодаря этому и удлинившимся ногам ей удалось добежать до класса за несколько секунд до того, как в него вошли Герольд Ильза и декан. Тэлия провела рукой по непокорным вихрам, надеясь пригладить их так, чтобы по ее виду нельзя было догадаться о том, что она неслась сюда сломя голову.

За три года во внешности Тэлии произошли большие перемены. Исчез неуклюжий подросток, чьи руки и ноги казались слишком длинными для тела; хотя высокой ей не бывать никогда, она подросла, а тренировки Альбериха вылепили ей стройную, гибкую и подтянутую фигуру. Лицо Тэлии выражало уверенность в себе, но это была скорее видимость, за которой скрывалась застенчивость и неуверенность, которые Тэлия так и не смогла в себе изжить. Неопределенный темный цвет волос в конце концов обратился в рыжевато-каштановый. Волосы Тэлия носила до плеч; к ее немалому огорчению — она втайне мечтала о прямых, черных как ночь волосах, как у Шерил — они продолжали упрямо виться. Глаза ее стали одного цвета с волосами, и, хотя ее никто не назвал бы красавицей, улыбка ее — а улыбалась Тэлия теперь часто — она очаровывала всех. В Коллегии и среди тех Герольдов Круга, что знали ее, не было ни одного, кто не питал бы к ней самой глубокой привязанности. Старшие студенты позаботились о том, чтобы совершенно недвусмысленно дать понять Синим, что всякого, кто станет досаждать Тэлии, ждут крупные неприятности. Учителя стремились подхлестывать ее рвение, но вместе с тем всячески старались скоординировать усилия так, чтобы дать ей возможность справляться со своими многочисленными обязанностями.

Студенты помладше попросту обожали ее, поскольку у Тэлии всегда находилась минута, чтобы успокоить чей-то гнев, ободрить павшего духом или выслушать подростка, тоскующего по дому. Ее собственные ровесники образовали нечто вроде почетной гвардии во главе с Гриффоном и всегда были рядом, чтобы подменить ее на дежурстве, если возникал конфликт, требовавший ее вмешательства.

Тэлия платила за заботу искренней признательностью и любовью, благодаря которым помощь ей казалось привилегией.

И все же она по-прежнему чувствовала свою отчужденность от всех, кроме нескольких ближайших друзей — Скифа, Шери, Керен и Джери. Ей казалось даже, что она по-настоящему не принадлежит ни Коллегии, ни Кругу.

Главная причина заключалась в том, что Тэлии представлялось, будто она постоянно видит заботу и любовь, которых так жаждала, но при этом делает очень мало или вообще ничего для того, чтобы заслужить их. Разоблачение Хулды явилось в основном заслугой Скифа; перевоспитание Элспет во многом свелось к тому, чтобы заставить девочку принимать последствия собственных поступков и вернуть ее к прежней линии поведения. Тэлии казалось, что ее роль говорящей шкатулки Селенэй также едва ли требовала от нее особых усилий. Ей думалось — когда у нее выдавалось время поразмыслить об этом — что она никогда по-настоящему не войдет в семью Герольдов, пока не заслужит себе место исключительно благодаря собственным усилиям и потому, что сделает на благо Круга нечто, что не под силу никому другому.

Тэлия не понимала, что именно это она уже и делает, помогая успокаивать душевное смятение окружающих. Сама она считала такую помощь чем-то, что может сделать и сделал бы в подобных обстоятельствах любой. Только Элкарт, Герольд Кирилл (который исследовал Дары, бытующие среди Герольдов) и Ильза понимали, какими редкостными способностями она обладает и как страшно Кругу не хватало бы Тэлии, окажись она где-то вдали от Коллегии.

Но поскольку Тэлия по-прежнему по большей части держала свои внутренние сомнения при себе, никто и не подозревал об их существовании. Окружающие видели только внешнюю веселость, улыбающееся лицо — и больше ничего.

Лишь Керен и Ролан бывали свидетелями приливов раздражения и неуверенности, приступов депрессии и жалости к себе. А ни та, ни другой не могли ее выдать, тем более, что она так редко кому-то доверяла. Ибо если у Тэлии и был недостаток, то он заключался в следующем: даже по прошествии трех лет ей все еще было трудно по-настоящему верить людям.

Сегодняшний день знаменовал начало нового этапа ее обучения, этапа необычного и немного пугающего. Тэлии предстояло научиться полностью владеть способностью чувствовать чужое страдание, которая так внезапно появилась у нее в результате пережитого потрясения. Сегодня для нее начинались занятия по «магии Герольдов».

В классе, кроме нее, находились трое: близнецы Дрейк и Эдрик из ее собственной возрастной группы (Тэлия все еще не умела их различать) и Нив, молчаливый огненноволосый парень со следующего курса. Способности Нива стали причиной небольшого переполоха, царившего среди учеников-Герольдов несколько дней, пока не выяснилось, кто его виновник. Нив оказался «проектором» — он ненамеренно проецировал собственные кошмары в сны всех окружающих, кто был хоть сколько-нибудь восприимчив и не защищен. А поскольку жизнь Нива до Избрания была достаточно тяжелой, чтобы заставить побледнеть даже такого бывалого уличного сорванца, как Скиф, кошмары его выросли на богатой почве и подарили его сотоварищам-ученикам несколько бессонных, полных ужаса ночей.

Когда декан и Герольд вошли в комнату, Тэлия почувствовала, что вся напряжилась. Сейчас ей предстояло пуститься в плавание по новым и неизведанным водам; с простейшими проявлениями своего Дара она более или менее свылась, но старая крепковерская закваска все еще давала о себе знать. Крепковеры считали подобные способности в лучшем случае «противоестественными», в худшем же — порождением дьявола.

Единственное, что радовало Тэлию — это что новый курс вели двое хорошо знакомых ей людей. Если бы учителем оказался кто-то чужой, она, наверно, превратилась бы в сплошной комок нервов. Тэлия попыталась расслабиться, внушая себе, бояться нечего, каждый Герольд должен уметь пользоваться своим Даром. Элкарт встретился с ней взглядом и послал быструю ободряющую улыбку.

Декан оглядел всех четверых. Нервозность ребят была ему очевидна и понятна. Только Дрейк и Эдрик казались скорее возбужденными, чем испуганными, но ведь их Дар являлся частью их жизни с самого рождения. Элкарт успокаивающе улыбнулся Ниву и Тэлии, повел бровью в сторону близнецов и начал свою обычную вступительную речь.

— Мы свели вас четверых в одном классе, поскольку разновидности Дара, проявляющиеся у всех вас, принадлежат к одному «семейству» талантов, — сказал декан, поочередно встречаясь блестящими круглыми глазками с каждым из учеников. — Ваша одаренность в том, что мы называем «магией», лежит в области общения. Я хочу, чтобы все вы знали, что хотя во внешнем мире мы и именуем эти вещи «магией», в них нет абсолютно ничего противоестественного. Вы обладаете талантом, точно так же, как Бард, художник или ремесленник. Вы ни в коем случае не должны бояться своего Дара; наоборот, вам нужно научиться использовать его на пользу себе и другим.

— Тэлия и Нив уже знакомы с Герольдом Ильзой: именно благодаря ее помощи мы узнали, что вы оба обладаете преждевременно пробудившимся Даром, поскольку Ильза — одна из лучших в нашем Круге по части владения и выявления способностей «коммуникационного» типа. По этой же причине вести этот курс будет она, а я здесь только затем, чтобы ей ассистировать. Не бойтесь задавать вопросы: несмотря на свою грозную репутацию, она не кусается...

— Во всяком случае, не сильно, — вмешалась Ильза с улыбкой.

— ., а если она не будет знать ответа на ваш вопрос, она безусловно точно знает, где его искать и у кого спросить! Я буду ей помогать, потому что после Герольда Кирилла я, вероятно, могу считаться вторым экспертом в Коллегии в области Даров. Ильза, прошу, тебе слово.

— Ну, — сказала она, скрестив руки на груди и присев на краешек стола, — с чего мне начать? У кого-нибудь из вас есть вопросы?

— Герольд, — лицо Нива выражало беспокойство, — Вся эта... магия... она ведь не зло, правда?

— Арбалет — зло? — отпарировала Ильза.

— Смотря кто его держит, — с усмешкой ответил один из близнецов, — И на кого он нацелен.

— Именно. Ваш Дар можно использовать для злых целей, в точности как и любое оружие — и не обольщайтесь: он действительно может стать оружием, если сами вы к тому расположены. Но будь вы склонны ко злу, вы бы здесь не сидели. Доверься в этом суждению своего Спутника, Нив, если не доверяешь собственному. Спутники не Избирают тех, в ком таится зло, а в том чрезвычайно редком случае, когда человек уже после Избрания портится безвозвратно — последний такой случай произошел двести лет назад — они отвергают своего Избранника. Так что, коль скоро ты и Килдатар, похоже, по-прежнему в хороших отношениях, ты, я полагаю, можешь успокоиться относительно злобности своей натуры.

— Герольд, Спутники, кажется, могут как-то усиливать наш Дар, — сказал второй близнец. — Эдрик и я могли раньше немного «разговаривать», но с тех пор, как нас Избрали, говорить стало гораздо четче и проще.

— Хорошо! — кивнула Ильза. — Я гадала, заметил ли кто-нибудь из вас эту связь. Да, Спутники, по-видимому, усиливают наш Дар и развивают те таланты, что пока остаются скрытыми. Вы, вероятно, обнаружите, что мощь вашего Дара невероятно возрастает, когда вы находитесь в физическом контакте со Спутником или под воздействием очень сильных эмоций. Никто не может с уверенностью сказать, есть ли какая-то связь между узами, связывающими нас с нашими Спутниками, и очень сильными переживаниями. К сожалению, наш Дар — не та вещь, которая поддается измерению.

— Герольд Ильза, мы все видели или слышали о «Заклятье Правды»... мы будем изучать заклинания. — Спросила Тэлия. — В моем народе считается, что любые заклятия — это дьявольщина.

— Да, в некотором роде вы будете изучать заклинания, хотя, вероятно, не те, что имеют в виду крепковеры. То, что мы называем заклинанием, по большей части лишь упражнение, которое помогает вам сосредоточиться. Когда вы сосредоточиваетесь, ваши способности усиливаются, только и всего. Слово «заклинание» — не более чем удобный термин; в сущности, большинство из них скорее что-то вроде медитационных напевов или молитв.

— Значит, такой... э... дар есть у каждого? — спросил Нив.

— Опять-таки, да. Хитрость в том, что у большинства людей Дар недостаточно силен, чтобы они действительно могли им пользоваться. Например, Тэлия очень хорошо поет, но никогда не будет Бардом, а я в состоянии вылепить приличный горшок, но никогда не смогу стать по-настоящему хорошим гончаром. Так и с Дарами Герольдов. Если уж на то пошло, среди нас есть такие, чей Дар едва ли сильнее, чем у не-Герольдов... и даже среди Герольдов по-настоящему мощный Дар — редкость, хотя у всех нас его хватает, чтобы поддерживать связь со Спутником и наложить Заклятье Правды. Насколько мы можем судить, похоже, что наиболее сильный Дар чаще встречается среди Целителей, чем у Герольдов, хотя коммуникационные Дары очень схожи с Даром Врачевания. Именно поэтому в случае чрезвычайной ситуации нас могут позвать помогать Целителям.

Иногда самые сильные из наших Даров скрываются; мне известно несколько случаев, когда устойчивая неспособность на самом деле скрывала очень сильные способности. Однако похоже, что по большей части толчок проявлению нашего Дара дает контакт со Спутником, а непрерывное упрочение связи с ним развивает Дар до того уровня, когда вы можете уже напрямую, сознательно управлять им. Коль скоро вы в состоянии управлять Даром, вас можно научить им пользоваться, и вы можете узнать его пределы. О, полагаю, я должна сказать кое-что о Заклятье Правды: это действительно заклинание, в том смысле, в котором это слово употребляется в сказаниях Бардов. Для того, чтобы применять его, требуется Дар, очевидно, тот же самый, что делает возможным существование связи Герольд-Спутник.

Если у вас сильный Дар, вы сможете использовать его для того, чтобы фактически заставить человека говорить одну только правду; если же ваш Дар слаб, вы сможете лишь определить, лжет человек или нет. Заклятье Правды будет последним, чему мы вас научим в рамках данного курса. А теперь, если вы готовы, думаю, мы подошли к тому моменту, когда нужно перестать говорить и начать действовать.

Впервые в жизни учение давалось Тэлии нелегко. К ее крайнему огорчению, научиться пользоваться Даром оказалось намного сложнее, чем она мечтала. Другие быстро обогнали ее, пока она старалась

установить хоть какой-то контроль над своими способностями. Похоже, управлять Даром было совсем не то, что просто блокировать его или же пассивно предоставлять ему руководить ее поступками, как делала Тэлия до сих пор. По-видимому, для этого требовалось что-то вроде сочетания расслабления и концентрации, каковым Тэлия уже отчаялась когда-либо овладеть. Прошло несколько недель, а она могла контролировать Дар не намного лучше, чем до начала занятий.

— Знаешь... — сказала ей как-то раз Ильза с таким видом, словно до нее начало медленно доходить то, что должно было быть очевидным с самого начала. — Думаю, мы ищем не тот Дар. Я совершенно не уверена, что твой основной Дар — это чтение мыслей.

— Чем же ему тогда быть? — расстроено воскликнула Тэлия.

— Все, что ты мне говорила и что я видела сама, указывает не на ум, а на сердце. Смотри: твой мысленный зов Ролану был вызван страхом; в случаях с Селенэй и другими Герольдами толчками служили их скорбь, боль, утрата. Даже то, что ты уловила от меня, являлось эмоцией — любовью. Или, быть может, похотью, — она подмигнула Тэлии, которая смущенно кашлянула и покраснела, — поскольку я не знаю точно, что именно ты тогда с меня считывала, а та поездка выдалась долгой. Однако, если говорить серьезно — ты можешь читать мысли, если ты должным образом подготовлена или находишься в глубоком трансе, но прежде и сильнее всего ты воспринимаешь именно эмоции. Когда эмоции отсутствуют, а на наших учебных занятиях так и было, тебе намного труднее улавливать смысл. Мне не приходило это в голову, так как Дар к восприятию эмоций — мы называем его «эмпатией» — почти никогда не существует по отдельности и почти никогда не встречается у Избранных. Помнится, когда я наблюдала эмпатию, ей всегда сопутствовал Дар истинного Врачевания, а Спутники никогда не Избирают человека с Даром Врачевания, вероятно, потому, что такие люди слишком нужны в качестве Целителей. Что я все это время велела тебе делать?

— Расслабиться и очистить свой ум от всего... — сказала Тэлия, начиная улавливать смысл того, что говорила Ильза. — , и особенно, чтобы я очистила свой ум от эмоций, даже тех, что приходят извне.

— Поэтому, естественно, у тебя ничего и не получалось. Наши Дары, знаешь ли, мудреная штука: они очень сильно зависят от того, насколько мы верим в собственные способности. Когда ты потерпела неудачу, ты немного разуверилась в себе и тем самым значительно усложнила себе задачу на следующий раз. Нам пора отказаться от этой тактики и попробовать кое-что другое.

— А именно?

— Увидишь... Просто опусти щиты. Если все это не просто вздор и бредни, то я не хочу, чтобы ты ожидала чего-то конкретного, не то твое воображению может само создать для тебя ожидаемое. — Ильза повернулась к Ниву и что-то шепнула ему на ухо. Тот кивнул и вышел из комнаты; Тэлия, слегка сбита с толку, сидела и ждала, когда же что-то случится.

Внезапно ее захлестнула волна страха, а за страхом в сознание ворвалась картина... и стала чем-то большим, чем только картиной. Тэлия очутилась в грязной, дымной пивной, класс и товарищи куда-то исчезли.

Вокруг нее со всех сторон громоздились расслабленные тела пьяных, полубезумных людей — в основном мужчин, но среди них сидели, развалясь, и несколько неопрятного вида женщин.

Все были гораздо больше, чем она: казалось, Тэлия съежилась до размеров десятилетнего ребенка. Она старалась скользить между столов как можно незаметнее, подавая дешевое вино, и тут один из забулдыг очнулся от дремоты и, схватив, больно стиснул ее руку.

«Поди-ка сюда, мальчоночка, милашка, — проворковал он, не обращая внимания на ее старания освободиться. — Я хочу только кое-что тебе дать...»

Тэлия хотела закричать, очень хорошо зная, что именно ему нужно, но оказалось, что горло так перехватило от страха, что она смогла только слабо пискнуть. Это было как кошмар, от которого невозможно проснуться. Она уже совершенно теряла голову от ужаса, когда что-то разрушило опутавшие ее чары.

— Тэлия! — Ильза трясла ее, легонько хлопая по щекам, — Тэлия, блокируй это!

— Богиня... — Тэлия обмякла на стуле и обеими руками сжала голову. — Что случилось?

— Я сказала Ниву, чтобы он спроецировал на тебя самое сильное переживание, которое он сможет вспомнить, — мрачновато сказала Ильза. — У нас вышло лучше, чем я ожидала. Ты не только приняла, ты попала, как в западню. Что ж, это дает ответ на наш вопрос — твой Дар, вне всякого сомнения, эмпатия. И теперь, когда мы точно знаем, что за Даром ты обладаешь, мы сможем сделать больше, чтобы обучить тебя как надо.

— Владычица Света, — сказала Тэлия, пряча лицо в ладонях. — Бедный, бедный Нив! Если бы вы только видели... Как только может существовать на земле такая мразь?

— Ее и не существует... здесь, — в дверях появился сам Нив, он выглядел вполне обыкновенно и держался гораздо спокойнее и непринужденнее, чем Тэлия могла ждать от человека, чья память хранит такие ужасы. — Я же из-за пределов королевства, помнишь? Там, откуда я родом, осиротевший ребенок бедняков — законная добыча для каждого, что бы тот ни захотел с ним сделать. Пока жрецы и Блюстители Мира официально не поставлены в известность о том, что творится, и некому говорить от имени ребенка, — дозволено практически все. Ты в порядке? Я чувствовал, что с тобой неладно, но не знал, что. Я перестал передавать, но ты уже не откликнулась. Тэлия, ты и сама влияла на меня: я обнаружил, что заново переживаю весь этот грязный эпизод...

— Нив... мне так жаль... — она попыталась выразить, какой ужас внушило ей то, через что ему пришлось пройти, и не смогла.

Нив несмело дотронулся до ее руки; в его глазах было понимание.

— Тэлия, это было давно и далеко отсюда. Спасибо людям вроде Ильзы и декана, теперь это уже даже не так болит. Теперь я знаю, что я ничем не заслужил того, что со мной делали. — Он облизнул губы: раковина напускного спокойствия дала малюсенькую трещину. — Знаешь, время действительно лечит — время, любовь и помощь друзей. Я только хотел бы сделать так, чтобы ничего подобного никогда не случилось с другим ребенком.

— Мы надеемся, что именно этого когда-нибудь и добьются Герольды, — мрачно сказал декан. — Когда-нибудь в этом мире не останется ни одного королевства, которое не принимало бы нас. Но пока... что ж, Нив, мы спасаем тех, кого можем, и пытаемся не задумываться слишком часто о других, тех, кого спасти не смогли. Мы не можем быть повсюду...

Но глаза Элкарта сказали всем, как мало порой помогает трезвое понимание действительности и как трудно забыть о тех, кто все еще томится в своих маленьких преисподних.

Вскоре Ильза объявила курс официально законченным, сказав, что она, пожалуй, больше ничему не может научить их. Теперь их умение зависело от их собственных способностей и от того, насколько они смогут уже на практике отточить свой Дар.

Конец курса означал, что пришло время научиться единственному, должно быть, «настоящему» волшебству, которое предстояло когда-либо увидеть ребятам. Настало время выучить Заклятье Правды.

— Предание гласит, что его открыл один современник Герольда Ваниэля перед самым нашествием Слуг Тьмы, — сказала им Ильза. — Поскольку Ваниэль был последним из тех, кого мы называем «Герольдами-Магами», это — последнее настоящее магическое заклинание, созданное в Вальдемаре, и почти что единственный образец «настоящей магии», который у нас остался, за исключением нескольких приемов, которыми пользуются священники и Целители. Остальное было утрачено во время борьбы со Слугами Тьмы, отринуто вследствие того, что магия в сознании людей стала связываться со злом или же попросту забыто. В некоторых отношениях это очень прискорбно — хорошо было бы по-прежнему уметь строить крепости, подобные здешнему дворцу и Коллегии, и мостить дороги так, как это делали в старину. Ну да ладно. Итак, Заклятие Правды начинается с маленького стишка, похожего на многие другие, которые вы выучили на занятиях...

Вместе со стишком появлялся образ, который они должны были держать в сознании, образ, совершенно непонятный Тэлии: клочок тумана с голубыми глазами. Удерживая этот образ, следовало

мысленно повторить стишок девять раз — не больше, не меньше. На девятом повторе надо было представить, как туман окутывает человека, на которого накладывается заклятье.

Ильза продемонстрировала это на декане Элкарте; она ненадолго прикрыла глаза, а потом несколько мгновений пристально смотрела на него. Спустя несколько секунд Элкарт оказался окружен легким, но отчетливо видимым светящимся ореолом голубого цвета.

— Я наложила на него только первую ступень заклятия, — сказала им Ильза. — Я не заставляю его говорить правду, а только определяю, правду он говорит или нет. Солги мне, Элкарт.

— Я страстно влюблен в тебя, Ильза.

Сияние исчезло, а Ильза и ее ученики рассмеялись.

— А теперь скажи мне правду.

— Я считаю тебя одним из наиболее ценных людей в Круге, но я весьма рад, что ты не моя подруга жизни. Ты определенно слишком сложная женщина и у тебя отвратительный характер.

Сияние появилось вновь, и Ильза драматически вздохнула.

— Ах, Элкарт, а я-то все это время надеялась, что ты тайне испытываешь ко мне теплые чувства.

— Господин Элкарт, а вы видите то, что видим мы? — с любопытством спросил Нив.

— Ничего, даже слабого проблеска, — ответил тот. — Но все, кроме человека, на которого наложено заклятие, видят сияние, вне зависимости от того, есть у них Дар или нет. Почему бы тебе не перейти ко второй стадии, Ильза?

— Если ты готов, — она снова пристально посмотрела на него; Тэлия не заметила никакого ощутимого изменения в окружающем декана сиянии.

— Сколько тебе лет, Элкарт? Попробуй сказать «двадцать».

Его лицо исказилось от усилия, на лбу выступили бисеринки пота.

— Д-д-д... — выговорил он, заикаясь, — д-пятьдесят семь. — Он тяжело вздохнул. — Я и забыл, каково это — пытаться бороться с Заклятием Правды, Ильза. Сними его, будь добра, пока меня не вынудили открыть что-то, чего не следует.

— Зачем бы я стала так с тобой поступать? — поддразнила его Ильза, потом снова ненадолго закрыла глаза, и сияние исчезло. — Заклятие снимается очень легко: просто представьте, что облако, окружавшее человека, поднимается, закрывает глаза и растворяется.

— Все вы обладаете достаточно сильным Даром, чтобы накладывать обе ступени заклятия, — сказала она чуть позже, — так что давайте начнем упражняться. Нив и Тэлия — со мной, близнецы — с Элкартом.

Как обнаружила Тэлия, ощущение, когда на тебя накладывают вторую ступень Заклятия Правды, решительно жуткое. Когда она попыталась солгать, выяснилось, что язык ей не повинуется; выговаривалась только чистая правда. В тех случаях, когда она не знала ответа на вопрос, заклятие даже принуждало ее не молчать, а признаться в своем неведении.

Наконец Ильза объявила, что они достаточно искусны и занятия можно закончить.

— Вот вы и узнали «заклинание» — хотя если выяснится, что вы используете Заклятие Правды для розыгрышей, вам влетит по первое число, так что лучше даже не думайте! Практикуйтесь, если хотите, но только под присмотром Полного Герольда. Вы знаете свои сильные и слабые стороны, — продолжала она, — и точно так же, как учебные поединки помогают развить воинское искусство, упражнения помогут вам до конца развить свой Дар. Если вы столкнетесь с какими-то проблемами, имеющими отношение к вашему Дару, то есть три человека, являющихся, вероятно, экспертами в этой области; можете обратиться к любому из нас — и днем и ночью, если возникнет чрезвычайная ситуация. Эти люди — я, когда я в Коллегии, декан Элкарт и Кирилл — Герольд Сенешалья. Кроме того, в Библиотеке есть книги, которые могут вам помочь; советую вам почитать их, а также слушаться своего чутья — оно подскажет. Разумеется, книги дадут вам гораздо больше абстрактных выкладок относительно Даров, чем вы слышали от меня — если вам это потребуется. Я лично никогда не любила теории. Теории — любимый конек Кирилла! Он

обожают докапываться до всех «почему» и «как», касающихся разновидностей Дара. Мне же достаточно знать, как применять способности, а как это происходит — неважно.

Из трех проходивших подготовку их группа закончила формальное обучение первой. Две другие были гораздо меньше, так как «коммуникационные» разновидности Дара встречались не в пример чаще всех остальных; в эти группы входили, соответственно, Гриффон и девочка помладше, Криста, и Даван с одним из одногодков Кресты, мальчиком по имени Валф.

Тэлии было страшно любопытно узнать о других разновидностях Дара, поэтому, когда занятие закончилось, она спросила о них Ильзу.

— Две другие группы связаны с передвижением предметов силой мысли и видением на расстоянии, — ответила Ильза. — Мы обычно объединяем их под названиями «Доставание» и «Зрение». Как ни странно, два лучших Герольда в этих областях работают в паре: Дирк и Крис. А может, и не так уж странно. Нужный Дар частенько появляется как раз тогда, когда в нем возникает необходимость.

Имя второго Герольда показалось Тэлии смутно знакомым; после секундного размышления она вспомнила, что встречала Криса в свой первый вечер в Коллегии.

— Крис — это тот, который настолько красив, что кажется ненастоящим, верно? — спросила она Ильзу с полуулыбкой.

— Он самый. То, что Дирк и Крис работают в паре — одна из причин, почему мы читаем этот курс одновременно для нескольких групп: имеет смысл подождать, пока выпадет несколько недель, когда Дирк и Крис будут находиться здесь, а не где-то в отъезде, — сказала Ильза. — А почему ты спрашиваешь?

— Ненасытное любопытство, — созналась Тэлия. — Я... ну, мне интересно, как связан их Дар с моим.

— Видение, вероятно, самый близкий: эмоции очень притягательны для внутреннего зрения. По существу, как ты заметила, ты и сама обладаешь более чем зачатками этого Дара. Я же говорила вам, что не бывает так, чтобы у человека имелся только один какой-то Дар и ни тени других, не так ли? Ты достаточно владеешь чтением мыслей и Зрением, чтобы пригодиться в чрезвычайной ситуации... а возможно, обладаешь еще и зачатками Врачевания. Так или иначе, разница между твоим Даром и их заключается в том, что тебе обычно нужно Видеть глазами кого-то из присутствующих при событии, если только там не наличествует очень сильный эмоциональный фон, за который ты могла бы ухватиться, и то видение будет очень смутным. Они же Видят вещи так, словно сами непосредственно наблюдают их, даже если поблизости никого нет. Однако на их занятиях смотреть особенно не на что: просто все трое сидят кружком в состоянии транса. Очень скучно, если у тебя нет с ними связи. Вот занятия Дирка — это совершенно другое дело: там есть на что посмотреть! Я знаю, что он не будет против; хочешь заглянуть к ним?

— А можно? — Тэлия даже не пыталась скрыть своего воодушевления.

— Почему бы и нет. Личному Герольду Королевы, вероятно, следует увидеть некоторые другие Дары в действии... особенно если учесть, что у твоего однокашника Гриффона, похоже, один из наиболее редких и потенциально опасных Даров из семейства «Доставания».

— Правда? Что же он умеет? — Тэлии трудно было представить себе добродушного Гриффона опасным.

— Он Воспламенитель.

Дар Гриффона вынуждал Дирка проводить занятия под открытым небом, подальше от зданий и поближе к колодцу — так, на всякий случай. Тэлия заметила, что рядом с преподавателем на брусчатке стоит ведро с водой. Он и три ученика сидели, скрестив ноги, прямо на мостовой; все трое так увлеклись, что не замечали никакого неудобства от сидения на голых камнях. Увидев Ильзу и Тэлию, Дирк приветливо кивнул и повел бровью туда, где можно стоять и наблюдать, не подвергаясь опасности и не мешая, после чего вновь перенес все внимание на учеников.

К своему удивлению, Тэлия узнала в Герольде Дирке того самого молодого Герольда, которого она встретила возле самой столицы. Тогда она была настолько смущена и испугана, что не смогла даже толком

его рассмотреть. Теперь она воспользовалась тем, что он так поглощен своими учениками, чтобы наверстать упущенное.

Первоначальное впечатление полностью подтвердилось. Лицо Дирка напоминало глиняную маску, которую вылепил не то очень нерадивый человек, не то просто бездарь. Нос вышел слишком длинным; уши выглядели так, словно их приляпали кое-как, да так и оставили. Квадратный подбородок никак не сочетался с высокими скулами; зубы, казалось, выглядели бы гораздо уместнее во рту его Спутника. Слишком широкий лоб совершенно не сообразовался со всем остальным лицом, а углы чересчур большого рта загибались книзу. Растрепанная светлая шевелюра походила больше на соломенную крышу какой-нибудь избы — при условии, конечно, что избу крыл полный неумеха. Словом, внешность Дирка можно было бы назвать отталкивающей — если бы не добродушная улыбка, которая все время блуждала в уголках его рта, улыбка, при виде которой просто нельзя было не улыбнуться в ответ. И еще глаза. У Дирка были самые красивые глаза из всех, что доводилось видеть Тэлии; они так и лучились добротой и пониманием. Тэлия могла сравнить их только с глазами Ролана, которые светились такой же живой сапфировой синевой. Не будь Тэлия так захвачена происходящим, она бы подивилась тому, какой сильный отклик вызвала в ее душе доброта, читающаяся в глазах Дирка.

Однако в этот момент Гриффон как раз демонстрировал свой Дар, так что все мысли вылетели у нее из головы.

Он, похоже, постепенно переходил ко все менее горючим материалам; судя по следам, оставшимся от его упражнений, он уже приобрел необходимый контроль для того, чтобы силой воли воспламенять легко возгорающиеся вещества. Перед ним лежала кучка пепла от сгоревшей бумаги, клочок почерневшей и расплывшейся ткани, покрытый дегтем кусок веревки и обугленная щепка. Сейчас Дирк положил перед ним странный черный камень.

— Эта штука загорится, если ты достаточно ее разогреешь, обещаю тебе, — заверил он Гриффона. — Кузнецы иногда пользуются им, когда нужен действительно жаркий огонь; они отдают ему предпочтение перед древесным углем. Давай, попробуй.

Гриффон пристально, сосредоточенно уставился на черный булыжник. Медленно протекло несколько секунд; потом парень шумно перевел дыхание.

— Нет смысла... — начал он.

— Ты опять чересчур стараешься, — укорил его Дирк. — Расслабься. Это ничем не отличается от того, что ты делал с деревяшкой; просто эта штука чуть упрямее. Держи подольше.

Гриффон снова уставился на камень. Потом произошло нечто необъяснимое. Его глаза внезапно расфокусировались, и желудок Тэлии перекувырнулся; на мгновение она потеряла ориентировку — ощущение было такое, словно она оказалась как-то втянута в процесс мгновенного сопряжения двух разнородных объектов в новое целое.

Черный булыжник вспыхнул и яростно запылал.

— Тпру! — закричал Дирк, заливая огонь водой из ведра. Пламя оказалось таким жарким, что камень брусчатки зашипел и треснул, когда на него плеснули водой. Запахло раскаленным булыжником, взвилось облако пара.

Глаза Гриффона снова сфокусировались, и он ошоломленно уставился на почерневшее пятно на мостовой.

— Это что, я сделал?

— Конечно, ты. Поздравляю, — весело ответил Дирк. — Теперь ты понимаешь, почему мы проводим занятия на улице. Но это неважно. Ты как, сможешь повторить тот же фокус, только на сей раз чуть лучше контролируя происходящее?

— Думаю... да... — в глазах Гриффона снова, как и в прошлый раз, появилось отрешенное выражение — и мокрые остатки черного камня зашипели и весело запылали, выказывая полное презрение к тому факту, что лежат в грязной луже.

— А теперь потуши, — скомандовал Дирк.

Пламя мгновенно опало. Через несколько секунд камень настолько остыл, что Дирк смог взять его в руки.

— Молодец, парень! — одобрил Дирк. — Теперь ты ухватил, как это делается! Со временем ты научишься вызывать огонь прямо из воздуха, если захочешь — но пока не пробуй. На сегодня достаточно. Еще немного, и у тебя разболится голова.

Ильза тоже предупреждала группу Тэлии о головных болях, которые являлись прямым следствием перенапряжения Дара. Иногда их было не избежать, но по большей части накликать их не следовало. Дрейк как-то раз нарвался, когда захотел пустить кому-то пыль в глаза; его пример послужил остальным уроком. Ильза дала каждому пакет целебных трав — из них заваривали чай, который немного снимал боль — на случай, если кто-то из них не рассчитает и все-таки перенапряжется, и сказала, что, когда запас кончится, они смогут пополнить его у Мери — тот всегда держит их под рукой на кухне.

— Ну, Криста, твоя очередь. — Дирк перенес внимание на голенастую, похожую на жеребенка девочку, сидящую слева от него. — Такая же, как вот эта, трубка с сообщением, — он положил перед ней контейнер для посланий, из тех, что обычно возили на поясе Специальные Курьеры, — находится на верхней полке первого шкафа в Библиотеке. Она лежит на «Кружеве тени». Я знаю, что она больше, чем все предметы, с чем ты работала до сих пор, но расстояние немного меньше, чем то, которого ты уже достигла. Ну как, сможешь мысленно увидеть и перенести ее сюда?

Девочка, ничего не говоря, кивнула и взяла трубку в руки. Снова возникло ощущение нарастающего напряжения, Тэлия отчетливо восприняла его. Чувство было такое, словно она оказалась между двух людей, тянущих ее каждый в свою сторону... потом раздалось нечто вроде хлопка; в руках Кристи оказалась уже не одна, а две трубки.

Дирк взял у нее новую, открыл и с усмешкой продемонстрировал девочке содержимое — маленький кусочек пергамента с надписью. «Упражнение первое; одной левою». Довольная усмешка Кристи повторила его собственную.

— Не слишком хорошая поэзия, но чувство передано верно. Ну что ж, с этим ты справилась. Теперь давай посмотрим, не сможешь ли ты дотянуться немного дальше...

Ильза подтолкнула Тэлию; та неохотно кивнула, и обе тихонько удалились.

— Дары, подобные Дару Гриффона, известны тем, что учиняют страшный разгром и разрушение, если их обладателю не удастся научиться их контролировать, — сказала Ильза серьезно, когда их уже нельзя было услышать. — В прошлом бывали случаи, когда наставник ученика, возможно, не готовый к взрыву вроде того, что мы видели сегодня, пугался; ученик, в свою очередь, тоже пугался, реагируя на его страх. Иногда это приводит к тому, что ученик полностью блокирует свой Дар, и научиться полностью контролировать его становится для него невозможным; а потом, спустя какое-то время, если с ним случается потрясение или кризис, Дар снова вспыхивает с таким неистовством, что, говорят, невозможно поверить, не увидев. Нам очень повезло, что в прошлом такая ярость всегда была направлена против врагов королевства.

— Лаван Огненный Шторм... — понимающе сказала Тэлия. — Сейчас я припоминаю: он почти что в одиночку отбросил Слуг Тьмы в битве в Ущелье Белого Жеребенка. Но у Горящих Сосен его Спутник был убит, и последняя огненная буря, которую он вызвал, уничтожила не только врагов, но и его самого.

— По сей день у Горящих сосен не растет ничего; одни голые скалы. Тем, кто там присутствовал, еще повезло, что у Лавана сохранилось достаточно рассудка, чтобы предупредить их, прежде чем вызвать пламя. А гарантии, что огненная буря не может быть обращена не только против врагов, но и против друзей, нет — ярость часто слепа. Вот почему Дирк — такой хороший учитель: перед учениками он никогда не выкажет ни малейшего признака страха. Нам повезло, что у Круга есть такой преподаватель, — заметила Ильза. — Однако тебе уже пора идти упражняться с оружием, а мне нужно доложить, что я свободна для нового задания. Увидимся за ужином, котенок.

Тэлия продолжала упражняться каждый вечер, выбирая время, когда обычно непостоянные эмоции студентов Коллегии приглушит накопившаяся к вечеру усталость. Несколько недель она просто наблюдала то, во что ее затягивало, хотя пару раз быстренько переключалась на другой объект для наблюдения после того, как к ее смущению выяснялось, что она оказалась свидетельницей в высшей степени интимных сцен. Однако вскоре Тэлия приобрела некоторую уверенность в себе, и в один прекрасный вечер, когда она восприняла страх одного из младших учеников, которому снился кошмар, у нее возникло искушение вмешаться.

К ее огромной радости, страх отогнать удалось, и сон мальчишки быстро изменился, перейдя на более безобидные предметы.

Успех подвиг Тэлию на еще несколько попыток вмешательства в переживания других, хотя она всегда делала это только для того, чтобы прогнать отрицательные эмоции — гнев, страх, а однажды, когда очень серьезно поссорились двое дворцовых слуг — и ненависть. Хотя ей не всегда удавалось достигнуть полного успеха, этого оказалось достаточно, чтобы Тэлия прониклась уверенностью, что такое вмешательство «правильно».

То, что ее Дар полностью проснулся и развился, имело и побочный эффект. Это касалось Ролана. В конце концов, Ролан был жеребцом, причем первым жеребцом в табуне Спутников. А Спутники, подобно своим партнерам-людям, всегда находились «в охоте». По ночам внимания Ролана добивались очень многие синеокие кобылицы.

А теперь, когда Дар Тэлии набрал силу, защититься, отгородить свой ум от переживаний Ролана стало невозможным.

Вынужденное сопереживание любовных походов Ролана чрезвычайно расширило ее познания в некоторых областях — хотя это было отнюдь не то, о чем Тэлия всю жизнь мечтала.

В Дом Исцеления и Коллегию Целителей Тэлию привели как любознательность, так и растущая восприимчивость. Большинство пациентов составляли Герольды, получившие тяжкие увечья при несении полевой службы. Когда им становилось чуть лучше, их всегда доставляли из секторов сюда, где на помощь им приходили соединенные усилия и знания лучших врачей королевства. В Доме Исцеления не нуждались в Тэлии так остро, как случалось в другое время и в других местах, — и все же там чувствовалось страдание, которое влекло ее, как мотылька на огонь. Тэлия не представляла, как получить туда доступ, пока что-то не подсказало ей разыскать единственного Целителя, которого она знала, того, кто лечил ее, когда она болела, — Девана.

Ничего лучше она придумать не могла. Ильза уже вкратце рассказала Девану о природе Дара Тэлии, и он, сам будучи эмпатом, отлично понимал, какой непреодолимой притягательностью обладает для девочки Дом Исцеления. Он с радостью разрешил ей присутствовать на своих обходах, предполагая, что ей, возможно, удастся как-нибудь способствовать выздоровлению пациентов.

Это оказалось непросто, но, как сказала однажды Тэлия Селенэй, когда требовалось, она всегда выкраивала время. Она стала вставать на час раньше, завтракать на кухне и отправляться на утренний обход вместе с Деваном. Днем, когда Элспет каталась верхом вместе с матерью, она приходила в Дом Исцеления еще раз.

Тэлия узнала очень многое, и не только о Дарах Врачевания. Ее участие в проводимом Деваном лечении было необязательно — их окружало столько Целителей и Целителей-учеников — но то, что она видела, внушило ей глубокое почтение к его способностям. Специальностью Девана — у каждого Целителя была какая-то разновидность врачевания, которую он изучил лучше других — являлись увечья, вызванные ранением и тем, что он называл «травмами»: увечья, полученные внезапно или в результате насилия и зачастую сопровождавшиеся шоком.

Пока Тэлия не начала посещать Дом Исцеления, она никогда полностью не осознавала, сколь опасной может быть жизнь Герольда. До сих пор она знала только о смертях; сопровождая Девана, она увидела, что обычно случается с Герольдом, если ему не повезет при несении службы.

— Знаешь, приграничные сектора, как правило, хуже всего, — сказал ей Деван, когда Тэлия как-то

заметила, что из его пациентов самое меньшее трое, похоже, прибыли из секторов, расположенных поблизости от ее родных мест. — Вот возьми, к примеру, твой родной сектор; обычная продолжительность одного назначения для полевого Герольда — полтора года. Угадай, какова она для тех, кого назначают объезжать крепковерский сектор?

— Год? — наугад предположила Тэлия.

— Девять или десять месяцев. Все идет хорошо, пока не начинаются зимние набеги из Карса. Рано или поздно Герольд получает стрелу или удар топора и попадает сюда на лечение. Это один из худших секторов, хотя некоторые из тех, что расположены по Северной границе, немногим лучше: там варвары нападают всякий раз, как у них иссякают запасы продовольствия. Вот почему Альберих учит вас ведению боя, и стратегии, детка. Получишь назначение в сектор вроде крепковерского — и ты столько же солдат, сколько и Герольд. Несущий там службу Герольд вполне может оказаться единственным обученным воином во всей округе, пока не прибудет подразделение регулярной армии.

Чуть позднее Тэлия спросила Девана, как случилось, что в Доме Исцеления нет никого из района Вечнотуманного озера: она же знает со слов Керен и Шерил, что у них там тоже хватает грабителей.

— На Вечнотуманном не бывает набегов разбойников и варваров. Там есть только пираты и шайки грабителей, так как в прибрежных пещерах легко укрыться. Сюда попадает мало пострадавших из тех краев, поскольку такой противник по-настоящему не сражается: его задача — стащить и убежать. Твои же земляки обычно обходятся тем, что обращаются в один из ближайших Храмов Исцеления; там их кое-как латают, и они уходят. Из южных секторов ты здесь тоже никого не найдешь.

— Почему?

— Южные области граничат с Менмелитом, а это дружественная страна... но погода там странная и непредсказуемая, особенно летом. Уйма переломов в результате несчастных случаев... но опять же, их обычно лечат прямо на месте, если только не случилось чего-то действительно скверного, вроде перелома шеи или позвоночника.

— Но здесь двое из северо-западных краев, и один из них — бедный Востел... — Тэлия содрогнулась. У Востела была обожжена большая часть тела; когда он не был одурманен лекарствами, то испытывал невыносимые страдания. Тэлия взяла за правило подолгу сидеть с ним, так как непрекращающаяся боль истощала его душевные силы. С ней Востел чувствовал, что может не храбриться и не прятаться за хрупкими бастиями мужества и выдержки; с ней он мог плакать от боли, проклинать богов, признаваться, что боится остаться калекой. Тэлия изо всех сил старалась утешить, ободрить, поддержать и вернуть ему часть внутренних сил, отнимаемых физическими муками.

— Северо-запад — это жуткие места, — сказал Деван. — И это говорю я, который сам родом оттуда и должен бы привыкнуть. Из глуши появляются очень странные существа. Я не преувеличиваю, поскольку сам видел некоторых из них. Просто для примера: девяносто девять человек из ста скажут тебе, что грифоны существуют только в воспаленном воображении Бардов — сотый же бывал в тех местах и видел их в небе, и считает их смертоносной действительностью, каковой они и являются. Я видел их... однажды даже охотился на них; их трудно убить и невозможно поймать, и они опасны, как и всякое сверхъестественное существо, живущее в этой глухомани. Говорят, что когда-то где-то велись войны, в которых сражались при помощи магии — такой, как та, что описывается в сказаниях Бардов, а не как наши Дары, — и что существа, живущие в тех краях, остались от армий, сражавшихся тогда.

— А что думаете вы? — спросила Тэлия.

— Полагаю, это объяснение ничуть не хуже других, — пожал плечами Деван. — Я знаю только, что большинство людей не верит и половине того, что я рассказываю. Конечно, за исключением Герольдов: они-то знают, что к чему, особенно после того, как грифон отхватит у кого-нибудь из них добрый кусок мяса или жар-птица обожжет за то, что подошел слишком близко к ее гнезду — как это случилось с Востелом. Возможно, поэтому я здесь и остался: Коллегия — единственное место, где мне верят!

Тэлия покачала головой:

— Вы остались потому, что ваше место здесь. Вы слишком нужны здесь... вы не смогли бы заняться

ничем другим, и знаете это.

— Очень мудро, детка, — отозвался Деван, — больно уж ты мудра. Возможно, мне следует этому радоваться: ты безусловно помогаешь быстрее поставить больных на ноги. Если я тебе еще этого не говорил — я благодарен тебе за твои усилия. У нас недостаточно Целителей души, чтобы позаботиться о пациентах с незначительными травмами; тех двоих, что есть, приходится беречь для случаев, связанных со смертельно опасной потерей душевного равновесия. Не строй невинное лицо, я точно знаю, что ты делала! И, что до меня, я считаю, что ты можешь продолжать и дальше в том же духе.

Деван был прав: здесь, среди пострадавших, Тэлия нашла еще одно, более тонкое применение своему Дару. Здесь она столкнулась не с саморазрушительной скорбью, которая владела оставшимися в живых близкими после смерти Герольда; здесь следовало как-то преобразовать другие, менее явные отрицательные эмоции.

Одной из таких эмоций являлась столь знакомая Тэлии неуверенность в себе. Среди находящихся на излечении Герольдов не было ни одного, кто не стал бы ее жертвой. Часто они винили себя в собственных увечьях или же в гибели или увечье тех, кому пытались помочь. А поскольку они подолгу оставались наедине с болью и воспоминаниями, сомнения в себе все усиливались.

Неудивительно, что у некоторых больных развивались и различные навязчивые страхи, особенно если они попались в западню или же долго пролежали одни, пока не пришла помощь.

И в душе у большинства образовался сложный клубок вины и ненависти, который следовало распутать и удалить. Они ненавидели тех, кто прямо или косвенно стал причиной их увечья, и испытывали страшное чувство вины, потому что Герольду попросту не полагалось ненавидеть кого бы то ни было. Герольду полагалось быть понимающим. Герольду полагалось быть тем, кто устраняет ненависть, а не тем, кто сам ей поддается. То, что Герольду не полагалось также и быть чем-то вроде сверхчеловека или полубога, им в голову не приходило. То, что малая толика честной ненависти может быть полезна для здоровья — тоже.

Однако самой коварной из эмоций, той, с которой труднее всего было справиться, являлось отчаяние — а отчаяние более чем понятно, если твое тело получило слишком тяжкие увечья, чтобы его удалось полностью исцелить.

Порой случалось, что полное исцеление оказывалось невозможным из-за того, что пострадавший слишком долго оставался без врачебной помощи, особенно, если в рану попала инфекция. Именно так Джедус лишился ноги на войне с Карсом, сражаясь с наемниками Тедрела. Целители умели вправить даже мельчайшие осколки кости, чтобы раздробленная конечность могла правильно срастись — но только в том случае, если кость еще не начала срастаться сама. А устранить повреждение нерва, после которого прошло слишком много времени, было просто невозможно. Как облегчить страдания человека, который смотрит на свое искалеченное и изломанное тело и знает, что никогда уже не станет прежним?

А ведь была еще постоянная, подтачивающая силы и мужество боль, подобная той, которую терпел обожженный Востел.

Тэлия не могла противиться: она воспринимала страдания, как немую мольбу о помощи. Поэтому только естественно, что по мере того, как она становилась более искусной в использовании своего Дара, Тэлия начала помогать не только понесшим утрату, но и получившим увечье, причем делала это так тонко, что мало кто понимал, что она помогла ему, пока она не уходила.

Ей приходилось нелегко: нелегко найти время, нелегко видеть душевные муки, которые невозможно облегчить простым прикосновением или всплеском горя — но раз начав, она не могла остановиться.

То, что пациенты Дома Исцеления нуждались в ней, притягивало Тэлию так же сильно, как страдания тех, кого смерть лишила близкого человека.

Она не осознавала — хотя Кирилл и еще один-два человека уже поняли это — что она лишь идет по стопам многих других Личных Герольдов Государя. Подобно Тэлии, те, кто обладал наиболее сильным Даром такой природы, в конечном счете начинали помогать не только государю, но и всему Кругу Герольдов. Те же, кто понял, каковы способности Тэлии, ни минуты не сомневались, что, когда она наконец

получит Белое, она обещает стать одним из тех Герольдов, о которых слагают песни. К несчастью для их душевного спокойствия, жизнь Герольдов, о которых слагались песни, редко бывала спокойной или долгой.

Глава двенадцатая

Смотри, чтобы повязка была плотная и тугая, — напомнила Элспет Скифу, — иначе от испытания не будет никакого толку.

Скиф удержался от того, чтобы сказать, что знает это и без нее, и спросил только:

— Керен готова?

— Пойду гляну, — и Элспет убежала.

— Ты точно ничего не видишь? Не слишком туго? Не слишком свободно? — Спрашивал он Тэлию, напоследок поправляя ей повязку на глазах.

— Черно, как в мышиной норе в полночь, — заверила она его, — И все отлично — думаю, сползти не должна, но и не жмет.

— Керен говорит, что готова, если готова ты, — крикнула Элспет из-под завесы растущих на Спутниковом Поле деревьев, где стояла учительница верховой езды.

— Ты готова?

— В любой момент.

Скиф бережно провел Тэлию мимо деревьев, туда, где, уперев руки в бока и изогнув губы в полуулыбке, стояла Керен.

— Я поверила тебе на слово, маленький кентавр, но ты затеяла очень сложный фокус, — сказала она, когда они приблизились. — Насколько мне известно, еще никто никогда не пытался сделать такое; интересно, что получится.

— Но ни у кого, кажется, нет и такого Спутника, как у меня, — ответила Тэлия. — И я хочу проверить, что соответствует действительности, а что — лишь плод моего воображения.

— Что ж, сейчас узнаем. Если ты действительно видишь глазами Ролана, то не сделаешь ни одного неверного шага. Если же это тебе только примерещилось, тебе ни за что не удастся справиться с таким лабиринтом.

Напротив того места, где стояла Керен, багряные и золотые палые листья были тщательно убраны с участка размером не меньше ста футов в поперечнике, и на траве разбит тщательно вычерченный лабиринт; границы дорожек обозначали проведенные краской по траве линии. Ширина дорожек не превышала двух футов, и требовалась большая осторожность, чтобы не наступить на краску. Сам лабиринт, как и сказала Керен, был очень сложным, и, поскольку дорожки не ограничивались ничем, кроме нанесенной на траву краски, у Тэлии, которой завязали глаза, не было никакой возможности на ощупь определить, где они находятся.

Ролан стоял рядом с Керен, на небольшом пригорке, с которого ему был хорошо виден весь лабиринт. Согласно замыслу Тэлии, именно ему предстояло стать ее глазами на время выполнения задания. Если связь между ними действительно так сильна, как ей кажется, то она, Тэлия, сможет преодолеть лабиринт без особого труда.

Она двинулась вперед; Керен, Скиф и Элспет следили за ней, словно зачарованные.

Пройдя половину пути, Тэлия заколебалась. Медленно тянулись мгновения. Она пошла дальше.

— Упрется в тупик, — шепнул Керен Скиф.

— Нет, не упрется — подожди и увидишь. Здесь можно пройти несколькими путями, и, я думаю, она просто выбирала кратчайший.

Наконец Тэлия остановилась и повернулась лицом к зрителям.

— Ну как? — спросила она.

— Сними повязку и посмотри сама.

Она прошла лабиринт так успешно, что на сапогах не осталось ни пятнышка краски.

— Получилось, — сказала Тэлия, сама немного ошеломленная, — Действительно получилось!

— Должна признать, что это одно из наиболее удивительных зрелищ, которые я видела в жизни, — сказала Керен, направляясь к ней в сопровождении Ролана и двух остальных. — Я считала, что между мной и Дантрисом тесная связь, но не думаю, чтобы нам удалось такое. Почему ты останавливалась на полдороге?

— Ролан спорил со мной — я хотела пойти тем путем, которым в конце концов и пошла, а он хотел, чтобы я выбрала Т-образную дорожку.

— И та, и другая тебя бы вывели; однако твоя была короче. Готова к следующему испытанию?

— Думаю, да. Ролан, похоже, готов.

— Хорошо же... брысь, ты, объедатель садов! — Керен легонько шлепнула Ролана по крупу; тот фыркнул на нее и потрусил прочь. Скиф пошел за ним следом.

Керен вытащила из кармана игральная кость и метнула ее ровно двадцать раз, а Тэлия тщательно замечала количество очков. У Скифа с Роланом имелся набор из шести карточек, по одной на каждую грань кубика. От Ролана требовалось показать, какой гранью вверх падал кубик после каждого броска Керен — на этот раз уже ему предстояло воспользоваться глазами Тэлии. Процедура не заняла много времени; вскоре оба вернулись, и записи Скифа и Тэлии сравнили.

— Невероятно... ни единой ошибки! Надо рассказать Кириллу. Не сомневаюсь, что он устроит вам обоим еще какие-нибудь проверки, — изумленно сказала Керен.

— На здоровье, — откликнулась Тэлия. — Я только хотела удостовериться, что не заблуждаюсь относительно связи с Роланом. Теперь, когда все позади, я вам скажу, что проверяла еще одну вещь. Оба раза я все время блокировалась от Ролана.

— Ты шутишь! — у Скифа отвисла челюсть.

— Я серьезна как никогда. Вы ведь понимаете, что это значит, не так ли? Мало сказать, что между нами прочная связь; если я не могу закрыться от Ролана, то никто другой и подавно не сможет отрезать его от меня.

— Когда-нибудь это может тебе очень и очень пригодиться, — вступила в разговор Керен. — Это означает, что Ролан смог бы дотянуться до тебя, даже если бы ты лежала без сознания. Нам определенно нужно немедленно рассказать об этом Кириллу.

— Пожалуйста, сколько угодно. Едва ли есть причина держать это в секрете.

— Тэлия, как ты думаешь, у меня когда-нибудь будет такой друг, как Ролан? — тоскливо спросила Элспет.

Тэлия привлекла девочку к себе и крепко обняла за плечи. — Котенок, — шепнула она, — никогда, ни минуты не сомневайся в этом. На самом деле твой друг-Спутник вполне может оказаться даже лучше Ролана, обещаю тебе.

Ролан не ответил на это своим обычным, почти по-человечьи насмешливым фырканием. Вместо этого он ласково ткнулся в девочку носом, словно желая подтвердить обещание Тэлии.

Несколько дней спустя Тэлия решила точно выяснить, каков физический предел действия ее Дара.

Она не потрудилась зажечь в комнате свечу — просто в сгущающихся сумерках легла на постель и расслабилась, отгоняя и успокаивая любые отвлекающие мысли и эмоции, пока не перестала чувствовать свое тело — остался лишь якорь, от которого можно было двинуться вовне.

Тэлия медленно раздвигала границы своего восприятия — сначала за пределы комнаты, потом — Коллегии, а потом и за пределы дворца и его окрестностей. Во дворце смутно ощущались гнезда честолюбия и тревоги, но не встретилось ничего настолько сильного, чтобы удержать там Тэлию.

Она легко проскользнула мимо, решившись двинуться дальше, непосредственно в сам город. Эмоции виделись ей расцвеченными живыми красками.

По большей части Тэлия двигалась сквозь них, как сквозь туман; среди отрицательных эмоций ей не встретилось ни одной достаточно сильной, чтобы остановить ее продвижение. Раз или два она ненадолго задерживалась, чтобы вмешаться: один раз — в кабацкую ссору, второй — в кошмары, мучившие молодого ратника. Потом двинулась дальше.

Теперь Тэлия потянулась вдоль Северного Тракта, поочередно, словно следуя придорожным маякам, соприкасаясь с сознаниями людей, живущих или остановившихся на ночлег возле него.

Они напоминали ей маленькие светильники, указывающие путь на темной дороге — или, возможно, камни, по которым переходят через ручей, поскольку Тэлия не смогла бы без них двигаться дальше. Соприкосновения возникали здесь реже, чем в каком-либо ином направлении, так как Северный Тракт пролегал через самые малонаселенные части королевства. Пока сознание Тэлии плыло по этому пути, она припомнила, что именно этой дорогой отправилась на днях с поручением Ильза.

Внезапно, словно само воспоминание о существовании Ильзы явилось достаточным толчком, Тэлию потащило дальше на север; она оказалась во власти силы слишком могучей и настойчивой, чтобы ей сопротивляться.

По дороге она ощущала нарастающее беспокойство и тревогу, а также растущий страх. Тэлия почувствовала, что не в силах разорвать контакт или замедлить движение, и это встревожило ее еще больше. Она была почти в панике, когда ее внезапно втянуло в то, что тащило ее к себе.

Она очутилась там. Глядящей чужими глазами. Глазами Ильзы.

Засада!

Слишком много... Врагов было слишком много, чтобы отбиться. Фелара бешено лягалась и кусалась направо и налево, пытаясь расчистить путь к бегству, но нападающие знали свое дело и не выпускали их из кольца. Она крепко сжала ногами бока Фелары, чтобы удержаться, зная, что если упадет — погибла.

Она вытащила меч и рубилась им, но на смену каждому, кого ей удавалось уложить, вырастали двое. Короткий меч в общем-то не предназначался для того, чтобы им сражались верхом, и она успела нанести не больше полудюжины ударов, когда клинок застрял в теле падающего врага и рукоять вырвалась из ее руки; пришлось вытащить кинжал. Потом протрубил рог, и нападавшие дружно подались назад.

Страшная боль пронзила плечо; в глазах на мгновение помутилось. Она тупо взглянула вниз и увидела оперенное древко стрелы, торчащее из верхней части груди.

Фелара завизжала от муки: вторая стрела пронзила бок Спутника. Будь проклята луна! Они отчетливо видны в ее свете — отличная мишень для лучников, которые наверняка прячутся под деревьями. Нападающие отступили еще немного — и новые стрелы засвистели из темноты...

Фелара закричала снова и рухнула, придавив ее своим телом. И она не могла ни думать, ни двигаться, ибо ощущала боль и агонию умирающей Фелары так, словно умирала частица ее самой.

Когда лучники сделали свое дело, вокруг нее снова сомкнулись вооруженные мечами воины. Она увидела, как клинок блеснул в лунном свете и пошел по дуге вниз, и поняла, что это тот, который убьет ее...

Киш! Скажи королеве — в древке!

Десятки образов промелькнули и исчезли. Остался один. Стрелы с черным кольцом.

Их пять. Полые стрелы с черными кольцами на них...

Потом нестерпимая боль, и следом — ужасающая тишина и тьма, более жуткие, чем боль, она была заперта во тьме и не могла вырваться. Ухватиться было не за что, зацепиться не за что, потом внезапно в темноте возле нее что-то возникло.

Ролан...

И она в паническом страхе ухватила за него и потянула...

Тэлия завизжала от смертной муки — не своей, чужой — и увидела, что сидит на постели, вытянувшись в струнку.

Мгновение она растерянно моргала, не будучи полностью уверена, что все увиденное — это не просто чересчур яркий и правдоподобный кошмар.

И тут зазвонил Колокол Смерти.

— Нет... о нет, нет, нет... — Тэлия начала судорожно всхлипывать, как вдруг внезапная мысль вторглась в ее сознание, и слезы мгновенно высохли, словно их и не было.

Керен.

Керен, которую связывали с Ильзой узы столь же крепкие, как с ее Спутником и братом... которая зависела от этих уз. У которой, как знала Тэлия, вошло в привычку связываться со своей любимой каждый вечер в ее отсутствие, если Ильза находилась в пределах досягаемости ее Дара. Которая наверняка почувствовала смерть Ильзы: даже если она не разыскивала подругу мысленно в момент, когда та попала в засаду, она должна была узнать все благодаря связи, существующей между Герольдами.

И которая, убитая горем и потрясением от смерти Ильзы, вполне могла потерять опору, которую давали ей долг и чувство ответственности, настолько, чтобы захотеть умереть — и сделать это.

Тэлия все еще была одета: ложась, она сняла только башмаки. Не задерживаясь, чтобы надеть их, она бросилась к помещениям Герольдов. Тэлия еще ни разу не бывала у Керен, но заблудиться она не могла: нестерпимая боль утраты вела ее вперед, словно пылающий маяк. Ей оставалось только следовать за ним.

Когда она добежала, дверь оказалась распахнута; возле Керен обмяк ее брат-близнец — остановившиеся глаза, отсутствующее лицо. Керен оцепенела в кресле; очевидно, она пыталась дотянуться до Ильзы, когда та получила смертельный удар. Керен совершенно ушла в себя. Ее лицо казалось бесстрастной маской, и только безумные глаза говорили, что она еще жива. Застывшее в этих глазах выражение принадлежало раненому и близкому к смерти существу; в нем не осталось почти ничего человеческого.

Тэлия робко дотронулась до руки Керен; никакого ответа. Она тихо вскрикнула от испуга; потом взяла обе холодных руки Керен в свои и попыталась мысленно дотянуться до нее.

Ее затанул кипящий водоворот горя. Здесь было не за что удержаться. Только нестерпимое одиночество и боль утраты. В эту воронку уже засосало брата Керен — а теперь и Тэлию.

Она снова в панике стала искать мысленный якорь — и вновь появился Ролан, как непоколебимая колонна среди бушующего хаоса. Тэлия потянулась к нему; он поймал ее и удержал.

Теперь, уже не испытывая страха, уже не отданная на произвол урагана боли, она могла подумать и о других.

Дотянуться до Керен было невозможно, но ее брата, быть может, удастся освободить. Тэлия потянулась к искре «Терену», схватила ее и, не выпуская, изо всех сил рванулась, пытаясь вынырнуть на поверхность.

Судорожно дернувшись, Тэлия прервала контакт.

Оказалось, что она стоит на другом конце комнаты, наполовину поддерживаемая Тереном, наполовину поддерживая его.

— Что случилось? — выдавила она, задыхаясь.

— Она вскрикнула... я услышал, прибежал и увидел ее вот такой. Когда я попытался привести ее в себя, когда дотронулся до нее, она утащила меня туда, за собой... — Терен потряс головой, пытаясь прояснить мысли. — Тэлия, я никак не могу до нее дотянуться. Мы должны что-то сделать! Ты ведь сможешь достать до нее, правда?

— Я пыталась; даже близко не подойти. Это... слишком сильно, слишком замкнуто на себя. Я не могу ухватиться, а она уничтожает себя своим горем. Нужно как-то... — Тэлия попыталась стряхнуть с себя оцепенение, оставшееся после соприкосновения с этим хаосом безумия и потери, — нужно как-то придумать способ заставить ее обратить его вовне, а не в себя...

Ее разбегающиеся мысли успокоились, нашли фокус и зацепились. Во вспышке интуитивного

озарения, на которое, быть может, была способна только она одна, Тэлия подумала о Шерил.

Шерил, не побоявшейся нырнуть вслед за Керен в реку. Вслед за Керен — вот ключ. Сейчас Тэлия припомнила, что Шерил всегда, казалось, тенью виднелась поблизости от Керен, Ильзы или обеих вместе, где бы они ни находилась. И что в ее глазах всегда светилось что-то похожее на подавленное желание. Припомнила, как Шерил всегда старалась не приближаться к ним слишком близко, возможно боясь, что ее присутствие может что-то испортить.

Шерил, которая родом из тех же мест, что Керен и Терен; оттуда, где любовь между людьми одного пола не считается чем-то предосудительным и не предается анафеме, как зачастую принято в других краях.

Шерил, у которой, было множество любовников, но ни с одним из них она не осталась.

— Терен, подумайте хорошенько — Шерил уже вернулась со стажировки? — быстро спросила Тэлия.

— Я не... думаю, да... — Он все еще был слегка оглушен.

— Тогда приведите ее. Сейчас же! Она наверняка знает, по кому звонит Колокол — скажите ей, что она нужна Керен!

Терен не стал ни о чем расспрашивать: решительность, прозвучавшая в голосе Тэлии, сорвала его с места. Он выскочил за дверь, а Тэлия вернулась к Керен и осторожно попыталась дотронуться до нее, не давая затянуть себя вглубь вторично.

Наконец ее слуха коснулся звук, которого она с надеждой ждала: топот двух пар ног, бегущих по коридору.

Шерил далеко обогнала Терена, и в голове у нее явно стучала только одна мысль: Керен.

Тэлия уступила ей место, и Шерил сжала руки Керен в своих и упала возле нее на колени, безутешно рыдая и зовя ее по имени.

Ее плач сделал то, что оказалось не под силу Тэлии: пробился сквозь пустоту, в которой замкнулась Керен. Голос Шерил, а быть может, звучащая в нем нескрываемая любовь и боль, равная той, которую испытывала Керен, сбросили тиски, в которых сжало ее рассудок горе.

Лицо Керен дрогнуло, ожило, ее взгляд упал на девушку, стоящую возле нее на коленях.

— Шерил... — хрипло прошептала Керен.

Кое-что еще всплыло из глубин памяти — Тэлия вспомнила слова Ильзы — «устойчивая неспособность порой скрывает способности» — и как сама Шерил отрицала, что обладает способностями к чтению мыслей, кроме разве что самых зачаточных.

Под напором их общего горя и необходимости найти и дать утешение стены, сковывавшие сознание Шерил, рухнули.

Тэлия и Терен вышли и затворили дверь, давая им излить свою скорбь наедине. Наедине, но уже не в одиночестве, уже не лишенным поддержки перед лицом горя.

Тэлия прислонилась к стене коридора, желая только одного: бессильно расплакаться самой.

— Тэлия? — Терен легонько дотронулся до ее локтя.

— Богиня... о, Терен, я видела, как она умирала! Я видела, как умирала Ильза! Это было так ужасно... — Слезы струились по ее лицу, но плач не приносил облегчения. Вокруг Тэлии начинали собираться другие Герольды; она не успела восстановить защиту, и их шок и горе смешивались с ее собственными, только усиливая боль. Ощущение было такое, словно ее не то душат, не то рвут на десятки маленьких кусочков и рассеивают по ветру.

Герольд Кирилл, высокий немолодой человек, значительно старше Терена, в сопровождении королевы протолкался к Тэлии и схватил ее за руку. Установленный таким образом контакт позволил ему помочь Тэлии закрыть ее сознание от других. Это дало ей некоторую передышку, хотя облегчение было лишь частичным. Она не могла заслониться от собственных воспоминаний.

— Ваше величество! — воскликнул Кирилл. — Вот чье еще присутствие я почувствовал тогда!

Селенэй воспользовалась своей властью королевы и приказала очистить коридор.

— Кирилл... — сказала она, когда рядом осталась одна Тэлия, — А вдруг она знает ответ... ее дар — эмпатия, а значит, она становится одним целым с человеком, с сознанием которого соприкасается.

Тэлия молча кивнула, подтверждая слова Селенэй: ее лицо было мокрым от слез, горло слишком сдавило, чтобы она могла говорить.

— Госпожа моя... — почти умоляюще обратился к ней седовласый Герольд — возможно, ты являешься ключом к ужасной дилемме. Я слышу мысли других, это правда, но только мысли. Испуская последний вздох, Ильза послала мне сообщение, но мне оно не говорит ничего, ничего. Но если ты сможешь вспомнить ее переживания, ты, делившая с ней ее восприятие... ты единственная знаешь смысл, стоящий за этими сбивчивыми словами. Ты можешь нам сказать, что они означали?

Те, последние образы слишком легко возникли в памяти, неся с собой и все остальное, пережитое тогда.

— Стрелы, — задыхнулась Тэлия, чувствуя предсмертные муки Ильзы каждой клеточкой своего тела, — стрелы с черным кольцом, которые она везла — металлические, полые. То, что вам нужно, находится внутри.

— «В древке»... конечно! — выдохнула Селенэй. — Она имела в виду древко стрелы!

Тэлия сжала руками разламывающиеся виски; ей страшно хотелось темноты, покоя и забвения от этого кошмара.

— Кирилл, Крис и Дирк сейчас здесь? — требовательно спросила Селенэй.

— Да, ваше величество.

— Тогда у нас есть шанс вырвать то, что добыла для нас Ильза, прежде чем убийцы смогут это найти. Тэлия, я должна попросить тебя еще об одном одолжении. Идем со мной... Кирилл, разыщите Криса и Дирка и приведите ко мне.

Селенэй быстро пошла, почти побежала по коридору; Тэлии пришлось забыть о раскалывающейся от боли голове и заставить свои дрожащие ноги пуститься бегом, чтобы не отстать от королевы. Они миновали помещения Коллегии и вошли в часть дворца, закрепленную за членами королевской семьи — старую часть, построенную еще во времена Вальдемара и Основания Королевства.

Королева открыла дверь в маленькую, размером едва ли больше чулана, комнату — круглую, с круглым столом посередине.

Ее освещала единственная плотно затененная лампа, свисающая с потолка точно над центром стола. Под ней на обтянутой тканью подставке лежал хрустальный шар. Стол окружали также обитые тканью скамьи со спинками.

Когда дверь за Селенэй и Тэлией закрылась, мертвая тишина в комнате показала, что она так хорошо изолирована от внешнего шума, что за дверями мог бы происходить небольшой бунт, а находящиеся в комнате люди ничего бы даже не заметили. Не стало слышно даже зловещего боя Колокола Смерти.

Тэлия рухнула на одну из скамей, держась за разламывающиеся виски и закрыв глаза, которые резал даже такой тусклый свет.

Передышка оказалась недолгой. Дверь снова отворилась; Тэлия приподняла свинцовые веки и увидела, что Кирилл привел с собой еще двоих Герольдов. По их виду нетрудно было догадаться, что обоих подняли с постели и они одевались в крайней спешке.

С внезапной острой болью Тэлия узнала Дирка и без труда догадалась, что ангельски красивый юноша — Крис. Они опустились на скамью слева от нее; ближе сел Крис. Кирилл занял место справа от Тэлии, рядом с ним — Селенэй.

— Тэлия, — начал Кирилл, — я хочу, чтобы ты снова повторила путь, по которому посылала свое сознание нынче вечером. Думаю, остаточный эмоциональный фон там, вероятно, довольно силен, и ты сможешь вновь найти это место. Знаю, будет нелегко; это потребует всех твоих сил до последней крупинки,

и, думаю, можно предсказать, что-то, что ты там увидишь, может оказаться еще страшнее, чем-то, что ты уже знаешь. Я постараюсь ослабить твои впечатления, но, поскольку твой Дар связан с эмоциями и переживаниями, ты неизбежно испытаешь боль. Крис последует за тобой внутренним видением. Вложи свою руку в его и не выпускай, пока мы не скажем. Дирк будет поддерживать связь с Крисом, а королева станет прикрывать нас четверых от внешнего мира и чужих мыслей, а также защищать нас от всех отвлекающих воздействий.

Пока он говорил, Крис взял безвольную правую руку Тэлии в свою.

У нее не было лишних сил, чтобы ответить; она просто откинулась на обитую мягкими подушками спинку скамьи и вновь ввела себя в прерванный транс. Мешала боль в голове. Раздался шепот, и на руку, вложенную в руку Криса, легла чья-то чужая...

«Селенэй», — рассеянно отметил разум... и боль отступила. Теперь Тэлия повторяла уже пройденный путь, пользуясь неким двойным внутренним зрением — видя воронки эмоций, которым она следовала, и одновременно видя действительную местность и ориентиры с помощью Дара Криса. Темнота нисколько не мешала ему, поскольку все казалось освещенным изнутри, особенно живые существа.

Время потеряло значение. Потом, по мере того, как Тэлия стала узнавать предметы, мимо которых проходила, она начала страшиться того, что ей предстояло увидеть в конце пути.

Когда она снова очутилась на месте засады, увиденное было, вероятно, худшим из всего, что ей довелось пережить в жизни.

Тело Ильзы обыскали — с полной и бесчеловечной тщательностью. Тэлия порадовалась только тому, что Керен не находится сейчас в контакте с ней и не видит, какие зверства учинили над спутницей ее жизни. Она ощутила позыв к рвоте и почувствовала, что начинает терять захват, удерживающий ее на этом месте; потом — что ее поддерживает еще чья-то сила.

Тэлия цеплялась за свою задачу, пока не начала теряться: ее силы иссякали. Она уже даже отдаленно не чувствовала своего тела. Внутреннее видение замутилось, подернувшись светящейся пеленой. Тэлия знала, что должна бы испугаться, поскольку вышла за пределы своих возможностей и выносливости и ей угрожала серьезная опасность заблудиться и сгинуть навсегда, не сумев вернуться в себя, но не могла наскрести сил даже для того, чтобы испытать страх.

Потом она в третий раз ощутила рядом спасительное присутствие Ролана, вливающего в нее энергию, и продержалась гораздо дольше, чем, как ей казалось, было под силу человеку. Наконец она услышала, как голос Криса произнес: «Есть», и почувствовала, что он выпустил ее руку.

— Твоя часть завершена, Тэлия, — прошептал Кирилл.

Она опрометью ринулась обратно в себя, с еле слышным всхлипом облегчения уткнулась головой в лежащие на столе руки и наконец позволила себе по-настоящему расплакаться. Она плакала молча; только вздрагивающие плечи выдавали рыдания.

Теперь внимание окружающих было сосредоточено на другом, и Тэлия почувствовала, что может дать волю горю.

Что-то с тихим металлическим лязгом упало на стол. Потом звук повторился еще раз и еще — всего четырежды.

Хриплый от усталости голос Дирка сказал:

— Вот они.

Справа от Тэлии произошло движение; послышался скрежет металла о металл, потом шелест бумаги.

Мертвая тишина; потом королева вздохнула и встала. Тихо скрипнула по полу отодвинутая скамья.

— Вот доказательство, которого я ждала, — сказала она угрюмо. — Я должна созвать Совет. После злодеяния нынешней ночи чьи-то шеи ждет петля — и высокородные шеи.

От двери пахнуло прохладным воздухом, и она ушла.

Тэлия почувствовала, как рядом с ней поднялся Кирилл.

— Мое место — на заседании Совета. Я должен представлять Круг, — сказал он, потом замялся.

— Идите, Кирил, — разрешил его колебания Крис, — Мы позаботимся о девочке.

Кирил облегченно вздохнул: очевидно, он разрывался между долгом перед Тэлией и перед Кругом.

— Да благословит вас Бог, братья. Тэлия... — его рука на мгновение легла на ее голову. — Ты более чем достойна быть Личным Герольдом Королевы. Без твоей помощи мы не могли бы даже мечтать об успехе. О, проклятье, слова сейчас значат меньше, чем ничего! Очень скоро ты узнаешь, что дали нам муки этой ночи. Теперь наконец свершится давно заслуженное правосудие. Думаю... Ильза гордилась бы тобой.

Вздох двери, и он исчез.

— Тэлия? — кто-то занял место Кирилла справа от нее; Тэлия узнала голос Дирка. Сделав над собой усилие, она уняла поток слез и наконец обрела слабое подобие самообладания. Тайком вытерла глаза рукавом и подняла раскалывающуюся от боли голову.

На лицах двух Герольдов читалась усталость под стать ее собственной; — в глазах Криса стояли слезы, влажные дорожки виднелись и на щеках Дирка. Оба они пытались дотянуться до нее из глубины собственного горя и утешить, но толком не знали, что сказать.

— Я... думаю, что хотела бы... пойти обратно к себе, — осторожно выговорила Тэлия между приливами боли. Голова пульсировала в лад с биением сердца, а в глазах мутилось всякий раз, когда боль усиливалась.

Она попыталась встать, но едва успела подняться на ноги, как комната завертелась вокруг, как волчок, свет лампы померк, в ушах зашумело.

Крис отшвырнул в сторону стол, чтобы она не раскроила себе череп, а Дирк опрокинул скамью, пытаясь подхватить ее на лету; потом все, казалось, растворилось, даже ее собственное тело, и мысли исчезли, смытые волной боли.

Перед ней стояла Ильза и с ней Фелара. По крайней мере, Тэлия подумала, что это Фелара: Спутник каждую минуту выглядел по-иному — пленительный, светящийся, непрерывно меняющийся силуэт. И где они находились... это было нечто вроде призрака ее собственной комнаты, серого и полного теней, какого-то бесплотного. Сквозь стены виднелись луна и звезды.

— Ильза? — сказала она с сомнением — Герольд выглядела едва ли старше ее самой.

— Котенок, — ответила Ильза звучным и мелодичным голосом. — Ох, котенок! Ты не будешь помнить наш разговор отчетливо — но и не забудешь. Скажи Керен, чтобы не горевала слишком долго; скажи, что я так велела! А если она не будет вести себя как следует и не примет то, что предлагает Шери, я стану ей являться! Тьма — это не конец всему, котенок, за нею лежат Гавани, и мне давно пора. Но прежде, чем уйду, я должна сказать и оставить тебе на память кое-что...

На следующее утро Тэлия проснулась с дикой головной болью и воспаленными глазами, но странно успокоенной. Ей приснился сон... или то был не сон?

Ильза — уже не то изуродованное, растерзанное нечто, которое видела Тэлия ночью, а чудесным образом возродившаяся, невредимая и какая-то помолодевшая — говорила с ней. Для призрака — если она действительно была призраком — она выглядела удивительно реальной и осязаемой.

Они с Тэлией проговорили долго, очень долго; кое-что из того, что говорила Ильза, запомнилось так отчетливо, что Тэлия почти слышала ее голос — например, что сказать Керен, когда ее горе немного притупится; дать понять Шери, что она не должна считать себя лишней или думать, что навязывается. Потом Ильза взяла ее руку в свою и сделала... что?

Тэлия не могла вспомнить точно, но боль минувшей ночи каким-то чудом сменилась тихой грустью, которую было гораздо легче вынести.

Воспоминания тоже изменились: те, что принадлежали лично ей, остались кристально четкими, но Ильзины затуманились, отдалились на шаг и больше не являлись мучительной частью ее собственных.

Тэлия уже не могла вспомнить, каково это — умирать.

Оглядев себя, Тэлия увидела, что на ней только свободная рубаха и штаны: вчера, укладывая в постель, кто-то снял с нее верхнюю тунику. Тэлия села; к головной боли тут же добавилась тошнота, виски заломило.

Узнать симптомы не составило труда; в конце концов, она сильно перенапрягла свой Дар. Теперь приходилось расплачиваться. Ильза во сне сказала что-то и об этом тоже...

Тэлия кое-как сползла с кровати и, подойдя к столу, обнаружила, что кто-то предвидел, в каком состоянии она проснется, и приготовил кружку с Ильзиными целебными травами.

Над крошечным огоньком, потрескивающим в ее карманного размера очаге, висел котелок с водой. Тэлии оставалось только залить кипятком измельченные травы и подождать, пока чай настоится. Она медленно сосчитала до ста, потом выпила отвар, не удосужившись даже подсластить или процедить его. Когда пульсирующая боль в голове чуть поутихла, а желудок прекратил попытки вывернуться наизнанку, Тэлия отправилась в умывальную. Горячая ванна тоже входила в рецепт, и она парилась по меньшей мере час. За это время головная боль уменьшилась до терпимых размеров, и Тэлия одела чистую форму и спустилась на кухню.

Меро работал, словно одержимый дьяволом; на его лице застыло горе, столь же сильное, как и горе любого другого Герольда. Он приветствовал ее появление удивленным восклицанием, и вскоре Тэлия оказалась засунутой в уголок кухни с новой кружкой травяного отвара в одной руке и ломтиком медового кекса, чтобы заедать неприятный вкус — в другой.

— Что-нибудь случилось с прошлой ночи? — спросила она, зная, что Меро мгновенно узнает все новости.

— Почти ничего, — ответил он. — Но... ее привезли домой на рассвете...

Его лицо на мгновение сморщилось, и Тэлия запоздало вспомнила, что Меро и Ильза были давними друзьями, что в давние годы, когда Ильза еще училась, повар «удочерил» ее, почти так же, как позже привязался к Элспет.

— А Керен? — спросила Тэлия, не решаясь бередить его горе.

— Она... держится. Лучше, чем я мог надеяться. Это был мудрый поступок... добрый поступок — привести к ней того, кто может по-настоящему почувствовать и разделить ее скорбь и боль утраты, — ответил Меро, взглянув на Тэлию с грустным одобрением. — Книга Единого гласит, что «самая истинная любовь — та, что думает о чужой боли прежде собственной». Она... госпожа Ильза... она, наверно, гордится тобой, я так думаю... — запинаясь выговорил он и замолчал, не зная, что еще сказать.

— Надеюсь, что да, Меро, — искренне ответила Тэлия. — А что королева и Совет... и Терен?

— Терен помогает Шерил ухаживать за сестрой; он, по-видимому, вполне здоров. Думаю, для него главное — знать, что Керен снова вне опасности. О, а Шерил велено оставаться в Коллегии, пока ее новопробудившийся Дар не будет должным образом отшлифован. Позаботиться об этом должен сам Кирилл. Что же до остального... Совет все еще заседает за закрытыми дверями. Однако за час до рассвета по дворцу взад-вперед ходила стража. Ходят слухи, что несколько высокородных особ пропали из своих постелей. Но... ты ничего не ешь... — Меро нахмурился, и Тэлия поспешно вонзила зубы в кекс. — Давным-давно она сказала мне, что те, кто сильно расходует на магию, должны вскоре возмещать то, что истратили, или же страдать от последствий. — Он стоял над Тэлией, пока она не доела, потом впихнул ей в руку еще один кусок.

— Так тихо, — сказала она, внезапно почувствовав, что не хватает топота ног и шума голосов, обычно наполнявших Коллегию. — Где все?

— В Большой Зале, ждут, что скажет Совет. Возможно, тебе тоже следует пойти туда.

— Нет... думаю, не нужно, — сказала Тэлия, прикрывая утомленные глаза. — Теперь, когда голова у меня снова заработала, я знаю, каким будет решение.

То ли она сама разобралась в запутанных воспоминаниях, то ли ей помог кто-то — или что-то — но

теперь Тэлия знала, за что отдала жизнь Ильза.

Она везла ничто иное как документальные свидетельства измены королеве и убийства многих Герольдов пятью высокопоставленными придворными, написанные их собственной рукой.

Именно эти неопровержимые доказательства так давно стремилась получить Селенэй, — а двое из названных в письмах вельмож до сих пор находились вне подозрений, и оба являлись членами Совета.

Отречься от собственных писем им не удастся; прежде, чем наступит ночь, заговор, организованный мужем королевы, будет уничтожен с корнем.

Документы, спрятанные в полых стрелах и доставленные в затемненную комнату дворца Дирком и Крисом, станут орудием мщения за саму Ильзу, Таламира и многих других Герольдов, чьих имен Тэлия даже не знала. Как Ильза раздобыла эти бумаги, Тэлия понятия не имела — а теперь, когда снадобье, которое она пила, наконец начало действовать, ее это не очень и волновало.

Она немного задремала, клюя носом, как вдруг Колокол Смерти смолк. Тэлия проснулась от внезапно наступившей тишины; потом зазвонили другие колокола — те, что звонили только для того, чтобы оповестить о важнейших решениях, принятых Советом. Они вызванивали «смерть».

Меро кивнул как бы про себя.

— Совет постановил, и королева утвердила. Смертный приговор, — сказал он. — Вероятно, они даруют приговоренным право умереть от собственной руки, но если у тех не хватит мужества, тогда утром их ждет палач. Хотел бы я... — его лицо выражало одновременно горе и ярость. — Знаю, это противоречит заповедям Единого, да простит Он меня... но я хотел бы, чтобы у каждого из них было по дюжине жизней, чтобы они могли по-настоящему заплатить за то, что сделали! И я сам хотел бы быть тем, кто свершит над ними это возмездие...

При виде обнаженного горя Меро Тэлия ненадолго прикрыла глаза, а потом собрала с силами и мысленно потянулась, чтобы постараться облегчить его.

Лепестки, облетающие с яблонь, были одного цвета со шкурой Ролана — и с новеньким, без единого пятнышка, походным нарядом Скифа.

— Я что, так изменился? — тревожно спрашивал он Тэлию.

— Я хочу сказать, я не чувствую никаких изменений.

— Боюсь, ты действительно изменился, — ответствовала она с серьезной миной. — Стал совершенно другим человеком.

— Как это?

— Ну, если уж говорить начистоту, — она понизила голос, словно собиралась сообщить ему крайне неприятную новость, — ты выглядишь...

— Как? Как?

— Солидным. Серьезным. Взрослым.

— Тэлия!

— Нет, по правде, ты ни капельки не изменился, — прыснула она. — Просто похоже на то, что ты свалился в чан с отбеливателем, и твое Серое случайно получило повышение.

— Ох, Тэлия, — он ненадолго присоединился к ее смеху, потом посерьезнел. — Я буду скучать по тебе.

— Я тоже буду по тебе скучать.

Они молча пошли сквозь вьюгу падающих лепестков. Воцарившееся молчание в конце концов нарушил никто иной как Скиф.

— По крайней мере, я буду не так за тебя тревожиться... не так, как тревожился бы, если бы уезжал прошлой осенью.

— Тревожиться? За меня? Почему? Здесь-то о чем можно тревожиться?

— Во-первых, ты теперь в безопасности, не осталось никого, кто жаждал бы твоей крови. Во-вторых, ну, не знаю почему, но раньше все время казалось, что ты не своя в Коллегии. А теперь — своя.

— Теперь я чувствую, что заслужила место здесь, только и всего.

— Клянусь, тебе никогда и не нужно было как-то его заслуживать.

— Мне казалось, что нужно. — Вдали показался сарай для сбруи, где ждала Спутник Скифа, Симри, а с ней и его наставник по стажировке, Дирк. — Обещаешь мне одну вещь?

— Какую?

— Что не разучишься смеяться.

Скиф ухмыльнулся.

— Если ты пообещаешь, что научишься.

— Шут.

— Зануда.

— Мерзавец.

— Стерва. — И неожиданно, — У меня никогда не будет друга лучше, чем ты.

Горло Тэлии внезапно перехватило от слез. Не в силах говорить, она крепко обняла Скифа и уткнулась лицом ему в плечо.

Несколько мгновений спустя она заметила, что он сделал то же самое.

— Только полюбуйся на нас, — удалось ей выговорить, — Пара здоровенных ревущих младенцев!

— Все к лучшему, — он вытер слезы рукавом. — Тэлия, я действительно хотел попросить тебя кое о чем прежде, чем уеду. Я хотел бы, чтобы ты кое-что сделала.

— Все, что угодно, — ей удалось усмехнуться, — Если это не втравит меня в слишком уж большие неприятности!

— Ну... у меня никогда не было семьи... По крайней мере, насколько мне известно. Не захочешь ли ты... быть моей семьей? Моей сестрой? Раз уж нам, похоже, не суждено стать ничем иным?

— Ох, Скиф! Я... — Она сглотнула. — Ничто не обрадовало бы меня больше, даже получение Белого. У меня тоже теперь нет семьи, но ты один стоишь дюжины Усадеб.

— Тогда, как мы делали когда-то на улице... — Скиф торжественно надрезал себе запястье и протянул нож Тэлии; она последовала его примеру, и они соединили ранки.

— Кровь за кровь, до самой смерти, — прошептал он.

— И после, — откликнулась Тэлия.

— И после.

Скиф разорвал пополам носовой платок и перевязал им порезы.

— Думаю, пора. Если я еще проваландаюсь, Дирк рассердится. Ну... счастливо.

— Будь там осторожен, обещаешь? Если тебя угораздит покалечиться... я... я натравлю на тебя Альбериха!

— Владыка Света, да ты действительно злодейка, просто изверг!

Скиф повернулся к Тэлии, яростно сжал в объятиях, чуть не выдавив весь воздух из ее легких, потом быстро и крепко чмокнул в губы и побежал к своему ожидающему наставнику. На бегу он оглянулся через плечо и в последний раз помахал на прощанье.

Тэлия махала ему вслед, пока он окончательно не скрылся из виду.

Она не подозревала, что за ней следят.

— Вот и последний ее друг уходит, — вздохнула Селенэй; в ее глазах было виноватое выражение.

— Не думаю, — ответил Кирилл за ее спиной.

Они только что отпустили своих Спутников и медленно шли вдвоем обратно во дворец; из-за ласкового весеннего тепла и душистого дождя облетающих цветов обоим не хотелось возвращаться к делам.

Кирилл заметил Тэлию первым; они свернули в рощицу, чтобы не помешать прощанию — посторонние явно были бы лишними.

— Почему? — спросила Селенэй. — Видит Владычица, у Тэлии слишком мало времени, чтобы заводить друзей.

— Ей не нужно их заводить, они сами заводятся. Как ни мало я вижу учеников, этого я заметил. И не только ребята — еще Керен, Шерил, даже Альберих.

— Достаточно, чтобы она оставалась здесь без сожаления? Мы украли ее детство, Кирилл... сделали ее женщиной в детском теле и взвалили обязанности, от которых побледнел бы и взрослый.

— Мы крадем детство у всех них, госпожа; это происходит одновременно с Избранием, — вздохнул Кирилл. — Среди нас нет никого, кому бы выпала возможность по-настоящему побыть ребенком. Ответственность рано ложится на плечи всех нас. Что же касается Тэлии — мы ничего не украли, потому что у нее никогда не было детства; ее собственный народ позаботился об этом.

— Это несправедливо...

— Жизнь вообще несправедлива. И все же, будь у Тэлии возможность выбирать, она предпочла бы Избрание любой другой судьбе. Я знаю, что я бы предпочел. Неужели вы не считаете, что здесь она счастливее, чем где бы то ни было?

— Если бы только я могла быть в этом уверена.

— Тогда последите за ней — и увидите.

Тэлия не отрываясь смотрела вслед Скифу и его наставнику до тех пор, пока они не исчезли за домами, потом повернула обратно к Коллегии. Когда она оборачивалась, Селенэй отчетливо разглядела ее лицо: думая, что никто ее не видит, Тэлия не воздвигала никаких заслонов. Задумчивое выражение ее лица все светлело; к тому моменту, как она оказалась лицом к Коллегии, большая часть вызванной расставанием грусти уже исчезла из ее глаз. И у Селенэй отлегло от сердца, потому что в глазах своего Личного Герольда она прочла то, что и обещал Кирилл.

Тэлия вздохнула, снова направляясь к Коллегии. И тут она почувствовала, что Ролан осторожно тянется к ней. Одно показавшееся долгим мгновение после того, как Скиф исчез, начав самостоятельную жизнь, она чувствовала себя покинутой и страшно одинокой. Но теперь...

Как может она чувствовать себя одинокой, пока у нее есть Ролан?

И Скиф — не единственный ее друг; Джери где-то пропадает, но Шерил все еще здесь... и Керен, Деван, маленькая Элспет, Селенэй... даже милый, чрезмерно галантный Гриффон.

Все они были ей больше чем друзьями; они были родными — и, что особенно важно, родными по духу. Ее семьей. Ее настоящей семьей. Именно здесь было ее место; как она сказала Скифу, ей просто потребовалось много времени, чтобы понять это.

И Тэлия с легким сердцем зашагала обратно по дорожке, ведущей к Коллегии.

Коллегии... и домой.